
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00308999 2

E C 37

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

А. С. ПУШКИНА.

ОПЫТЪ
РАЗБОРА СО СТОРОНЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ.

Андрея Филонова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1899.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

А. С. ПУШКИНА.

ОПЫТЪ

РАЗБОРА СО СТОРОНЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ.

Андрея Филонова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Апрѣля 1899 г.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ

А. С. ПУШКИНА.

Опытъ разбора со стороны исторической и эстетической.

На заглавномъ листѣ этого произведенія читаемъ: „драгоцѣнной для Россіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина, сей трудъ, геніемъ его вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ Александръ Пушкинъ“.

Н. А. Полевой невольно улыбнулся, читая это посвященіе. „Посвященіемъ своего творенія Карамзину, писалъ онъ, Пушкинъ невольно заставилъ улыбнуться, въ дѣтскомъ какомъ-то раболѣпствѣ называя Карамзина — Богъ знаетъ чѣмъ“ [1]). Это сказалъ Н. А. Полевой въ 1831 году [2]).

Другой критикъ, жившій ближе къ намъ по времени, видѣлъ въ этомъ посвященіи что-то канцелярское (?!) и оффиціальное (?!!) и страшно нападалъ на слово *сей*, которое есть въ посвященіи. Это было въ 1845 году [3]).

---

[1]) Москов. Телегр. 1831, част. 37, стр. 246.

[2]) Въ 1831 г. вышелъ Борисъ Годуновъ Пушкина. Почти всѣ тогдашніе журналы дали свой отзывъ объ этомъ произведеніи. Отзывы ихъ, а равно и другихъ критиковъ, мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ.

[3]) Отеч. Зап. 1845, томъ 43. Критика, стр. 16. Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1860, т. VIII, стр. 635.

Оба эти критика уже умерли, а тотъ, о комъ они такъ отзывались, прежде ихъ почилъ на вѣкъ. Отзывъ же критиковъ и самое произведеніе, о которомъ они отзывались, все еще живутъ.

Съ благоговѣніемъ и благодарностію Пушкинъ посвятилъ свой трудъ Карамзину. Такая большая честь Карамзину принадлежитъ ему по праву. Карамзинъ цѣлыхъ 24 года трудился надъ Исторіею Государства Россійскаго [1]). „Исторія Государства Россійскаго, пишетъ Пушкинъ, есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка [2])“. Пушкинъ называлъ Карамзина священнымъ судіею, стражемъ вѣрнымъ прошлаго, наперсникомъ давно бывшаго.—Вотъ стихи Пушкина:

„Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія [3]),
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ, мужъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый,
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ [4]).

Въ Февралѣ 1821 г., когда вышли въ свѣтъ первые восемь томовъ Исторіи Государства Россійскаго, Пушкинъ былъ боленъ. Но онъ забылъ болѣзнь, читая Исторію. „Я прочелъ, пишетъ Пушкинъ, первые восемь томовъ въ своей постелѣ съ жадностью и со вниманіемъ.... Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Коломбомъ“ [5]).

У насъ, писалъ Пушкинъ, *никто* не въ состояніи изслѣдовать огромное *созданіе* Карамзина, за что *никто* не ска-

[1]) Съ 1803 по 1826 г. Указъ Государя Императора Александра I-го о пожалованіи Карамзина исторіографомъ и особенными щедротами вышелъ 1803 г., Окт. 31. Вѣстн. Евр. 1803 г., № 22.

[2]) Отрывки изъ Записокъ А. С. Пушкина. Въ собраніи сочин. А. С. Пушкина.

[3]) Т. е. Карамзинъ.

[4]) Соч. А. С. Пушкина въ посланіи къ Жуковскому 1817 г.

[5]) Соч. А. С. Пушкина. «Записки» въ собр. сочин.

залъ *спасибо* человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ, во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ" [1]).

Такъ благоговѣлъ Пушкинъ передъ Карамзинымъ! Вотъ откуда и объясняется такой смиренный тонъ посвященія Бориса Годунова Карамзину. Ни улыбаться, читая посвященіе, ни видѣть въ немъ канцелярское что-то и оффиціальное — не слѣдуетъ.

Не одинъ Пушкинъ, а и другой нашъ поэтъ благоговѣлъ предъ именемъ Карамзина. Побѣжденный учитель Пушкина въ посланіи своемъ къ Дмитріеву вотъ что говоритъ о Карамзинѣ:

„О какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный ангелъ обиталъ.
Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы,
Ей молится Россіи вѣрный сынъ
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя Карамзинъ" [2]).

Это-то *святое имя Карамзинъ пробудило* и въ Пушкинѣ *силы* для дѣла *прекраснаго*. Борисъ Годуновъ Пушкина есть прямое слѣдствіе появленія Исторіи Государства Россійскаго.

Изъ посвященія видимъ, что Карамзинъ вдохновилъ Пушкина,—историкъ—поэта. Уже отселѣ видно, *что* должно говорить о Борисѣ Годуновѣ Пушкина. Поучительно видѣть, въ чемъ и до какой степени поэтъ остался вѣренъ историку, да еще тотъ поэтъ, который самъ сознается, что именно геній *этого историка* вдохновилъ его.

Отселѣ возникаетъ потребность разбора историческаго. Тутъ же необходимъ разборъ и эстетическій: ибо историкъ вдохновилъ *поэта!*

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, его «Записки».

[2]) Жуковскій. Москвитянинъ 1848, № 11, стр. 137. Извѣстія 2-го Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ 1852, т. I, стр. 199.

Такъ нашъ трудъ будетъ раздѣленъ на два отдѣла. Въ первомъ—съ исторической стороны разсмотрится произведеніе Пушкина; во второмъ—съ эстетической. Гдѣ необходимо, будемъ приводить отзывы разсматривателей этого сочиненія Пушкина. Такимъ образомъ увидимъ, что̀ такое Борисъ Годуновъ Пушкина? Гдѣ ему мѣсто въ нашей драмѣ?

I.

Мы не будемъ разсказывать содержанія Бориса Годунова Пушкина, потому, что считаемъ излишнимъ при томъ планѣ, который мы дали своему изслѣдованію. Мы разсмотримъ отдѣльно *всѣ* двадцать двѣ картины, въ коихъ поэтъ развилъ свою мысль, *исторически*. Сопоставимъ стихи Пушкина со словами Карамзина. Дѣло скучное и для читателя и для сочинителя. Но въ дѣлѣ науки скука — не не званая гостья. Итакъ предъ нами—

Кремлевскія палаты.

1598 года, Февраля 20.

Воротынскій и Шуйскій говорятъ о непреклонности Бориса на зовъ всего государства, предлагающаго ему престолъ.

Пушкинъ.

Воротынскій.

Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великаго Собора.

Равно и сестра его—

Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима.

Здѣсь же Шуйскій указываетъ и причину, почему Борисъ неумолимъ,—это то, что онъ хитрости поддался.

Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ по милости своей
Принять вѣнецъ смиренно согласится.

Карамзинъ.

Это событіе Карамзинъ такъ описываетъ: Въ сію ночь — 21 Февр. 1598 г.—не угасали огни въ Москвѣ: и на разсвѣтѣ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ, подвиглась столица—Клиръ, Синклитъ, Дворъ, воинство, Приказы—всѣ къ Новодѣвичьему монастырю.... Патріархъ снова тщетно убѣждалъ Бориса не отвергать короны.... Все безчисленное множество людей упало на колѣна, съ воплемъ *неслыханнымъ*.... Патріархъ, рыдая, заклиналъ Царицу[1] долго, неотступно дать милліонамъ Православныхъ Государя, ея брата. Тщетно убѣждали слѣдовательно покинуть обитель и взойти на престолъ (томъ X, стр. 257, 258, 259). Отчего же Борисъ такъ дѣйствовалъ? — отъ хитрости, отвѣчаетъ Карамзинъ. „Годуновъ въ тѣсной *келіи* монастырской твердою рукою держалъ Царство (т. X, стр. 246),—онъ умѣлъ лицемѣрить: не забылся въ радости сердца—и за семь лѣтъ предъ тѣмъ смѣло вонзивъ убійственный ножъ въ гортань Св. младенца Димитрія, чтобы похитить корону, съ ужасомъ отринулъ ее, *клялся*, что никогда не мечталъ о санѣ Державномъ, и никогда не дерзнетъ взять скипетра (стр. 248—9). Годуновъ хотѣлъ, чтобы вся Россія призвала его на тронъ (стр. 250).

Пушкинъ.

Далѣе Шуйскій излагаетъ обстоятельства убіенія царевича и слѣдствіе, которое онъ производилъ. Здѣсь самъ онъ сознается въ своей лжи, лести предъ Борисомъ.

---

[1]) Это та̀ Царица, набожная Ирина, лучше которой, по словамъ Патріарха Іова (т. IX, стр. 6), никто не зналъ Св. Писанія (т. X, стр. 288).— Мы пользовались третьимъ изданіемъ «Исторіи» Карамзина,—*Эйнерлинга.*

Онъ (Борисъ), признаюсь, меня смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью нежданой
. . . .
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Карамзинъ говорить: — Шуйскій началъ свои допросы — памятникъ его безсовѣстной лживости (у Пушкина „нечисто, князь": такъ сказалъ Воротынскій). Шуйскій не слушалъ, что ему свидѣтельствуютъ объ убіеніи Димитрія.... призывалъ, кого хотѣлъ; писалъ, что хотѣлъ—и наконецъ.... донесъ Царю, что Димитрій, въ Среду Мая 12.... проткнулъ себѣ горло ножемъ (т. X, стр. 151—2). Исторіографъ называетъ Шуйскаго *льстивымъ* царедворцемъ Бориса (т. XI, стр. 185), *безсовѣстнымъ* даже (т. XI, стр. 174).

Пушкинъ.

Шуйскій приводитъ и причину, почему не сказалъ истины объ убіеніи Димитрія. Она есть — огромное вліяніе Годунова на Царя Ѳеодора.

А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Ѳеодору? Но *Царь*
На все глядѣлъ *очами Годунова*,
Всему внималъ *ушами Годунова*.

Карамзинъ.

У трона Ѳеодора, говоритъ Карамзинъ, во время представленія Сапѣги, посла Баторіева, стоялъ только *одинъ* Годуновъ; всѣ иные Вельможи сидѣли далѣе (т. X, гл. I, стр. 33). Годуновъ презиралъ, сказываетъ исторіографъ, недоброжелателей, имѣя въ *рукѣ своей сердце Государево* (стр. 34). Онъ самовластвовалъ явно и величался предъ трономъ, закрывая своимъ надменіемъ слабую тѣнь Вѣнценосца (стр. 78). Какъ въ теченіе жизни, такъ и при концѣ ея, *Ѳеодоръ* не имѣлъ иной *воли*, кромѣ *Борисовой*,—и лишаясь зрѣнія и слуха, онъ устремлялъ темнѣющій взоръ на Годунова и съ усиліемъ вни-

малъ *его* шептаніямъ, чтобы сдѣлать ему угодное (гл. III, стр. 240).

Пушкинъ.

Шуйскій увѣряетъ Воротынскаго, что Борисъ взойдетъ на престолъ; кровь не помѣшаетъ ему, какъ думалъ Воротынскій.

Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!

Потомъ злобно смѣется надъ Борисомъ:

Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній *рабъ, Татаринъ, зять Малюты,*
Зять *палача* и самъ въ душѣ *палачъ*
Возьметъ вѣнецъ и бармы [1]) Мономаха.

Карамзинъ.

Эти выраженія взяты у Карамзина. И Карамзинъ такія же дѣлаетъ сближенія, когда говоритъ о Годуновѣ, не имѣющемъ права на престолъ. Онъ называетъ Бориса *рабомъ* (т. XI, стр. 101) и приводитъ даже слова Ѳеодора къ Годунову: ты *не рабъ*, сказалъ Ѳеодоръ, а сынъ мой (X, гл. III, 254). Клеймитъ Годунова именемъ *татарина:* мысль возложить вѣнецъ Мономаховъ на главу татарина не всѣмъ Россіянамъ казалась нелѣпою (X—237) и именуетъ зятемъ *Малюты* (X, гл. I, стр. 4; XI—107), какимъ Годуновъ дѣйствительно и былъ.

Пушкинъ.

Заключаютъ свою бесѣду Шуйскій и Воротынскій замысломъ противъ Бориса. Честолюбіе сильно заговорило у этихъ бояръ.

---

[1]) *Бармы* имѣютъ видъ круглый и сдѣланы изъ глазетовой матеріи, покрытой семью золотыми, осыпанлыми драгоцѣнными каменьями, бляхами, на которыхъ представлены изображенія Священнаго Писанія. Онѣ возлагались на рамена, поверхъ порфиры. Онѣ присланы Комнинымъ 1116 г. Владиміру Всеволодовичу и хранятся въ Оружейной палатѣ. Отеч. Зап. 1820, ч. 3. Памят. Московской Древности 1845, «объ Оружейной палатѣ».

Воротынскій.

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій....
Легко сказать, природные князья.

Шуйскій.

Природные, и Рюриковой крови
Что жъ?
Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова.

Карамзинъ.

Въ это время и прежде честолюбіе бояръ слишкомъ ярко выражалось въ ихъ поступкахъ. Хотѣли—Шуйскій, Воротынскій, Головинъ и пр., чтобы Мстиславскій позвалъ Бориса на пиръ, говоритъ Карамзинъ, и предалъ въ руки убійцъ. Это было узнано. Воротынскаго сослали, а Шуйскихъ не коснулись (X, гл. I, стр. 35). Между тѣмъ, какъ Россія славила намѣренія новаго Правительства, въ Москвѣ коварствовали зависть и властолюбіе (X—6). Не смотря однакожъ на это, никто не *дерзалъ спорить* о коронѣ съ тѣмъ, кто безъ имени Царскаго уже 13 лѣтъ *единовластвовалъ* въ Россіи (X, гл. III, стр. 253).

„Не мало насъ наслѣдниковъ Варяга"

Карамзинъ ихъ пересчитываетъ (X—253):

„Да *трудно* намъ *тягаться* съ Годуновымъ"

Такимъ образомъ вся бесѣда Воротынскаго съ Шуйскимъ чисто историческая. Они поговорили о непреклонности хитраго Бориса къ принятію престола; убіеніи Царевича и „безсовѣстности" Шуйскаго, чему былъ виною Годуновъ и заключили разговоръ изъявленіемъ своихъ задушевныхъ помысловъ— „они—князья и Рюриковой крови". Къ этому-то собственно и клонился весь ихъ разговоръ. И все, что они говорили, вѣрно исторически.

Красная Площадь [1]).

Здѣсь два дѣйствующихъ лица: народъ и Щелкаловъ. Народъ горюетъ: ибо у него нѣтъ Царя. А Бориса страшитъ сіяніе Престола. Щелкаловъ объявляетъ народу съ Краснаго Крыльца о намѣреніи Собора:

Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною Правителя душой.

Народъ расходится.

Карамзинъ.

Щелкаловъ лице историческое. Ему Борисъ поручалъ писать отвѣтъ Королевѣ Англійской Елисаветѣ и за опытность его далъ знаменитое имя Дьяка-*Ближняго* (X—32). Онъ отличался умомъ гибкимъ и лукавымъ (X, гл. III, стр. 227). Онъ убѣждалъ собравшихся въ Кремлѣ присягать Думѣ Боярской (стр. 247) и народу говорилъ объ этомъ.

Кремлевскія Палаты.

Борисъ пріемлетъ власть Царскую со страхомъ и смиреньемъ. Обращается съ мольбою къ усопшему Ангелу-Царю, т. е. Өеодору о ниспосланіи благословенія на его власть. Восшествіе свое на престолъ знаменуетъ царскими доблестями и милостями:

Теперь пойдемъ, поклонимся *гробамъ*
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ—сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до *нищаго слѣпца*.

Въ палатахъ находились Шуйскій и Воротынскій. Шуйскій ничего не *помнитъ*, о чѣмъ говорилъ *намедни* съ Воротын-

[1]) Красная Площадь названа отъ того, что здѣсь до 1685 г. производились казни преступниковъ. Живоп. Сборникъ 1850, стр. 143.—Памятники Московской Древности. *Ивана Снегирева*. М. 1842—45, стр. 357.

скимъ, когда народъ ходилъ въ Дѣвичье Поле. За это Воротынскій *лукавымъ* Шуйскаго назвалъ.

Карамзинъ.

Со страхомъ и смиреньемъ принялъ Борисъ Царскій санъ. Онъ говорилъ Іову: Пастырь Великій! Ты дашь отвѣтъ Богу! (X—258). Годуновъ дважды говорилъ. что высота и величіе Ѳеодорова трона *ужасаютъ* его душу (X, гл. IV, стр. 256), что онъ страшится тягостнаго бремени, возлагаемаго на *слабыя рамена* его (—260); потомъ, когда всѣ склонили его къ престолу, сильно, горячо взмолился новый Царь Богу. Карамзинъ называетъ Бориса ревностнымъ наблюдателемъ всѣхъ уставовъ церковныхъ.... Царемъ *набожнымъ*" (т. XI, гл. I—въ концѣ и II—въ началѣ). Что-же было первою заботою Бориса, по вступленіи на престолъ? Послѣ литургіи, говоритъ Карамзинъ, во храмѣ Св. Михаила Борисъ палъ *ницъ* предъ *гробами Іоанновымъ и Ѳеодоровымъ,* молился и надъ *прахомъ* древнѣйшихъ вѣнценосцевъ Россіи.... Въ сей день 1598 г. Апр. 10 весь народъ *обѣдалъ* у Царя. Не было числа гостямъ, но всѣ были званые отъ *Патріарха* до *нищаго* (XI—3, 8) [1]).

О Воротынскомъ нужно замѣтить, что его слова къ Шуйскому справедливы. И Карамзинъ называетъ Шуйскаго *льстивымъ* и лукавымъ княземъ (X—80; XI—185).

Келья въ Чудовомъ монастырѣ.

Дѣйствуютъ Пименъ и Григорій иноки. Старикъ Пименъ доканчиваетъ лѣтопись сказаньемъ объ убіеніи Царевича. Пробуждается Григорій. Пименъ благословляетъ его. Григорій разсказываетъ сонъ свой. Сонъ даетъ поводъ Пимену бесѣдовать о прежней своей жизни:

Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,

[1]) Слова подчеркнутыя означаютъ, что они сходны у поэта и историка.

которыя отшельникъ называетъ *безумными потѣхами юныхъ лѣтъ*. Григорій завидуетъ его веселой молодости, бывшей нѣкогда, и жалѣетъ, что онъ отъ отроческихъ лѣтъ не видитъ пріюту,

По келіямъ скитаюсь бѣдный инокъ.

Пименъ, дабы утѣшить своего брата, напоминаетъ ему о Царяхъ, которые „*златой вѣнецъ мѣняли на клобукъ*". Заключаютъ свою бесѣду словами объ убіеніи Царевича. Пименъ идетъ къ заутренѣ, а Григорій остается въ кельѣ и грозитъ Годунову судомъ мірскимъ и небеснымъ.

Эта картина чисто историческая, представленная въ поэтическихъ образахъ. Пименъ—образъ нашихъ древнихъ лѣтописцевъ-иноковъ. Монахи начали нашу лѣтопись, они ее продолжали; они ее и закончили.

Еще одно послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя.

Первыя слова Григорія суть характеристика *великихъ событій нашего отечества*. Григорій, взглянувши на старика, который дремотой знать во всю ночь не смыкалъ очей, говоритъ:

И часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О *темномъ* ли *владычествѣ* Татаръ?
О *казняхъ* ли *свирѣпыхъ* Іоанна?
О *бурномъ* ли *Новогородскомъ* Вѣчѣ?

Владычество Татаръ называетъ *темнымъ*: оно и было *темно*. Много оно остановило образованія Русскаго, не допускало развиться свѣтлой сторонѣ Русскаго человѣка; рѣзали нашихъ князей [1]), заставляли ихъ исполнять татарскіе суевѣрные обычаи [2]), множество городовъ было опустошаемо, много перебито

[1]) Напр. Узбекъ казнилъ Іоанна Ярославича Рязанскаго. Ист. Госуд. Росс., изданіе Эйнерлинга, т. IV, гл. VIII.

[2]) Такъ случилось съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ 1318 г. Кавгадый вывелъ однажды Михаила на площадь предъ народъ, поставилъ на колѣна и ругался надъ нимъ.... т. IV, гл. VII, стр. 115.

народу, не разбирая пола и возраста [1]). Потому, если можно однимъ словомъ означить владычество Татаръ, то слово *темный*—всего болѣе ему пристало.

Пушкинъ.

„О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?“

Карамзинъ особенно яркими чертами изображаетъ эти казни. Девятый томъ его Исторіи есть страшная картина „гнѣвныхъ думъ и казней“, по выраженію Пимена. Москва цепенѣла въ страхѣ, пишетъ исторіографъ, кровь лилась, но.... тиранство еще созрѣвало (т. IX, гл. I, стр. 22). Потомъ называетъ Іоанна тираномъ (стр. 94). Граждане боялись выходить изъ домовъ. Въ безмолвіи Москвы тѣмъ страшнѣе раздавался свирѣпый вопль палачей царскихъ (стр. 115).

Пушкинъ.

„О бурномъ ли Новогородскомъ Вѣчѣ?“

Слово—*бурный* пристало, какъ нельзя лучше, тому вѣчу, гдѣ народъ возставалъ противъ своего Государя, гдѣ народъ рѣшалъ свою измѣну законному Государю и передавался Литовскимъ князьямъ.

Пушкинъ.

Въ основаніи сна, который разсказываетъ Григорій, лежитъ историческая мысль:

Лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ.

Въ Сказаніяхъ о Димитріи Самозванцѣ сохранены нѣкоторые разговоры Григорія съ монахами. Они его называли похожимъ на Димитрія Царевича, а онъ отвѣчалъ: „въ самомъ дѣлѣ, что вы думаете, я и есть Димитрій“. Не удивительно, что и во снѣ ему снилась Москва.

[1]) См. Ист. Гос. Рос. т. III, IV, V и VI.

(*Пушкинъ*.

Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ).

Пушкинъ.

Григорій потомъ описываетъ бѣдную свою жизнь до Чудова Монастыря.

А я отъ отроческихъ лѣтъ
По *келіямъ* скитаюсь бѣдный инокъ.

Карамзинъ приводитъ извѣстіе о жизни Григорія. По своему злонравію, сказано тамъ, онъ не слушался отца, плутовалъ, воровалъ и лукаво поступилъ въ монашество.... По совѣту Игумна Успенскаго монастыря (Вяцкой области) постригся.... Въ то время ему было 14 лѣтъ и отыде въ Суздаль въ Ефимьевъ монастырь.... и въ томъ же уѣздѣ въ монастырь къ Спасу.... и въ другіе.... (томъ XI, прим. 194).

Пушкинъ.

Такъ слѣдовательно Григорій ведетъ тяжкую жизнь; ибо онъ все по *келіямъ* скитается. Пименъ примѣромъ Царей, искавшихъ успокоенія въ подобіи монашескихъ трудовъ, увѣщеваетъ его не сѣтовать.

Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ *подобіи монашескихъ трудовъ*.
Его *дворецъ*, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ....

Карамзинъ говоритъ: въ Александровской слободѣ Іоаннъ посвящалъ большую часть времени Церковной службѣ. Онъ хотѣлъ даже *обратить дворецъ въ монастырь* и любимцевъ своихъ въ иноковъ. „Я нашелъ Царя въ глубокомъ унынiи, говоритъ (легатъ папскій) Поссевинъ, — сей Дворъ пышный казался смиренною обителью иноковъ“.

Пушкинъ.

Кромѣшники въ *тафьяхъ* и власяницахъ
Послушными являлись *чернецами,*
А грозный Царь *игумномъ* богомольнымъ.

Карамзинъ.

Выбралъ изъ опричниковъ, продолжаетъ исторіографъ, 300 человѣкъ, назвалъ братіею, себя *игумномъ*, далъ имъ *тафьи* и *черныя рясы*, сочинилъ для нихъ уставъ монашескій (IX, гл. I, стр. 98).

Пушкинъ.

А сынъ его Θеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ *царскіе чертоги*
Преобратилъ въ молитвенную келью.

У *Карамзина* Θеодоръ называется безпредѣльно набожнымъ и равнодушнымъ къ величію мірскому. На громоносномъ престолѣ свирѣпаго мучителя Россія увидѣла постника и *молчальника* (X, гл. I, стр. 2). Θеодоръ пѣшкомъ ходилъ изъ монастыря въ монастырь (—19). Θеодоръ—духомъ *младенецъ*.

(У *Пушкина:*

Богъ возлюбилъ смиреніе Царя).

Превосходилъ старцевъ въ набожности, бесѣдовалъ съ Иноками охотнѣе, нежели съ Боярами.... Спальня Θеодора была освѣщена днемъ и ночью лампадами. Ежедневно приходилъ къ нему „Духовникъ со Святою водою и съ Иконою Угодника Божія празднуемаго въ тотъ день Церковію. Государь кланялся до земли, молился въ слухъ минутъ десять и болѣе (т. X, гл. I, стр. 88). Называетъ его Ангеломъ кротости (гл. III, стр. 243).

Пушкинъ.

А въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:

Къ его одру, Царю едино зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ.

. . . .

И всѣ кругомъ были объятомъ страхомъ.

Карамзинъ.

Изъ Никоновской лѣтописи Карамзинъ приводитъ слѣдующія слова: Ѳеодоръ призвалъ къ себѣ Іова (патріарха) для елеосвященія, а въ девятомъ часу ночи преставился. Пишутъ, что онъ, умирая, видѣлъ Ангела и пр. (примѣч. 372, т. X).

Пушкинъ.

Пименъ описываетъ Григорію обстоятельства убіенія Царевича со всѣми подробностями.... Потомъ заключаетъ:

И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Карамзинъ.

У Карамзина читаемъ, какъ пономарь *ударилъ въ набатъ*, какъ всполошился весь Угличъ, какъ народъ камнями убилъ Битяговскаго, сына его убилъ и пр. Злодѣи, издыхая *облегчили* свою *совѣсть признаніемъ, наименовали* виновника смерти Царевича—*Бориса* Годунова.

Пушкинъ.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было....
....Онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ....

Вотъ разгадка тому, какъ появилась мысль у Григорія о Самозванствѣ. Его сочли ровесникомъ Димитрію и „царствовалъ“ бы. Отвѣтъ Пимена проливаетъ свѣтъ на зарожденіе мысли дерзкой въ душѣ Отрепьева.

Карамзинъ.

Эта мысль тоже историческая. Монахи называли его похожимъ на истиннаго Димитрія. „Знаете ли, спрашивалъ ихъ Григорій, что я буду Царемъ на Москвѣ“. Одни смѣялись; другіе плевали ему въ глаза (XI—137).

Пушкинъ.

Пименъ передаетъ свой трудъ Григорію, дабы онъ продолжалъ его:

Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.

Эти слова золотыми буквами должны быть написаны на стѣнѣ у разбирателя нашихъ лѣтописей. Если бы могъ говорить, или захотѣлъ высказать въ краткихъ словахъ содержаніе, духъ своей лѣтописи преподобный Несторъ, то онъ не иначе бы выразился. Это краткій, но всеполный, глубокій и въ то же время простой очеркъ нашихъ лѣтописей. Мы узнаемъ, какъ писаны наши лѣтописи.

„Описывай, внушаетъ Пименъ, не мудрствуя лукаво“. Потомъ показываетъ, въ чемъ состоитъ это — *не мудрствуя лукаво.*

Описывай—
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь....

Несторъ писалъ, *не мудрствуя лукаво.* Не бросая никакихъ взглядовъ на случившееся, онъ обыкновенно говоритъ: такого-то лѣта „иде Олегъ на Древляны и примучивъ я, поча на нихъ дань имать по чернѣ кунѣ“. А если ничего не случилось, то просто пишетъ: „Въ лѣто 6396. Въ лѣто 6397. Въ лѣто 6399“ [1]).

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку. Спб. 1871, стр. 13 и 14.

„Войну и миръ“.

И описывается самый образъ войны и всѣ условія мира, напр. когда воевалъ Олегъ, Игорь съ Греками и другихъ князей войны. Выставляются всѣ условія мира, до подробности; не забываетъ упомянуть Несторъ, кому должна принадлежать и ладія, если она выброшена будетъ на берегъ Греческій или Русскій. Все это описано просто; — не мудрствуя лукаво, лѣтописецъ вносилъ въ свою лѣтопись преданія о воробьяхъ Ольгиныхъ. На ряду съ повѣствованіемъ о пораженіи Грековъ Олегомъ идетъ преданіе о колесахъ, на которыхъ подъѣхали къ Царь-граду лодки его дружины.

Палаты Патріарха.

Игуменъ Чудова монастыря доноситъ Патріарху о бѣгствѣ Григорія изъ монастыря. Жалѣетъ, что грамота, въ которой онъ былъ гораздъ, далась ему не отъ Господа Бога. Патріархъ называетъ бѣглеца сосудомъ діавольскимъ и его мысль—быть царемъ на Москвѣ—*ересью.*

„Ахъ, онъ сосудъ діавольскій! Этака ересь: *буду Царемъ на Москвѣ!...*“

Карамзинъ пишетъ: Григорій съ прилежаніемъ читалъ Россійскія лѣтописи (XI—137), умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять Каноны Святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени (—136). И бысть зѣло грамотѣ *гораздъ,* грамота жъ дастся ему не отъ Бога (XI—примѣч. 194). Ростовскій Митрополитъ Іона объявилъ Патріарху и самому Царю, что недостойный инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ діавольскимъ. Патріархъ не уважилъ Митрополитова извѣта (XI, гл. II, стр. 137).

„Что тревожитъ отца-Государя“.

Царскія Палаты.

Годуновъ, какъ говорятъ два стольника, заперся въ своей опочивальнѣ съ колдуномъ. Потомъ выходитъ и долго говоритъ самъ съ собою; онъ не видитъ счастія уже шестой годъ, предчувствуетъ небесный громъ и горе. Много сдѣлалъ онъ добра, дабы во славѣ упокоить свой народъ,—его же за это проклинаютъ. Несчастіями семейными Богъ посѣтилъ его. Доискивается Царь причины своихъ золъ: онъ видитъ главную причину въ *нечистой совѣсти*. И ясно онъ это видитъ и самъ сознаетъ, что

Жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

Мысли, высказанныя стольникомъ, вѣрны исторически. Самособесѣдованіе Царя, какъ въ отдѣльныхъ словахъ, такъ и въ цѣломъ, тоже истинно и подтверждается исторіею.

Пушкинъ.

Стольникъ.

Гдѣ Государь?

Второй.

Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый.

....Все ворожитъ, что красная невѣста.

Карамзинъ. Годуновъ искалъ волхвовъ, дабы узнать свою будущую судьбу. Госѣвскій (секретарь Сигизмунда) говорилъ Самозванцу, что Борисъ живъ [1]), что, слѣдуя наставленію волхвовъ, онъ уступилъ державу сыну своему (XI, гл. IV, стр. 264). Лѣтописецъ разсказываетъ, что Борисъ вѣрилъ искусству гадателей, призывалъ ихъ ночью и спрашивалъ, что его ожидаетъ въ будущемъ (X, гл. II, стр. 138).

---

[1]) Пронеслась прежде молва, что онъ умеръ. Карамзинъ.

Пушкинъ.

Царь.

Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный *гладъ мгновеннымъ* обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ *скучаемъ* и *томимся!*...

Карамзинъ. Такъ могъ говорить Годуновъ.—Предъ смертію Θеодоръ съ печальнымъ умиленіемъ сказалъ ему: Правитель народа Христіанскаго! Управляй имъ и впредь съ ревностію. Ты *достигнешь желаемаго.* (Достигъ я высшей власти—Пушкинъ); но все *суета* и *мигъ* на землѣ (X, гл. III, стр. 238).

Пушкинъ.

Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе; дни власти безмятежной.

Карамзинъ. Льстивые волхвы говорили Борису: тебя ожидаетъ вѣнецъ.... Годуновъ съ радостію обнялъ предсказателей и сказалъ: хотя бы семь дней, но только царствовать [1]) (X, гл. II, стр. 139).

Пушкинъ.

Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ.

Карамзинъ. Годуновъ не зналъ, говоритъ Карамзинъ, мира душевнаго; уже *чувствовалъ,* что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство не одно знаменуютъ. Это безпокойство души обнаружилось въ Царѣ

[1]) Хотя это событіе было предъ восшествіемъ на престолъ, однакоже и здѣсь оно на мѣстѣ. Главное здѣсь то, что Борисъ обращался къ кудесникамъ.

несчастными дѣйствіями *подозрѣнія*, которое *тревожило* его (XI, гл. II, стр. 104). Предтечами зла были: внутреннее безпокойство Борисова сердца и разные бѣдственные случаи (XI, гл. I, стр. 100).

Пушкинъ.

Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами его любовь снискать.
. . . .
Богъ насылалъ на землю нашу *гладъ;*
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я *отворилъ* имъ *житницы;* я *злато*
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали.

Карамзинъ. — Въ 1601 г. пала, говоритъ Карамзинъ, на милліоны людей казнь страшная — голодъ. Годуновъ велѣлъ *отворить* Царскія *житницы* въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Въ четырехъ оградахъ близъ деревянной стѣны Московской *лежали кучи серебра* для бѣдныхъ (XI—121). По нѣскольку тысячъ рублей посылалъ въ города и ни одного не оставилъ безъ вспоможенія (XI, гл. II, стр. 123). Построилъ двѣ каменныя палаты къ Золотой и Грановитой: Столовую и Панихидную, чтобы доставить тѣмъ работу и пропитаніе людямъ бѣднымъ (—стр. 126).

Пушкинъ.

Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я *выстроилъ* имъ новыя жилища.

Карамзинъ. Въ 1591 г. сгорѣли нѣсколько улицъ въ Москвѣ, весь Бѣлый городъ, Дворъ Посольскій, все Занеглинье: домы, лавки, церкви и множество людей.... Стонъ и вой раздавались среди обширнаго пепелища.... Борисъ выстроилъ цѣлыя улицы, раздавалъ деньги.... оказывалъ щедрость безпримѣрную.... (т. X, гл. II).

Пушкинъ.

Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали.

Карамзинъ. Но Борисъ не обольстилъ Россіянъ своими благодѣяніями: ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ — мысль, что Небо за беззаконія Царя казнитъ Царство (XI—127).

Пушкинъ.

А дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря, смерть уноситъ жениха....
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня несчастнаго отца!...

Карамзинъ. — Женихъ Ксеніи Іоаннъ, Герцогъ Датскій, пріѣхалъ въ Россію, чтобы жениться на Ксеніи, но скоро умеръ. Приписывали смерть его Борису.

Пушкинъ.

Я *ускорилъ* Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру Царицу,
Монахиню смиренную.... все я!

Карамзинъ. Описывая смерть Ѳеодора, Карамзинъ говоритъ; не вѣримъ преданію, что Годуновъ, будто бы, *ускорилъ* часъ смерти отравою (X, гл. III, стр. 238). Хрущовъ (дворянинъ) жаловался Самозванцу, что Борисъ и Царицу Ирину, сестру свою, умертвилъ (XI, гл. II, стр. 159).

Пушкинъ.

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто.... едина развѣ *совѣсть.*
. . . .
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,—
Тогда бѣда.

Карамзинъ. Борисъ *предчувствовалъ* грозу („предчувствую небесный громъ и горе“), видѣлъ ее, — терзался совѣстію и могъ обвинять себя.... Борисъ крушился, продолжаетъ Карамзинъ, послѣ смерти жениха Ксеніи, и чувствовалъ, можетъ быть, *казнь Небесную въ совѣсти* (XI, гл. I, стр. 57).

Чего во время самоуглубленія Борисъ не могъ наговорить себѣ? Куда не бросалъ мысли своей, когда совѣсть тревожила его Царскую душу, которая такою сдѣлалась, перешагнувъ чрезъ кровь истиннаго наслѣдника престола?!.. Значитъ (такое) подобное самособесѣдованіе Годунова не только возможно поэтически, но и дѣйствительно было, какъ это показали мѣста, выписанныя изъ Исторіи Карамзина. Послѣ сего странными кажутся слова одного критика на это самособесѣдованіе (монологъ): „Какая жалкая мелодрама! Какая бѣдная мысль— заставить злодѣя читать самому себѣ [1]) мораль, вмѣсто того, чтобъ заставить его всѣми мѣрами оправдывать свое злодѣйство въ собственныхъ глазахъ“ [2]).

Корчма на Литовской границѣ.

Мисаилъ, Варлаамъ и Отрепьевъ пробираются въ Литву. Хозяйка корчмы указываетъ имъ дорогу, напередъ замѣтивъ, что—

„Къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы Царскія, да сторожевые приставы“.

Въ это время пришли приставы и едва, едва не схватили „забавника“ Григорія. Онъ въ окно бросился и такимъ образомъ спасся.

---

[1]) А почему же и не такъ? Вѣдь это правда, Борисъ не только видѣлъ самъ, но и другимъ показывалъ свою мятежную душу. Карамзинъ говоритъ: Борисъ, можетъ быть, только супругѣ казалъ кровавыя раны сердца, чтобы облегчать себя свободнымъ стенаніемъ (XI—197).

[2]) Отеч. Зап. 1845, т. 43, критика, стр. 7. Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1860, т. VIII, стр. 617.

Карамзинъ пишетъ: Григорій съ двумя иноками—Варлаамомъ и Мисаиломъ бѣжалъ въ Литву (XI, гл. II, стр. 138). Бродяги-иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ; во всякой обители они находили покой, а на путь—запасъ и благословеніе. Вошелъ Гришка въ нѣкую весь близъ Литовскаго рубежа.... и воспріяи ихъ едина жена, они ее спросили—а она отвѣчала, что этотъ путь за рубежъ въ *Луеву гору,* а теперь на томъ пути заставы отъ Царя.... Гришка молился иконѣ, да избѣгнетъ отъ рукъ Бориса и—пошелъ (томъ XI, примѣч. 199).

Москва. Домъ Шуйскаго.

Пушкинъ [1]) передаетъ Шуйскому извѣстіе о явленіи убіеннаго Димитрія въ Литвѣ; описываетъ хитрыя дѣйствія самозванца тамъ. Шуйскій называетъ все это кутерьмою.

Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольно.

Пушкинъ отъ самозванца переходитъ къ Борису и описываетъ темныя стороны его царствованія: опалы, тайные доносы, которымъ вѣрятъ, и недовольство помѣщиковъ за уничтоженіе Юрьева дня. И заключаетъ Пушкинъ мыслію страшною для Царя:

Попробуй Самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Шуйскій совѣтуетъ обо всемъ помолчать до времени.

---

[1]) Это Евстафій Михайловичъ Пушкинъ. Карамзинъ. Т. IX, прим. 558, 632. Т. X, прим. 254, 290, 315. Т. XI, прим. 161. Отеч. Зап. 1853, № XI, отд. II. *Фарнгагенъ фонъ-Энзе* сдѣлалъ двѣ ошибки здѣсь. Онъ во-первыхъ сказалъ, что Шуйскій получаетъ это извѣстіе въ *домъ Царя* (am Hofe des Zaren empfängt Schuiskii diese Nachricht),—что не такъ,—во-вторыхъ онъ замѣтилъ, что Шуйскій получаетъ это извѣстіе чрезъ *Аванасія* Пушкина (durch Athanasius Puschkin). Denkwürdigkeiten von K. A. Varnhagen von Ense. Leipzig. 1843, theil 5, стр. 613. Объ этой статьѣ мы еще скажемъ.

Пушкинъ. Гости встали изъ за-стола; мальчикъ читаетъ молитву:

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ Государѣ....
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ и на одрѣ ночлега....
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да *осѣнятъ* ея *драгія вѣтви*
Весь міръ земной....

Карамзинъ. Эта молитва цѣликомъ взята изъ Карамзина. Годуновъ, не довольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о Государѣ, велѣлъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, *на трапезахъ,* и *вечеряхъ, за чашами* о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи Слуги Божія—Бориса.... чтобы всѣ иные Властители *рабски служили ему*, величая имя его отъ *моря* до моря и до *конца* вселенныя.

„Чтобы юныя, цвѣтущія *вѣтви* Борисова Дому возрасли благословеніемъ Небеснымъ Бога и *осѣнили* Россію до скончанія вѣковъ (XI, гл. II, стр. 103, 104).

Пушкинъ. Оставшись на единѣ, Пушкинъ сообщаетъ Шуйскому извѣстіе о самозванцѣ и о томъ, чтò и кàкъ онъ тамъ поступалъ. Описываетъ пріемъ мнимаго Димитрія королемъ:

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ пріѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды Литовскихъ Пановъ прямо
Шелъ въ тайную палату Короля.

Хитрость мнимаго Димитрія въ домѣ Вишневецкаго:

Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу.

Его поведеніе, тутъ же и обхожденіе съ нимъ поповъ Латинскихъ и Сигизмунда:

Да слышно, онъ *уменъ,* привѣтливъ, *ловокъ,*
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его *ласкаетъ,*
И говорятъ, помогу обѣщалъ.

Карамзинъ описываетъ подробно дѣйствія Лжедимитрія въ Литвѣ. Читаемъ, какъ онъ поступилъ въ службу къ Адаму Вишневецкому,—какъ притворившись больнымъ, онъ открылся духовнику, что его должно схоронить, какъ хоронятъ царскихъ дѣтей,—какъ вельможа Литовскій былъ въ восхищеніи, увидя на его груди осыпанный драгоцѣнными камнями крестъ.... Описываетъ Карамзинъ и свиданіе его съ Сигизмундомъ. Сигизмундъ принялъ его стоя съ *ласковою* улыбкою. Нунцій Папскій обнималъ его и *ласкалъ.* Наконецъ, говоритъ исторіографъ о поведеніи Лжедимитрія. Онъ велъ себя скромно, убѣгалъ всякихъ низкихъ забавъ, участвовалъ только въ воинскихъ, и съ отмѣнною *ловкостію.* Отрепьевъ отличался смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осанкою благородною (XI, гл. II, стр. 141, 142, 143, 146 и 147).

Пушкинъ. Сказавши все, что слышалъ о Самозванцѣ, Пушкинъ переходитъ къ настоящему времени и здѣсь рисуетъ очень рѣзкими чертами царствованіе Бориса, полное опалъ и недовольствъ со стороны народа.

Что пользы въ томъ, что *явныхъ казней* нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а Царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?...
Какъ *Царь Иванъ.*

Карамзинъ. Борисъ не былъ, говоритъ Карамзинъ, но *бывалъ* тираномъ, не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ *подобно*

Царю Іоанну, казня недоброжелателей (XI, гл. II, стр. 201). Не было торжественныхъ казней, но морили несчастныхъ въ темницахъ, пытали по доносамъ (—117).

Пушкинъ.

Насъ каждый день опала ожидаетъ....
Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньѣ [1]).

Карамзинъ. Если вѣрить лѣтописцу, говоритъ Карамзинъ, то Борисъ велѣлъ удавить въ монастырѣ Князя Ивана Сицкаго, хотѣлъ уморить голодомъ и Ивана Романова (XI, гл. II, стр. 115), сослалъ всѣхъ Романовыхъ въ разныя мѣста (—111), Князя Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь; Шестунова и другихъ—въ темницы разныхъ городовъ (—112).

Пушкинъ. А вотъ что Пушкинъ говоритъ о тайныхъ доносахъ, наушникахъ въ царствованіе Бориса:

....Мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными *рабами:*
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.

Карамзинъ.—Годуновъ возстановилъ бѣдственную Іоаннову систему доносовъ (XI—105). Сонмы извѣтниковъ стремились къ Царскимъ палатамъ изъ домовъ Боярскихъ и хижинъ, изъ монастырей и церквей.... *господа не смѣли глядѣть на рабовъ своихъ,* ни ближніе искренно говорить между собою (—117).

Пушкинъ.

Вотъ—Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
. . . .
Не смѣй согнать лѣнивца!

---

[1]) Послѣ Романовы и Сицкіе были освобождены изъ заточенія, а Шестуновы освобождены ли—неизвѣстно (XI—115).

....Не смѣй переманить
Работника! Не то въ *Приказъ Холопей*....

Карамзинъ. Гибельны были слѣдствіи закона Борисова о Юрьевѣ днѣ и о *Приказѣ Холопьемъ.* Негодовали на него знатная часть народа и богатые владѣльцы. Все это описано Карамзинымъ (XI, гл. I, стр. 128; X, гл. III, стр. 230).

Царскія Палаты.

Борисъ въ кругу своей семьи. Тутъ его дочь тоскуетъ по женихѣ, плачется по немъ, — а здѣсь сынъ пишетъ карту географическую. Первую отецъ утѣшаетъ, а сыну совѣтуетъ, убѣдительно совѣтуетъ учиться,—ибо—

„Наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни“.

Скоро нарушаютъ эту бесѣду отца съ сыномъ вошедшіе Бояре. Семенъ Годуновъ извѣщаетъ о пирѣ, который задавалъ Шуйскій, послѣ котораго хозяинъ наединѣ бесѣдовалъ съ Пушкинымъ,—о гонцѣ, который вчера пріѣзжалъ къ сему послѣднему. Бориса смущаютъ подозрѣнія. Шуйскій довершаетъ волненіе души Царя извѣстіемъ о явившемся Димитріи [1]).

Пушкинъ. Ксенія, дочь Бориса, тоскуетъ о своемъ женихѣ,—

„Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать“.

Карамзинъ. Женихомъ Ксеніи былъ Герцогъ Датскій Іоаннъ, юноша умный и пріятный (XI, гл. I, стр. 46), столь блистательно честимый въ Россіи (—48), на котораго всѣ смотрѣли съ любовію, плѣняясь его красотою (—51). Этотъ Герцогъ

[1]) Мы предъ каждою картиною разсказываемъ содержаніе ея вкратцѣ, а потомъ сравниваемъ стихи Пушкина и повѣствованіе Карамзина,—*разрѣшаемъ* картину. Говоримъ это для того, чтобы насъ не укорили въ повтореніи, котораго мы сами, будто, не замѣтили.

долго останавливалъ на себѣ вниманіе всей Руси; онъ съ ревностію учился нашему языку, и даже хотѣлъ перемѣнить свою Вѣру на православную (—53). Но на возвратномъ пути изъ (Троице-Сергіевой) Лавры 16 Окт. 1604 г. узналъ Борисъ о его кончинѣ. Іоанну было 19 лѣтъ (—54). Объ этомъ-то Королевичѣ и плакалась Ксенія.

Пушкинъ. Утѣшивъ дочь, Борисъ обращается къ сыну и спрашиваетъ о его занятіи:

А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Ѳеодоръ.

Чертежъ земли Московской....
Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань....
А вотъ Сибирь.

Царь.

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ.

Карамзинъ вотъ что говоритъ о воспитаніи Борисомъ сына: Борисъ ласкалъ сына своего, воспитывалъ съ отмѣннымъ стараніемъ.... Памятникомъ его географическихъ свѣдѣній осталась ландкарта Россіи (XI, гл. I, стр. 99).

Пушкинъ. Извѣщаютъ Бориса о воскресшемъ Димитріи.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что Король и Паны за него.

Карамзинъ. Слухъ о Самозванцѣ, распущенный имъ же, сдѣлался извѣстнымъ Борису еще прежде, нежели Отрепьевъ открылся Вишневецкимъ. Въ Генварѣ 1604 г. Нарвскій сановникъ писалъ съ гонцемъ къ Абовскому градоначальнику,

что мнимо-убитый сынъ Іоанновъ живетъ у казаковъ, гонца задержали въ Новѣгородѣ.

Пушкинъ. Услышавши эту страшную вѣсть, Царь заставляетъ Шуйскаго признаться, дѣйствительно ли онъ видѣлъ убитаго младенца.

По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было ль подмѣна? Отвѣчай.

Карамзинъ. Дѣйствительно Годуновъ началъ сомнѣваться въ убіеніи истиннаго Царевича, справлялся, допрашивалъ (XI, прим. 229).... Онъ велѣлъ лазутчикамъ узнать въ Литвѣ, кто сей Самозванецъ, призвалъ Царицу-Инокиню, мать Димитріеву, дабы узнать, убитъ ли Димитрій (XI, гл. II).

Пушкинъ.

Взять мѣры сей же часъ;
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова.

Карамзинъ. Борисъ удвоилъ заставы на Литовской границѣ и обнародовалъ исторію бѣглеца Чудовскаго (XI, гл. II, стр. 156, 157, 158).

Пушкинъ. Такъ Борисъ теперь взволнованъ. Но онъ хочетъ казаться бодрымъ:

Кто на меня? Пустое имя, *тѣнь*—
Уже ли *тѣнь* сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй—и нѣтъ его.
Такъ рѣшено: не окажу я страха.

Карамзинъ. Какъ бы дѣйствіемъ сверхъ-естественнымъ, говоритъ Карамзинъ, *тѣнь* Димитріева вышла изъ гроба,

чтобы обезумить убійцу (XI, гл. II, стр. 135). Борисъ, замѣчаетъ Карамзинъ, усиліемъ притворства не оказалъ гнѣва, ибо хотѣлъ увѣрить Россіянъ въ маловажности сего случая (XI—157).

Краковъ. Домъ Вишневецкаго.

Самозванецъ бесѣдуетъ „cum Patre“ Черниковскимъ о возможности подчинить весь свой народъ и всю Восточную Церковь, прежде двухъ годовъ, власти намѣстника Петра. Окончивъ разговоръ съ нимъ, Самозванецъ принимаетъ будущихъ своихъ сподвижниковъ. Тутъ явились Русскіе, Поляки: Пушкинъ, Курбскій, опальные изъ Москвы, Карела—представитель вольныхъ войскъ Донскихъ; наконецъ и поэтъ присоединяетъ свой трудъ усердный къ общему дѣлу. Всѣ согласны въ походъ.

Пушкинъ. Самозванецъ обѣщается признать власть Римскаго Первосвятителя.

Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненій;
Я знаю духъ народа моего....
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся Восточна Церковь
Признаютъ власть Намѣстника Петра.

Карамзинъ. Самозванецъ обѣщался письменно за себя и Россію пристать къ Латинской Церкви (XI—145). Чилли, Секретарь Королевскій, пишетъ: я видѣлъ, какъ нунцій Папскій (Рангони) обнималъ и ласкалъ Димитрія, бесѣдуя съ нимъ о Россіи, и говоря, что ему должно торжественно объявить себя Католикомъ. Димитрій клялся въ исполненіи даннаго имъ обѣта (—146). И по вступленіи на Престолъ Димитрія, Рангони просилъ не медлить въ изъявленія благодарности Главѣ вѣрныхъ Папѣ (—261) [1]).

---

[1]) Самозванецъ не исполнилъ своего обѣщанія. Въ отвѣтѣ своемъ Папѣ Павлу V онъ ни слова не сказалъ о соединеніи Церквей (XI—262).

Пушкинъ. Самозванецъ принимаетъ будущихъ своихъ воителей. Входитъ толпа Русскихъ и Поляковъ.—

Товарищи! мы выступаемъ завтра
Изъ Кракова.... Вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братскія знамена
Поднявшіе на общаго врага,
Сыны Славянъ, я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны.

Карамзинъ. Ополчалась въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Карамзинъ, не рать, а *сволочь* на Россію. Не многіе дворяне являлись въ Самборѣ и Львовѣ; стремились туда бродяги, голодные, полунагіе (XI—153). Достойно замѣчанія, говоритъ исторіографъ, что многіе изъ бѣглецовъ боярскихъ изъ Москвы не хотѣли быть участниками сего предпріятія.... Другіе бѣглецы, менѣе совѣстные — напр. Иванъ Боротинъ съ десятью или пятнадцатью клевретами пали къ ногамъ мнимаго Царевича (—154). (Прим. 221 т. XI).

Пушкинъ.

Хрущовъ, *бьетъ челомъ.*
Такъ, Государь, отецъ нашъ. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
Къ тебѣ, нашъ Царь, и за тебя готовы
Главами лечь.—

Карамзинъ. Дворянинъ Хрущовъ отъ Бориса посланъ былъ къ Донскимъ казакамъ—вывести ихъ изъ заблужденія.... Казаки схватили Хрущова и привезли къ Самозванцу.... Хрущовъ, представленный ему въ цѣпяхъ, взглянулъ на него.... залился слезами и воскликнулъ: „вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ: я твой слуга на вѣки“ (—159).

Пушкинъ.

Карела.
Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ Атамановъ

Узрѣть твои Царевы ясны *очи*
И кланяться тебѣ ихъ головами.

Карамзинъ. Въ этомъ ополченіи казаки составляли сильнѣйшую дружину;—зная, что они не любятъ Годунова, казнившаго многихъ изъ нихъ за разбой, Лжедимитрій послалъ на Донъ Литвина Свирскаго съ грамотою; писалъ, что онъ сынъ перваго Царя бѣлаго, коему вѣрные витязи присягали въ вѣрности (XI, гл. II, стр. 154). Два Атамана — Андрей Карела и Михайло Нѣжакожъ, спѣшили видѣть Лжедимитрія.... Возвратились къ товарищамъ и увѣряли, что ихъ зоветъ истинный Царевичъ (—155). Удальцы Донскіе сѣли на коней и присоединились къ толпамъ Самозванца.

Замокъ воеводы Мнишка въ Самборѣ.

Рядъ освѣщенныхъ комнатъ. Музыка. Мнишекъ и Вишневецкій хвалятся другъ другу — одинъ Мариною, а другой своимъ слугою.

Пушкинъ.

Мнишекъ.

Онъ говоритъ съ одной моей Мариной,
Мариною одною занятъ онъ....
А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже.
Ну—думалъ ты, признайся, Вишневецкій,
Что дочь моя Царицей будетъ? а?

Вишневецкій.

Да, чудеса.... и думалъ ли ты, Мнишекъ,
Что мой слуга взойдетъ на тронъ Московскій?

Здѣсь описывается честолюбіе и легкомысленность Мнишка и Вишневецкаго.

Карамзинъ. Эти черты вѣрны исторически. Главою ополченія, говоритъ Карамзинъ, былъ старецъ Мнишекъ, коему старость не мѣшала быть ни честолюбивымъ, ни легкомыслен-

нымъ до безразсудности. Гордый вельможа съ радостію благословилъ взаимную склонность Марины и Самозванца (XI, гл. II, стр. 150).

И Вишневецкаго кратко рисуетъ исторіографъ. Тутъ, въ домѣ Вишневецкаго, Самозванецъ приступилъ къ дѣлу. Вишневецкій, сильный при дворѣ, соединялъ въ себѣ надменность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца (—141). Что самозванецъ былъ слугою у Вишневецкаго, объ этомъ Карамзинъ говоритъ на стр. 141, 142 и 149 т. XI (глава II).

У *Пушкина* слѣдуетъ описаніе вечера. Идетъ кавалеръ и дама. Кавалеръ описываетъ наружность Марины, а дама— наружность Димитрія.

Кавалеръ говоритъ о Маринѣ:

„Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки".

Карамзинъ называетъ Марину только прелестницей, когда говоритъ о внѣшнемъ обличіи ея лица (XI—150).

Пушкинъ.

Дама—о Димитріи.

„Онъ не *красивъ,* но видъ его пріятенъ;
И Царская порода въ немъ видна".

Карамзинъ. Вотъ что пишетъ исторіографъ о наружности Самозванца: имѣя наружность не *красивую* — ростъ средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лице круглое, бѣлое, но совсѣмъ не привлекательное, глаза голубые безъ огня, взоръ тусклый.... Отрепьевъ замѣнялъ сію невыгоду живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осанкою благородною (XI — 141, 142).

Пушкинъ. Мнишекъ зоветъ Вишневецкаго „потянуть Венгерскаго". Этотъ готовъ. Они уходятъ.

....Пойдемъ, товарищъ мой,
Венгерскаго, обросшую травой,

Велимъ отрыть бутылку вѣковую,
Да въ уголку потянемъ-ка вдвоемъ
Душистый токъ, струю какъ жиръ густую.

Вишневецкій.

И дѣло, другъ: пойдемъ.

Карамзинъ. О Мнишкѣ не замѣчено, а о Вишневецкомъ есть сказаніе, что онъ любилъ выпить. Въ Хронографѣ пишется: „Князь же Адамъ Вишневецкій (былъ) бражникъ и безуменъ" (XI, прим. 204).

Ночь. Садъ. Фонтанъ.

Въ этой картинѣ изображено „*тайное свиданіе Самозванца съ Мариной*". Двѣ, три, не болѣе, историческихъ мысли высказалъ поэтъ здѣсь. Первая и главная историческая мысль тутъ та, что Самозванецъ былъ влюбленъ въ Марину. Для объясненія въ любви онъ цѣлый день ждалъ Марины. Другая мысль историческая касается характера Марины. Самозванецъ говоритъ:

Пушкинъ.

Но что жъ теперь тѣснитъ мое дыханье?
Что значитъ сей неодолимый трепетъ?
Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
Нѣтъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ
Я тайнаго свиданія съ Мариной,
Обдумывалъ все то, что ей скажу,
Какъ обольщу ея надменный умъ,
Какъ назову Московскою Царицей....
. . . .
Знай, (что) отдаю торжественно я руку (Марина говоритъ)
Наслѣднику Московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой.
. . . .

„Димитрій, ты и быть инымъ не можешь;
Другаго мнѣ любить нельзя".

Карамзинъ. Мнишекъ имѣлъ юную дочь, прелестницу, Марину, подобно ему *честолюбивую* и вѣтреную: Лжедимитрій, гостя у него въ Самборѣ, объявилъ себя искренно, или притворно, страстнымъ ея любовникомъ, и вскружилъ ей голову *именемъ Царевича* (XI, гл. II, стр. 150).

Пушкинъ. Третья историческая черта, выраженная здѣсь, касается жизни Самозванца въ Украйнѣ.

Я бѣдный черноризецъ....
. . . .
И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
Къ Украинцамъ, въ ихъ *буйные* курени;
Владѣть конемъ и *саблей* научился.

Его дѣйствій въ Польшѣ.

Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался,
И Поляковъ безмозглыхъ обманулъ.

Карамзинъ. Среди густыхъ камышей Днѣпровскихъ гнѣздились шайки удалыхъ Запорожцевъ.... У нихъ, какъ пишутъ, Разстрига Отрепьевъ нѣсколько времени *учился владѣть мечемъ и конемъ* (XI—140, 164). А какъ онъ „безмозглыхъ Поляковъ" обманулъ, это описано Карамзинымъ отъ стр. 141 до 153 (т. XI-го, гл. II), гдѣ Карамзинъ говоритъ: Такъ бѣглый Діаконъ, чудесное орудіе гнѣва Небеснаго, подъ именемъ Царя Россійскаго готовился предать Россію въ добычу Іезуитамъ и Ляхамъ! (т. XI).

Граница Литовская.

Кн. Курбскій и Самозванецъ ѣдутъ, и тотъ и другой полны чувствъ. Одинъ съ радостію въ душѣ, другой не веселится духомъ; ибо жалѣетъ о крови Русской, которая скоро потечетъ.

Пушкинъ.

КУРБСКІЙ.

Уже ль и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь: она твоя, Царевичъ.
Тамъ ждутъ тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя Держава.

Карамзинъ. Точь въ точь такъ ласкаетъ Самозванца Хрущовъ, когда первый съ дружинами своими двинулся къ берегамъ Днѣпровскимъ.... Онъ говорилъ ему, что народъ изъявляетъ въ Россіи любовь къ Димитрію, что самые знатные люди пили у себя съ гостями чашу за его здравіе (XI—159).

Пушкинъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Кровь Русская, о Курбскій, потечетъ!
Вы за Царя *подъяли* мечъ, вы чисты.

Карамзинъ. И тутъ есть историческая правда. Главные воеводы Бориса сказали Хрущову: трудно *поднять* руку на *Государя природнаго* (XI—160), разумѣя здѣсь Димитрія.

Царская Дума.

Борисъ посылаетъ Трубецкаго и Басманова спасать градъ Черниговъ и гражданъ отъ бунтовщика. Совѣтуется съ Патріархомъ о мѣрахъ „остудить тревогу и сомнѣнье, шопотъ и кипѣніе умовъ въ народѣ“. Патріархъ предлагаетъ сильное, по его мнѣнію, средство: перенести мощи Св. Димитрія въ Архангельскій Соборъ, а Шуйскій не одобряетъ этого совѣта:

„А въ бурныя ль смятеній времена
Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?“

и даетъ свой: онъ самъ явится на площадь, уговоритъ, усовѣститъ народъ и злой обманъ бродяги обнаружитъ. Совѣтъ Патріарха заставилъ блѣднѣть Государя.

Вся картина историческая. Слѣдимъ за ходомъ дѣйствія сначала до конца.

Пушкинъ.

Царь.

Возможно ли? *разстрига*, бѣглый инокъ....
Дерзаетъ намъ писать угрозы?

Карамзинъ. Самозванецъ писалъ Борису, убѣждая его мирно оставить престолъ и свѣтъ, заключиться въ монастырѣ и жить для спасенія души своей (XI, гл. III, стр. 196).

Пушкинъ.

Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
Ты, Трубецкій, и ты, Басмановъ....
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ.
Спасайте градъ и гражданъ.

Карамзинъ. Въ 1601 г. Борисъ вмѣстѣ съ бояриномъ Трубецкимъ послалъ Басманова *спасти* Черниговъ, но они за 15 верстъ до сего города свѣдали, что тамъ ужъ Самозванецъ, и заключились въ Новѣгородѣ (XI, гл. II, стр. 168).

Пушкинъ.

Мнѣ *Свейскій* Государь
Черезъ Пословъ союзъ свой предложилъ;
Но не *нужна* намъ *чуждая* помога;
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измѣнниковъ и Ляха.
Я отказалъ.

Карамзинъ. Послѣ того какъ всё и всѣ стояли уже за Самозванца, Борисъ еще оказалъ великодушіе. Шведскій Король, врагъ Сигизмундовъ, услыхавъ о Самозванцѣ и вѣроломствѣ Ляховъ, предлагалъ Царю союзъ и войско вспомогательное. Царь отвѣтствовалъ, что Россія не *требуетъ вспоможенія иноземцевъ;* что она при Іоаннѣ въ одно время

воевала съ Султаномъ, Литвою, Швеціею, Крымомъ, и не должна бояться мятежника презрѣннаго (XI, гл. II, стр. 177).

Пушкинъ. Царь предпринимаетъ средство къ отраженію Самозванца:

Щелкаловъ! разослать
Во всѣ концы Указы къ Воеводамъ,
Чтобъ *на коня садились,* и людей
По старинѣ на службу высылали;
Въ монастыряхъ подобно отобрать
Служителей причетныхъ.

Карамзинъ. Борисъ издалъ (1604) указъ, чтобы съ каждыхъ двухъ сотъ четвертей земли обработанной выходилъ ратникъ въ поле *съ конемъ,* доспѣхомъ и запасомъ.... велѣлъ, чтобы и слуги Патріаршіе и монастырскіе, годные для ратнаго дѣла, спѣшили къ войску (XI, гл. II, стр. 175, 176).

Пушкинъ.

Въ прежни годы,
Когда бѣдой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли;
Но *не хотимъ* тревожить нынѣ ихъ;
Пусть молятся за насъ они....

Карамзинъ. Бывали времена, сказано въ опредѣленіи совѣта Годунова, когда и самые Иноки, Священники, Діаконы вооружались для спасенія отечества; но мы не *хотимъ* того: оставляемъ ихъ въ храмахъ, да молятся о Государѣ и Государствѣ. (Тамъ же).

Пушкинъ.

Царь.

Вы знаете, что наглый самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухи;
Повсюду имъ разосланныя письма
Посѣяли тревогу и сомнѣнье;

На площадяхъ мятежный бродитъ шопотъ,
Умы *кипятъ*.... ихъ нужно остудить.

Карамзинъ поэтически описываетъ шествіе Лжедимитрія на Русь. Лжедимитрій шелъ, говоритъ онъ, съ мечемъ и съ Манифестомъ: объявлялъ Россіянамъ, что онъ, десницею Всевышняго устраненный отъ ножа Борисова, сею же рукою изведенъ на ѳеатръ міра и спѣшитъ въ Москву взять наслѣдіе предковъ, вѣнецъ и скипетръ Владиміровъ; напоминалъ всѣмъ чиновникамъ присягу, данную ими Іоанну; убѣждалъ оставить хищника Бориса (XI—163). И многіе повѣрили Самозванцу (—164).... *Листы* Самозванцевы *ходили* изъ рукъ въ руки, готовя измѣну.... Самые чиновники колебались, или въ оцѣпенѣніи ждали дальнѣйшихъ происшествій (—165). Вся южная Россія *кипѣла* бунтомъ (—170).

Пушкинъ.

Патріархъ.

Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить ихъ въ Соборѣ
Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.

Карамзинъ. Въ сей опасности Борисъ.... велѣлъ Іерархамъ пѣть вѣчную память Димитрію въ храмахъ, а Разстригу клясть всенародно (XI—175).

Пушкинъ.

Шуйскій.

Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовѣщу безумство
И злой обманъ бродяги обнаружу.

Карамзинъ. Всѣхъ громогласнѣе свидѣтельствовалъ въ столицѣ Князь Василій Шуйскій, торжественно, на лобномъ

мѣстѣ, о не сомнительной смерти Царевича, имъ видѣннаго во гробѣ и въ могилѣ (XI—175).

Равнина близъ Новгорода-Сѣверскаго.

Дѣйствіе происходитъ въ 1604 г. 21 Декабря. Битва колеблется то на ту, то на другую сторону. Маржеретъ (предводитель иноземцевъ) считаетъ за стыдъ бѣжать, въ чемъ согласенъ и Розенъ (тоже предводитель). Дѣло завязывается, когда прибываетъ Басмановъ. Нѣмцы строятся, кричатъ: „Hilf Gott" *(помоги Богъ)* и сражаются.... Самозванецъ велитъ ударить отбой: „мы побѣдили", говоритъ онъ.

Битва эта изображена поэтомъ, согласно съ повѣствованіемъ Карамзина.

Пушкинъ. Воины, *бѣгутъ въ безпорядкѣ.*

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вотъ они! вотъ они!

МАРЖЕРЕТЪ.

Куда, куда? Allons.... пошелъ назадъ!

Карамзинъ. Самозванецъ выстроился на равнинѣ близъ Новгорода (XI—179). 21 Дек. началося дѣло, сперва не жаркое, но вдругъ конница Польская съ воплемъ устремилась на правое крыло Россіянъ: оно дрогнуло и въ бѣгствѣ опрокинуло средину войска, гдѣ стоялъ Мстиславскій (XI—180) [1]. 700 Нѣмецкихъ всадниковъ, вѣрныхъ Борису, удержали стремленіе непріятельскихъ, и лѣвое крыло наше уцѣлѣло.

Пушкинъ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas *de bras pour frapper*, ça n'a que des jambes pour fuir.

---

[1]) Въ примѣч. 272 т. XI, Карамзинъ приводитъ слова Маржерета объ этомъ: En escarmouchant, пишетъ Маржеретъ, il vint trois compagnies Polon charger un des bataillons si furieusement, que le dit bataillon se vint fondre sur l'aile droite, et ainsi sur le corps de l'armée, avec tel desordre и проч.

В. Розенъ.

Es ist Schande.

Карамзинъ. Въ примѣч. 274 т. XI, Карамзинъ приводитъ слова Маржерета, который говорилъ, что Русскіе въ этой битвѣ не имѣли, казалось, ни мечей, ни рукъ, имѣя единственно ноги: on eut dit que les Russes n'avoient point de *bras pour frapper*.

Пушкинъ. Hè! Voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrièrs de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

Карамзинъ. Басмановъ вышелъ изъ крѣпости, чтобы дѣйствовать въ тылу у Самозванца, который, слыша выстрѣлы позади себя и видя свой станъ въ пламени, прекратилъ битву (XI—181).

Пушкинъ.

Димитрій.

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите Русскую кровь. Отбой!

Карамзинъ. Обѣ стороны вдругъ отступили, Лжедимитрій хвалясь побѣдою, а Борисовы Воеводы отъ страха безмолвствуя (—181).

Ливонецъ Вальтеръ фонъ-Розенъ и Маржеретъ были начальниками иноземныхъ дружинъ въ войскѣ Бориса (прим. 283 т. XI). *Маржеретъ* описалъ эту битву (т. XI, прим. 272).

Площадь передъ Соборомъ въ Москвѣ.

Въ Церкви, какъ говоритъ народъ, проклинаютъ Гришку Отрепьева. Выходитъ Царь. Юродивый обличаетъ его въ убійствѣ Царевича. Царь запрещаетъ трогать своего обличителя.— Здѣсь двѣ историческія подробности: *анаѳема*, которую положила наша Церковь на Григорія и *обличеніе* Бориса юродивымъ. Обѣ эти подробности описаны у Карамзина: первая на стр. 175 т. XI, гл. II, а вторая на стр. 311 т. X, гл. IV,

Пушкинъ.

Юродивый (входитъ въ *желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами).*

Мальчишки меня обижаютъ.... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго Царевича.

Бояре.

Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

Царь.

Оставьте его. Молись за меня, юродивый. *(Уходитъ).*

Карамзинъ. Въ 1588 г. былъ въ Москвѣ юродивый, уважаемый за святость, пишетъ Карамзинъ,—съ распущенными волосами ходя по улицамъ нагой въ жестокіе морозы, онъ торжественно злословилъ Бориса; а Борисъ молчалъ, и не смѣлъ сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, опасаясь ли народа, или вѣря святости сего человѣка. Въ примѣч. 469 т. X Карамзинъ приводитъ изъ Флетчера слѣдующія слова: 3 Іюля 1589 г. скончался въ Москвѣ, съ именемъ Святаго, Іоаннъ Юродивый, прозванный *Большимъ Колпакомъ и Водоносцемъ.* Онъ.... съ юныхъ лѣтъ изнурялъ себя постомъ и молитвою.... носилъ на тѣлѣ кресты съ веригами желѣзными, на головѣ тяжелый колпакъ....

Сѣвскъ.

Предъ Самозванца приводятъ Русскаго плѣннаго. Лжедимитрій о многомъ разспрашиваетъ его. Плѣнный отвѣчаетъ, что Годуновъ встревоженъ потерею сраженія подъ Сѣверскимъ и раною Мстиславскаго, что онъ вызвалъ Басманова въ Москву и наградилъ его заслуги. Самозванецъ узнаетъ, какъ о немъ думаютъ въ Москвѣ и въ станѣ Русскомъ. Отвѣты Рожнова (Москов. дворянинъ) заставили его разсмѣяться и рѣшается онъ дать на завтра бой, къ неудовольствію Ляховъ.

Пушкинъ. Самозванецъ спрашиваетъ Рожнова.

Что Годуновъ?

Плѣнникъ отвѣчаетъ:

Онъ очень былъ встревоженъ
Потерею сраженія и раной
Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ
Начальствовать надъ войскомъ.

Карамзинъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ битвѣ подъ Новгородомъ Сѣверскимъ Мстиславскій бился въ свалкѣ, облился кровію и упалъ на землю (XI, гл. II, стр. 180). Въ примѣч. 277 (т. XI) говорится, что Государь послалъ Микиту Дмитріевича Вельяминова-Зернова къ Мстиславскому съ рѣчью, съ милостивымъ словомъ. Борисъ, узнавъ печальныя обстоятельства этой битвы, послалъ кн. Василія Шуйскаго къ войску, быть вторымъ его предводителемъ (—стр. 183).

Пушкинъ.

Самозванецъ.

А зачѣмъ
Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

Плѣнникъ.

Царь наградилъ его заслуги честью
И *золотомъ*. Басмановъ въ Царской Думѣ
Теперь сидитъ.

Самозванецъ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.

Карамзинъ. Борисъ, искренно довольный Басмановымъ, призвалъ его къ себѣ, далъ ему *золотое* блюдо, насыпанное *червонцами*.... и любимецъ Государевъ сдѣлался любимцемъ народнымъ (XI, гл. II, стр. 184).... Призвавъ Басманова въ Москву, вѣроятно, съ намѣреніемъ пользоваться его совѣтами въ *Думѣ,* Царь отнялъ лучшаго Воеводу у рати (—стр. 185).

Пушкинъ.

Самозванецъ.

Что въ Москвѣ?
Что? ждутъ меня?

Плѣнникъ.

Богъ знаетъ; о тебѣ
Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣютъ.
Кому языкъ отрѣжутъ, а кому
И голову. Такая право притча,
Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты.
На площади, гдѣ человѣка три
Сойдется—глядь—лазутчикъ ужъ и вьется,
А Государь досужною порою
Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.

Карамзинъ. Вотъ что записалъ на своихъ страницахъ Карамзинъ о состояніи души Бориса въ это время. „Душа сего властолюбца жила тогда ужасомъ и притворствомъ. Онъ.... страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силы унять ее, ни снисходительными убѣжденіями, ни клятвою Святительскою, ни казнію: ибо въ сіе время уже *рѣзали языки* нескромнымъ. Доносы ежедневно умножались (XI, гл. II, стр. 196, 197).

Пушкинъ.

Самозванецъ.

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ!

Плѣнникъ.

А говорятъ о *милости* твоей,
Что ты—дескать (будь не во гнѣвъ) и *воръ*,
А молодецъ.—

Карамзинъ. Въ грамотѣ Патріарха Іова о Разстригѣ (прим. 199 т. XI) Григорій Отрепьевъ названъ *воромъ.* Въ показаніяхъ Хрущова Лжедимитрію говорится, что̀ слышалъ

отъ Бориса о *милости* Димитрія Хрущовъ и еще названъ *воромъ* Отрепьевъ (прим. 232 т. XI).

Пушкинъ.

Друзья, не станемъ ждать
Мы Шуйскаго....—
Назавтра бой.

Ляхъ.

Назавтра бой! Ихъ тысячъ пятьдесятъ,
А насъ всего едва ль пятнадцать тысячъ:
Съ ума сошелъ.

Карамзинъ. Послѣ повелѣнія Бориса, Шуйскій немедленно двинулся къ Сѣвску, гдѣ Лжедимитрій не хотѣлъ ждать его.... Онъ встрѣтился съ ними (Шуйскій и Мстиславскій) въ Добрыничахъ. Силы были несоразмѣрны: у него 15,000 конныхъ и пѣшихъ; у Воеводъ Борисовыхъ 60 или 70 тысячъ (XI—186).

Лѣсъ.

Лжедимитрій горюетъ о своемъ издыхающемъ конѣ. Грозитъ измѣнникамъ Запорожцамъ казнію, а Нѣмцевъ называетъ *молодцами,* за то, что они его *дружины порядкомъ отразили.*

Пушкинъ.

Лжедимитрій.

Мой бѣдный конь! Какъ *бодро* поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быстро несъ меня.
Мой бѣдный конь.

Карамзинъ. Во всей этой картинѣ описалъ поэтъ пораженіе Самозванца—въ Добрыничахъ. Войска встрѣтились.... Лжедимитрій сѣлъ на *борзаго,* карягo аргамака и повелъ свою конницу на войско Борисово.... Московская пѣхота долго стояла.... потомъ вдругъ залпомъ изъ пушекъ.... поразила

непріятеля: множество всадниковъ и коней пало; бѣжалъ назадъ въ безпамятствѣ страха—и самъ Лжедимитрій (XI—187).

Пушкинъ.

Измѣнники, злодѣи *Запорожцы*,
Проклятые! вы, вы сгубили насъ.
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я ихъ ужё: десятаго повѣшу,
Разбойники!

Карамзинъ. Уже Козаки его неслись—было во всю прыть довершить легкую побѣду своего Героя; но видя, что она не ихъ, обратили тылъ, сперва *Запорожцы*, а послѣ и Донцы (XI, гл. II, стр. 188). Козаки, подкупленные Годуновымъ, измѣнили Царевичу, ушли, и заставили его искать спасенія въ бѣгствѣ (прим. 283 т. XI).

Пушкинъ.

А дѣло было наше....
Да Нѣмцы насъ порядкомъ отразили!
А молодцы! ей Богу, молодцы!

Карамзинъ. 5,000 Россіянъ и Нѣмцы, съ кликомъ: Hilf Gott *(помоги Богъ)* разили бѣгущихъ на пространствѣ осьми верстъ, убили тысячъ шесть, взяли не мало и плѣнниковъ (т. XI—188).

Пушкинъ.

Пріятный сонъ, Царевичъ!
Разбитый въ прахъ, спасаяся побѣгомъ,
Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя:
Хранитъ его конечно Провидѣнье;
И мы, друзья, не станемъ унывать.

Карамзинъ. Такъ и думали, пишетъ Карамзинъ, что Всевышній благоволитъ о немъ и ведетъ его, чрезъ могилу хищника, на царство (XI—209).

Самозванецъ и самъ хвалился явнымъ Небеснымъ къ нему благоволеніемъ послѣ того, какъ три инока, посланные Борисомъ, для уличенія его, не могли исполнить своего замысла—отравить Лжедимитрія ядомъ (XI—195).

Москва. Царскія Палаты.

Годуновъ, недовольный бездѣйствіемъ героевъ своихъ у Кромъ, посылаетъ Басманова начальствовать надъ ними. Басмановъ радъ; ибо для него Царь хочетъ презрѣть ропотъ знатной черни, толкующей о мѣстничествѣ. Царь высказываетъ недовольство свое на народъ. Басмановъ совѣтуетъ не смотрѣть на него. Царя зовутъ принять гостей иноплеменныхъ. Басмановъ мечтаетъ, оставшись одинъ, о будущемъ своемъ поприщѣ. Мечты его разрушаются вѣстію о внезапной смерти Бориса.... Царя выносятъ. Давъ наставленіе юному сыну, какъ жить и управлять въ эти бурныя времена, Борисъ началъ готовиться къ смерти.

Пушкинъ.

Царь.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.

Карамзинъ. Послѣ пораженія въ Добрыничахъ, Самозванецъ, лишенный всей надежды, съ горстію бѣглецовъ унылыхъ хотѣлъ тайно уйти изъ Путивля въ Литву (XI — 190): измѣнники отчаянные удержали его....; они предложили ему все, что имѣли.... Оказали ревность и Козаки Донскіе: ихъ снова пришло къ Самозванцу въ Путивль 4000, другіе засѣли въ городахъ, и клялися оборонять ихъ до послѣдняго издыханія (—190). Онъ издалъ Манифестъ.... и многіе люди стекались въ Путивль, требуя оружія и чести умереть за Димитрія (—192).

Пушкинъ.

Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
Стоятъ у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.

Карамзинъ. Дѣло невѣроятное, пишетъ Карамзинъ объ осадѣ Кромъ: — тысячъ восемдесятъ или болѣе ратниковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій, безъ успѣха приступало къ деревянному городку, ибо въ немъ сидѣло 600 мужественныхъ Донцевъ.... Казаки сильною, мѣткою стрѣльбою не допускали осаждающихъ до острога.... осажденные выкопали себѣ землянки и подъ защитою вала укрывались въ нихъ безопасно; иногда же выползывали изъ своихъ норъ и дѣлали смѣлыя вылазки (XI—194). А воеводы Борисовы только стрѣляли изъ пушекъ, не вредя осажденнымъ.

Послѣ самъ Самозванецъ удивлялся бездѣйствію воиновъ Бориса: ибо они шесть недѣль, имѣя болѣе осмидесяти тысячъ добрыхъ воиновъ и семьдесятъ огромныхъ пушекъ, ничего не сдѣлали (XI—214).

Пушкинъ.

Вотъ слава! нѣтъ, я ими недоволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними;
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужитъ;
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни.

Карамзинъ. Толкъ идетъ о мѣстничествѣ. Басмановъ вторично былъ посланъ противъ Самозванца, говоритъ Карамзинъ; искали уже въ это время не старѣйшаго, а способнѣйшаго, и выбрали—Басманова (XI—204),—въ первомъ походѣ на Самозванца только опасность, замѣчаетъ Карамзинъ, поставила Басманова выше Боярина Трубецкаго (—168).

Пушкинъ. Описывается нежданая смерть Бориса.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

. . . .

Подите всѣ—оставьте одного
Царевича со мною. *Всѣ удаляются.* Умираю;
Обнимемся; прощай, мой сынъ; сейчасъ
Ты царствовать начнешь....

. . . .

Кто тамъ?
А! схима.... такъ! святое постриженье....
Ударилъ часъ! въ монахи Царь идетъ.

. . . .

Святый отецъ, приближься, я готовъ....

Карамзинъ. Борису исполнилось 53 года отъ рожденія.... 13 Апр. (1605 г.), въ часъ утра, онъ принималъ знатныхъ иноземцевъ, обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на Государство Россійское, воспріять Ангельскій Образъ съ именемъ Боголѣпа (XI, гл. II, стр. 198).

Ставка.

Поэтъ описываетъ минуты передъ измѣною Басманова. Ничто не обольщаетъ этого *витязя* [1]), ни *первый санъ но Самозванцѣ въ Московскомъ Царствѣ*, ни самъ Димитрій, будто бы *законнѣйшій* наслѣдникъ престола,—ни то, что рано или поздно ему уступитъ престолъ сынъ Борисовъ, ни общее расположеніе умовъ къ Самозванцу. Басмановъ все не рѣшается, хотя Пушкинъ—опальный изгнанникъ — уговариваетъ его къ тому. Завтра должно рѣшить эту трудную задачу. Ушелъ Пушкинъ и — тяжкое бореніе возстало въ душѣ Басманова; его ждетъ смерть или власть; его ждетъ безчестіе въ родъ и

[1]) «Витяземъ» называетъ его Карамзинъ (XI, гл. II, стр. 168).

родъ и—задумывается храбрый Басмановъ, на котораго Борисъ указалъ, умирая, сыну своему какъ на *искуснаго* вождя. Такъ говорилъ передъ смертью Царь юному наслѣднику своему.

Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли.

Въ этой картинѣ много исторически-вѣрнаго. Пушкинъ, убѣждая Басманова измѣнить, говоритъ:

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ
И первый санъ по немъ въ Московскомъ царствѣ.

Отвѣтъ Басманова согласенъ съ Исторіею. Онъ говоритъ:

Но я и такъ Ѳеодоромъ высоко
Ужъ вознесенъ: начальствую надъ войскомъ:
Онъ для меня презрѣлъ и чинъ разрядный,
И гнѣвъ бояръ—я присягалъ ему.

Карамзинъ. Всего важнѣе, говоритъ Карамзинъ, было избраніе главнаго Воеводы въ это время. Искали уже не старѣйшаго, а способнѣйшаго и выбрали—Басманова (XI—204). Въ товарищи ему назначили одного изъ знатнѣйшихъ Бояръ—Князя Михайла Катырева-Ростовскаго (—205). Басмановъ былъ удостоенъ всей довѣренности Ѳеодора (—206).

Пушкинъ.

Знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
Не войскомъ, нѣтъ, не Польскою помогой,
А мнѣніемъ—да, мнѣніемъ народнымъ.
Димитрія ты помнишь торжество
И мирныя его завоеванья,
Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
Послушные сдавались города,
А Воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
Ты видѣлъ самъ: *охотно ль* ваши рати
Сражались съ нимъ? Когда же? При Борисѣ.

Карамзинъ. Объ общемъ расположеніи умовъ Карамзинъ ясно пишетъ. — Россіяне тайно, говоритъ онъ, передавали другъ другу мысль, что Богъ дѣйствительно могъ спасти Іоаннова сына для казни ненавистнаго хищника.... воины шли *неохотно* подъ знамена и тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ болѣе слышали объ успѣхахъ Димитрія: — Едва *поставивъ* ногу на Русскую землю (18 Окт.), онъ свѣдалъ о своемъ первомъ успѣхѣ: жители и воины Моравска отложились отъ Бориса; связали, выдали Воеводъ своихъ Лжедимитрію.... 26 Окт. покорился ему Черниговъ, гдѣ ратники и граждане также встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью, выдавъ ему Воеводъ [1]) (XI, гл. II, стр. 174).

Самозванцу не вѣрилъ Басмановъ, говоритъ Карамзинъ (XI—206).

И у Пушкина онъ такимъ изображенъ. Опальный Пушкинъ называетъ Лжедимитрія законнѣйшимъ наслѣдникомъ Московскаго престола.. На это храбрый Басмановъ замѣчаетъ:

Послушай, Пушкинъ, полно;
Пустаго мнѣ не говори; я знаю,
Кто онъ такой....
. . . .

Пушкинъ.

Уже ли буду ждать,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому.... Но измѣнить присягѣ!
. . . .
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,

---

[1]) Вездѣ, гдѣ есть слово *Воевода* или *Бояринъ*, Карамзинъ пишетъ прописную букву. Замѣчательный примѣръ для правописи!

Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу Государя....
Но смерть.... но власть.... но бѣдствія народны....
(Задумывается.)

Карамзинъ. Была ли дѣйствительно у Басманова борьба между закономъ долга и измѣною,—объ этомъ Карамзинъ не пишетъ. Онъ только дѣлаетъ предположенія на этотъ разъ и не знаетъ, чѣмъ объяснить такое непонятное дѣйствіе Басманова. Скажемъ ли, замѣчаетъ Карамзинъ, что онъ, видя торжество Самозванца, хотѣлъ спасти себя ускореніемъ измѣны, хотѣлъ лучше предаться ему, нежели быть выданнымъ мятежниками: но полки клялися въ вѣрности Ѳеодору и пр. (XI, гл. III, стр. 206 и 207) можетъ быть, говоритъ историкъ, Басмановъ выѣхалъ изъ Москвы еще въ нерѣшимости и пр. (—208).

Лобное мѣсто.

Пушкинъ убѣждаетъ народъ покориться законному владыкѣ—Лжедимитрію. Увѣщанія подѣйствовали на народъ, онъ видѣлъ *правду* въ словахъ боярина и роковое „вязать Борисова щенка“ мужикъ ужъ произнесъ съ амвона....

Рѣчь, которую говоритъ Пушкинъ народу, взята поэтомъ у вдохновившаго его Историка.

Пушкинъ.

Московскіе граждане,
Вы знаете, какъ Промыселъ небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ.

Карамзинъ. Эти слова, съ лобнаго мѣста, говорилъ дѣйствительно Пушкинъ. Купцы, ремесленники, мѣщане, люди служивые.... стремились къ лобному мѣсту, гдѣ все умолкло, чтобы слушать грамоту Лжедимитріеву.... Вы клялися отцу моему, писалъ Разстрига, не измѣнять его дѣтямъ.... Не

упрекаю васъ: вы думали, что Борисъ умертвилъ меня.... но я спасенъ Богомъ.... (XI, гл. III, стр. 218).

Пушкинъ.

Димитрію Россія покорилась;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ присягѣ.

Карамзинъ.

Уже судьба рѣшилась: города и войско мои (—219).

Пушкинъ.

Димитрій къ вамъ *идетъ* съ *любовью*, съ *миромъ*.

Карамзинъ.

Я *иду* къ вамъ съ *любовію* и *кротостію*.

Пушкинъ.

Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руку на Царя
Законнаго, на внука Мономаха.

Карамзинъ.

Дерзнете ли на брань междоусобную въ *угодность* Маріи Годуновой и сыну ея? (—219).

Пушкинъ.

Московскіе граждане,
Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
Подъ властію жестокаго пришельца:
Опалу, казнь, *безчестіе*, налоги;
И трудъ, и гладъ, все испытали вы.

Карамзинъ.

Имъ (Маріи Годуновой и сыну ея) не жаль Россіи[1]), они.... упитали кровію землю Сѣверскую и хотятъ разоренія Москвы. Вспомните, что было отъ Годунова вамъ.... сколько *опалъ* и *безчестія* несноснаго? (—219), тягостныхъ службъ, неумѣренныхъ пошлинъ?

---

[1]) Это слова изъ грамоты Лжедимитрія.

Пушкинъ.

Димитрій же васъ *жаловать намѣренъ,*
Бояръ, дворянъ, людей *приказныхъ,* ратныхъ,
Гостей, купцовъ—и весь честной народъ.
Вы ль станете упрямиться безумно
И милостей кичливо убѣгать?

Карамзинъ.

Мы же *хотимъ* васъ *жаловать* безпримѣрно: *Бояръ, Дворянъ, людей Приказныхъ* милостію, льготою (—219). Дерзнете ли быть непреклонными?

Пушкинъ.

Но онъ *идетъ* на Царственный престолъ
Своихъ *отцевъ въ сопровожденьи грозномъ.*

Карамзинъ.

Иду и сяду на престолъ *отца моего;* иду *съ сильнымъ войскомъ,* своимъ и Литовскимъ (—220).

Пушкинъ.

Не гнѣвайте жъ Царя и бойтесь Бога,
Цалуйте крестъ законному владыкѣ;
Смиритеся.

Карамзинъ.

Страшитесь гибели — *смиритесь* и немедленно пришлите Митрополитовъ.... *бить* намъ *челомъ.*

(„Да *бьютъ челомъ* Отцу и Государю").

Пушкинъ. Мужикъ на амвонѣ.

Народъ! народъ! Въ Кремль! Въ Царскія палаты!
Ступай! вязать Борисова щенка!

НАРОДЪ.

Вязать! топить! да *здравствуетъ* Димитрій!
Да *гибнетъ родъ Бориса Годунова!*

Карамзинъ.

Народъ, не смотря на увѣщанія другихъ Бояръ, завопилъ: время Годуновыхъ миновалось! Да *здравствуетъ Царь Димитрій! Гибель племени Годуновыхъ!* Съ симъ воплемъ толпы ринулись въ Кремль (гл. III, стр. 224).

Кремль. Домъ Борисовъ. Стража у крыльца.

Семейство Борисово подъ стражею. Во дворецъ входятъ Бояре. Слышится народу визгъ женскій.... Мосальскій съ крыльца объявляетъ, что Марія Годунова и Өеодоръ отравили себя ядомъ.

Карамзинъ описываетъ въ концѣ III-й главы XI-го тома это цареубійство: видимъ, какъ приставили стражу къ семейству Бориса, какъ Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шерефединовъ исполнили свое дѣло. Москвѣ, говоритъ Карамзинъ, объявили, что Өеодоръ и Марія лишили себя жизни ядомъ (XI—225, 226); но трупы ихъ, дерзостно выставленные на позоръ, имѣли несомнительные признаки удавленія. Народъ толпился у бѣдныхъ гробовъ, гдѣ лежали двѣ вѣнценосныя жертвы, супруга и сынъ властолюбца.... Многіе смотрѣли только съ любопытствомъ, но многіе и съ умиленіемъ.

Изображеніемъ изумленія народа оканчивается трудъ Пушкина, изображеніемъ умиленія и изумленія народа заключается и III-я глава XI-го тома повѣствованія Карамзина. Такъ совершалась, пишетъ Карамзинъ, казнь Божія надъ убійцею Димитрія истиннаго...; такъ совершилась казнь надъ убійцею Димитрія, можемъ и мы сказать, прослѣдивъ твореніе Пушкина.

Изъ этого сличенія Бориса Годунова по Пушкину и Карамзину, нельзя не видѣть, говоря вообще, что поэтъ до послѣдняго оттѣнка избранной имъ идеи былъ вѣренъ историку. Воображеніе поэта слѣдило, если можно сказать, по пятамъ

за мыслію и изложеніемъ Карамзина. Вотъ въ чемъ сходство поэта съ историкомъ:

1) Мысль главная *одна* и та же, что у Карамзина, то и у Пушкина, развита. Борисъ Годуновъ—убійца Димитрія Царевича: это сказалъ Карамзинъ; это же сказалъ и Пушкинъ [1]).

2) За преступленіе Годунова, какъ отца, погибъ его *сынъ;* ибо святая кровь Димитріева, говорятъ лѣтописцы, требовала крови чистой. Эта чистая, нескверная кровь и пролита Θеодоромъ за отческое согрѣшеніе (т. XI прим. 349). И у Пушкина погибаетъ *Θеодоръ,* какъ чистый агнецъ за грѣховнаго отца [2]).

3) У Карамзина Самозванецъ названъ чудеснымъ *орудіемъ* гнѣва Божія, падшаго на Бориса; и у Пушкина Самозванецъ есть орудіе Судьбы, карающей Бориса.

4) Одни сближенія какъ у историка, такъ и у поэта, равно и названія. Карамзинъ называетъ Самозванца *тѣнію* Димитрія (XI—135), и Пушкинъ—тоже (Годун. стр. 310, картнина 9-я). И тотъ и другой сравниваетъ дѣла Годунова съ дѣлами Іоанна Грознаго (Кар. т. XI—201. Годун. стр. 300, картина 8-я). Карамзинъ называетъ Годунова рабомъ, татариномъ, зятемъ

---

[1]) Вѣрна ли мысль Карамзина — разберутъ историки. Пушкинъ ему слѣдовалъ. Высказывались разныя мнѣнія о томъ, есть ли Годуновъ убійца Царевича. Нѣкоторые (*Карамзинъ* и *Устряловъ*) признаютъ Годунова убійцею Царевича; проф. *С. Соловьевъ* доказываетъ, что на Бориса должно смотрѣть какъ на *главнаго* участника только, а не какъ на *единственнаго* виновника въ смерти Царевича (Соврем. 1848, № 1, науки, стр. 12); третіи (*Погодинъ*) оправдываютъ Годунова (Сѣверный Архивъ). Но никто еще не рѣшилъ однажды навсегда, какъ смотрѣть на Годунова.... Разительныя доказательства вины Годунова представлены въ Ж. М. Н. Просв. 1840, № 2. Н. А. Полевой нападаетъ на поэта за его мысль (Очерки Рус. Лит. 1839, ч. I, стр. 189). Но тутъ нужно-бы нападать не на поэта, а на *историковъ*, не узнавшихъ дѣла....

[2]) Это еще замѣтилъ въ 1831 г. бар. А. А. Дельвигъ въ Литер. Газетѣ 1831 ч. I, стр. 16. Мысль Дельвига повторилъ Баронъ Розенъ въ «Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst» 1833. Первый томъ, стр. 44.

Малюты (т. XI—101; X—254, 237, 4; XI—107), и Пушкинъ тѣ же имена даетъ Борису (Годун. стр. 264, картина 1-я). Разстригою называется Самозванецъ, рать его—толпою у того и другаго (т. XI—155. Годун. стр. 334, 313, картина 14-я).

5) Ходъ событій одинъ и тотъ же, въ главныхъ чертахъ. Въ иныхъ мѣстахъ теченіе мыслей одинаково, какъ у историка, такъ и у поэта. Прочтите рѣчь Пушкина съ лобнаго мѣста къ гражданамъ Московскимъ у Карамзина (т. XI—218) и у Пушкина (Годун. стр. 368, картина предпослѣдняя); прочтите изображеніе дѣйствій Лжедимитріевыхъ войскъ подъ Кромами, дѣйствій бояръ Московскихъ тамъ же и изображеніе смерти Бориса (т. XI—192—4, 214, 168, 198); увидите, какъ Карамзину строго слѣдовалъ Пушкинъ (Годун. стр. 356 и д.). Царская Дума у Пушкина (стр. 334—337 карт. 14-я) изображена точь въ точь, какъ у Карамзина (т. XI—196, 168—176).

И въ 6) Пушкинъ цѣлыя выраженія бралъ у Карамзина. Они находятся въ каждой картинѣ, безъ исключенія. Эти выраженія мы уже отмѣтили, разбирая каждую картину [1]).

Значитъ въ историческомъ отношеніи Пушкинъ заслужилъ всецѣлую признательность критики [2]); главное разумное требованіе исторической трагедіи съ честію и славою выполнилъ поэтъ. Только Н. А. Полевой, не понявъ главной мысли Пушкина, обличалъ его въ несоблюденіи исторической истины [3]). Годуновъ имѣетъ много историческихъ чертъ, столько, сколько нужно было поэту для раскрытія своей мысли. Вся жизнь Самозванца до вступленія его на престолъ изображена поэтомъ.

---

[1]) Мы дѣлаемъ здѣсь ссылки на изданіе сочиненій Пушкина, вышедшее въ 1838 году, въ одиннадцати томахъ. «Борисъ Годуновъ» помѣщенъ въ томѣ *первомъ* (вмѣстѣ съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ»). — Въ ссылкахъ на «Исторію Государства Россійскаго» мы пользовались третьимъ ея изданіемъ, *Эйнерлинга*.

[2]) Камашевъ, Фарнгагенъ фон-Энзе, критикъ Галатеи, Баронъ Розенъ тоже замѣтили. С. От. 1831, ч. 145, стр. 177. Denkwürdigkeiten часть 5, стр. 617. Галатея 1839, часть 4, стр. 45. Dorpater Jahrbücher 1833, т. I, стр. 43 (о Борисѣ Годуновѣ).

[3]) Очерки Рус. литературы. Спб. 1839, ч. I, стр. 197—8.

Ясно обозначилъ Пушкинъ бѣгство Григорія изъ монастыря (Годун стр. 275, карт. 4-я) съ двумя монахами, его жизнь въ Литвѣ (—298, карт. 8), въ Украйнѣ (—325, карт. 12), въ Польшѣ(— 323—326),—изобразилъ поэтъ его борьбу съ войсками Московскими (—341,—353, карт. 15-я), общее къ Лжедимитрію расположеніе умовъ (—366, карт. 20-я), читаемъ его грамоту къ народу (—368, карт. 21-я) и его письмо къ Борису (—334, карт. 14-я).—Изображена Польша (—299, 318 и д.), езуиты (—312, карт. 8, 11-я).

Указанное нами сходство Годунова Пушкина и Карамзина ничуть не даетъ права утверждать, подобно Н. А. Полевому, что Пушкинъ *рабски* влекся по *слѣдамъ* Карамзина [1]. А. С. Пушкинъ самобытно творилъ свое произведеніе, онъ по *своему* прочувствовалъ мысль Карамзина и творчески возсоздалъ ее. Оттого, при удивительномъ сходствѣ, огромная разница между Годуновымъ Пушкина и Годуновымъ Карамзина.

1) Почти въ каждой картинѣ поэтъ сдѣлалъ отступленіе отъ Карамзина. Въ третьей картинѣ поэтъ изобразилъ принятіе Борисомъ вѣнца царскаго; въ числѣ присутствующихъ при этомъ помѣстилъ и Воротынскаго. Но достовѣрно, что въ 1598 г., при восшествіи Годунова на престолъ, Воротынскаго совсѣмъ не было въ Москвѣ; всѣ Воротынскіе за умыселъ противъ Бориса еще въ 1585 г. были сосланы въ дальнее мѣсто (томъ X, стр. 35. По крайней мѣрѣ въ это время Карамзинъ не упомянулъ о Воротынскомъ). Пушкинъ называетъ по *имени* то лице, съ кѣмъ жилъ въ кельѣ Чудова монастыря Григорій, а Карамзинъ не назвалъ по имени. У Пушкина—*Пименъ*, у Карамзина просто—*дѣдъ* (XI—136). Это—въ четвертой картинѣ. Пушкинъ говоритъ, что Григорія ловили па Литовской границѣ; Карамзинъ пишетъ наоборотъ, царя не извѣстили даже о побѣгѣ Григорія (XI—138). Въ картинѣ, гдѣ описывается бесѣда Бориса съ дѣтьми, есть отступленіе отъ Карамзина. Карамзинъ сказалъ, что по *слуху* узналъ царь о воскрес-

[1] Московскій Телеграфъ 1831, часть 37, стр. 246.

нувшемъ Димитрія (т. XI, стр. 156); у Пушкина же самъ Шуйскій доноситъ царю объ этомъ. Не говоритъ Карамзинъ, чтобы къ Пушкину (Григорію Гавриловичу) пріѣзжалъ гонецъ изъ Кракова съ извѣстіемъ о явленіи Димитрія. У Карамзина Годуновъ допрашиваетъ, *мать* Царевича Димитрія дѣйствительно ли мертвъ ея сынъ (XI—157), у Пушкина Годуновъ допрашиваетъ на этотъ разъ *Шуйскаго* и т. д.

2) Поэтъ ввелъ въ дѣйствіе новыя лица. Эти лица: Воротынскій, кн. Курбскій и Пушкинъ. Послѣднее лице только однажды и являлось, по Карамзину, въ ходѣ событій; именно— съ письмомъ отъ Самозванца къ народу (XI—218). У Пушкина Пушкинъ (Гаврила) является три раза въ дѣйствіи (Годун. стр. 313, 353, 364, карт. 10-я, 18-я, 20-я,), тамъ, гдѣ у Карамзина нѣтъ его и въ четвертый разъ тамъ, гдѣ и Карамзинъ говоритъ о немъ [1]).

3) Нѣкоторыя событія, отмѣченныя у Карамзина, поэтъ совсѣмъ опускаетъ. Такъ онъ не говоритъ объ обличеніи Отрепьева монахами и другими лицами, о блестящихъ внѣшнихъ дѣлахъ Бориса, о мнѣніи, которое имѣли другіе вѣнценосцы о немъ.

4) Пушкинъ часто перемѣшиваетъ событія, и слова одного историческаго лица влагаетъ въ уста другаго. У Пушкина доноситъ патріарху о бѣгствѣ Отрепьева *игуменъ* Чудова монастыря, у Карамзина — митрополитъ Ростовскій Іона (XI—137). У Пушкина прежде Хрущовъ бьетъ челомъ Самозванцу, а потомъ и козаки (Годун. стр. 315—6, карт. 10-я); у Карамзина—Хрущовъ былъ доставленъ Самозванцу козаками (т. XI—159),—т. е. Козаки прежде Московскихъ бѣглецовъ измѣнили Царю Борису (XI—154 и д.). Мысли, которыя говоритъ кн. Курбскій Самозванцу на границѣ Литовской, высказывалъ совсѣмъ не Курбскій, а Хрущовъ (XI—159). Изображая Царскую думу (Годун. стр. 334, карт. 14-я), поэтъ перемѣшалъ

[1]) Это отступленіе Пушкина отъ Карамзина указалъ и Н. А. Полевой. Очерки Рус. Литературы, 1839, часть I, стр. 198.

событія. На первомъ мѣстѣ здѣсь Борисъ негодуетъ на Самозванца за письмо его. Въ самомъ дѣлѣ Лжедимитрій писалъ Годунову, но уже послѣ осады Кромъ (т. XI—194, 196). Въ слѣдъ за этимъ письмомъ Карамзинъ изображаетъ и смерть Годунова, а у Пушкина еще только посылается Трубецкой и Басмановъ спасать Черниговъ. Отъ осады же Чернигова до осады Кромъ прошелъ цѣлый годъ и изображеніе событій отъ 1604 (когда была осада Чернигова), до 1605 (когда совершалась осада Кромъ), занимаетъ у Карамзина еще нѣсколько страницъ (XI—166—196). Слѣдовательно поэтъ помѣстилъ письмо Самозванца въ началѣ борьбы Царя Бориса Годунова съ нимъ, а историкъ—въ концѣ этой борьбы. Потомъ (въ этой же 14-й, картинѣ) Годуновъ отказывается отъ помоги Свейскаго государя; далѣе велитъ разослать указы къ воеводамъ, чтобъ люди ратные садились на коня, наконецъ—патріархъ предлагаетъ перенести мощи святаго Димитрія, а Шуйскій идетъ усовѣщевать безумство народа. У Карамзина не въ такомъ порядкѣ изображены эти же самыя событія. Всѣ означенныя событія стоятъ (во-первыхъ) *послѣ* изображенія дѣйствій Самозванца подъ Новгородъ-Сѣверскимъ (XI—171—6), а у Пушкина—*прежде*. Во-вторыхъ Карамзинъ такъ размѣстилъ эти событія. Прежде всего Шуйскій торжественно объявляетъ о несомнѣнной смерти Царевича, потомъ патріархъ предлагаетъ свой совѣтъ, далѣе Борисъ издаетъ указъ, чтобы ратники выходили въ поле съ конемъ и наконецъ-то Карамзинъ говоритъ о предложеніи Шведскаго короля (XI—173, 175—6), т. е. совершенно иначе, нежели у Пушкина [1]).

Пушкинъ пишетъ (въ изображеніи равнины близъ Новгорода-Сѣверскаго), что Нѣмцы съ крикомъ: Hilf Gott, пошли

[1]) Мощи св. Димитрія перенесены уже въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго (XII, гл. I, стр. 11, 13). Патріархъ (Іовъ) при Годуновѣ не предлагалъ перенести мощи Св. Царевича Димитрія, онъ только предлагалъ предать анаѳемѣ Григорія и молиться по убитомъ Царевичѣ (XI, гл. II, стр. 175).

на врага. Изображая эту битву, Карамзинъ не приводитъ сказаннаго Пушкинымъ, онъ помѣщаетъ эти слова, описывая битву при Добрыничахъ, что было въ 1605, а не въ 1604 (т. XI—186, прим. 283). Въ 19-й картинѣ, гдѣ описывается смерть Бориса, Пушкинъ говоритъ, что Годуновъ посылаетъ Басманова къ воеводамъ, стоящимъ у Кромъ. Но Басмановъ, по Карамзину, во второй разъ посланъ былъ на Самозванца уже при Өеодорѣ (XI, гл. III, стр. 204). Недовольный замедленіемъ своихъ воеводъ, Борисъ послалъ не Басманова, какъ говоритъ Пушкинъ, а трехъ иноковъ для обличенія Отрепьева (XI—195). Въ 20-й картинѣ: „*Ставка*" Пушкинъ *убѣждаетъ* Басманова измѣнить законному Царю. Такъ пишетъ поэтъ. А Карамзинъ говоритъ, что Басмановъ *самъ* произвелъ общую измѣну войска. Онъ самъ громогласно объявилъ Димитрія Царемъ, тогда какъ другіе еще безмолвствовали (XI—207, 212). У Пушкина юродивый обличаетъ Годунова, когда уже Борисъ началъ борьбу съ Самозванцемъ; у Карамзина просто сказано, что юродивый обличалъ Годунова, а *когда*—не сказалъ историкъ (X—прим. 469). Историкъ пишетъ, что юродивый этотъ умеръ 1589, — значитъ за нѣсколько лѣтъ до битвы подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, послѣ которой поэтъ вводитъ юродиваго въ дѣйствіе.

5) Главное различіе между историкомъ и поэтомъ состоитъ въ уклоненіи поэта отъ Карамзина въ поэтическихъ образахъ. Въ иныхъ мѣстахъ историкъ слишкомъ выражается живописно, описывая царствованіе Годунова. И гдѣ у него поэтически изображено событіе, тамъ у Пушкина просто сказано; напротивъ, гдѣ Карамзинъ говоритъ обыкновеннымъ складомъ рѣчи, тамъ Пушкинъ даетъ полный ходъ творческому воображенію своему. Приведемъ нѣсколько фактовъ для подтвержденія первой мысли. Карамзинъ сказалъ о царѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ, что онъ „духомъ—младенецъ (т. X, стр. 88)". Пушкинъ назвалъ его просто *смиреннымъ* (Годун. стр. 277, карт. 4-я). Злодѣи, пишетъ Карамзинъ объ убійцахъ Димитрія, издыхая, *облегчили* свою *совѣсть* признаніемъ (X—146—8),—а

Пушкинъ сказалъ: злодѣи *покаялись* (Годун. стр. 279, карт. 4-я). Карамзинъ разсказываетъ: „въ 1601 г. *пала* на *милліоны* людей *казнь* страшная—голодъ...., въ четырехъ оградахъ близъ стѣны Московской *лежали кучи серебра* (XI, гл. II, стр. 121)"; Пушкинъ просто выразился:

Богъ *насылалъ* на землю нашу *гладъ;*
Народъ завылъ въ мученьяхъ погибая;
....Я *злато*
Разсыпалъ имъ (Годун. стр. 284, карт. 6-я).

Въ 1595 г. сгорѣлъ Китай-городъ; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ *возсталъ* изъ *пепла* съ новыми.... домами (X—233). У Пушкина:

„Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя *жилища* (Годун. стр. 284, карт. 6-я)".

О Хрущовѣ Карамзинъ говоритъ, что „онъ *взглянулъ* на Самозванца...., *залился слезами* и *воскликнулъ*: я твой слуга (XI—159). У Пушкина Хрущовъ только *бьетъ челомъ* (Годун. стр. 315, карт. 10-я). Среди *густыхъ камышей*, пишетъ Карамзинъ, гнѣздились *шайки удалыхъ* Запорожцевъ (XI—140). Пушкинъ называетъ жилища Украинцевъ *буйными куренями* только (Годун. стр. 325, карт. 12-я). Вотъ какъ описываетъ Карамзинъ шествіе Лжедимитрія по Россіи: онъ *шелъ* съ *мечемъ* и *Манифестомъ*, объявлялъ Россіянамъ, что онъ устраненъ.... отъ *ножа* Борисова....; *листы* Самозванца *ходили изъ рукъ въ руки* (XI—164—5). А Пушкинъ гораздо проще:

....Наглый Самозванецъ
Коварные *промчалъ* повсюду *слухи;*
Повсюду имъ разосланныя *письма*
Посѣяли тревогу.... (Годун. стр. 335, карт. 14-я).

На вторую нашу мысль доказательства находятся во всемъ произведеніи Пушкина, отъ начала до конца.

Указавъ историческую истину въ произведеніи А. С. Пушкина, мы прямо говоримъ, что Карамзинизмъ не повредилъ ему, какъ думали Н. А. Полевой [1]) и критикъ Отеч. Записокъ [2]). И переходимъ къ эстетическому разбору.

II.

Въ основаніи каждаго произведенія должна лежать одна *главная* мысль. Показать, вполнѣ ли развита она, окончена ли — есть первое требованіе какого бы то ни было разбора. Такъ какъ драма прежде всего есть *дѣйствіе* и состоитъ въ томъ, что дѣйствующія лица развиваютъ каждое *свой* характеръ, то нужно изобразить развитіе мысли въ дѣйствіи и — *характеръ* лицъ дѣйствующихъ. Мысль творца-поэта, свойства души лицъ и даже самое дѣйствіе становятся извѣстны читателю преимущественно посредствомъ *рѣчи;* поэтому должно обратить вниманіе на складъ рѣчи, показать языкъ произведенія. Такимъ образомъ эстетическій разборъ нашъ долженъ показать: 1) главную мысль произведенія Пушкина,—2) развитіе ея въ дѣйствіи,—3) характеръ лицъ и 4) языкъ ихъ.

1. Пушкинъ взялъ для своего труда не *всю* жизнь Годунова, а *одну* его душу,—и здѣсь не всю душу, съ ея честолюбивыми и скрытыми замыслами, съ ея часто славными стремленіями поэтъ хотѣлъ изобразить, а—*единое пятно* въ совѣсти Бориса:

„Но если въ ней *единое* пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,

---

[1]) Очерки Рус. Литер. 1839. Ч. I, стр. 184.

[2]) Отечественныя Записки. 1845, т. 43, критика, стр. 162. Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1860, т. VIII, стр. 635 и др.

И мальчики кровавые въ глазахъ....
И радъ бѣжать, да некуда.... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста" [1]).

Это-то случайно заведшееся въ совѣсти Царя Бориса *пятно единое*, отъ котораго душа сгараетъ, сердце наливается ядомъ, стучитъ молоткомъ въ ушахъ, — отъ котораго все тошно,—и *хочетъ* изобразить поэтъ въ своемъ твореніи. Главная мысль Годунова Пушкина есть: „*представить, къ какимъ бѣдамъ повело царя единое пятно въ его совѣсти, потому и губительное, что оно едино*" [2]). Борисъ представленъ виновникомъ смерти Димитрія Царевича. Эта вина пала на совѣсть Царя. Отвсюду рушатся на главу вѣнценосца злоключенія; нещадно Судьба поражаетъ Цареубійцу. Годуновъ видитъ всю свою страшную годину; высчитываетъ удары Провидѣнія и сознается, что *жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста*. Годуновъ—царь; это правда. Но какимъ образомъ онъ взялъ вѣнецъ и бармы Мономаха? Онъ *перешагнулъ* чрезъ *кровь невиннаго младенца* (Годуновъ, стр. 264, карт. 1-я): потому какъ царь — онъ находится среди замысловъ своихъ бояръ, готовыхъ свергнуть его съ престола,—бояръ, которые считаютъ себя князьями *Рюриковой крови*. Это первая бѣда, которая грозитъ Годунову.

Годуновъ не законно сидитъ на тронѣ Іоанна; онъ виновникъ смерти законнаго наслѣдника: такъ если нѣтъ въ живыхъ самого его, то *тѣнь его* жива. Она возстаетъ, чтобъ *сорвать порфиру съ царя* (Годун. стр. 314, карт. 9-я), и—изъ кельи Чудова монастыря выходитъ Самозванецъ. Это зло горше перваго для царя.

---

[1]) Борисъ Годуновъ, стр. 285, карт. 6-я.

[2]) Эту мысль намекомъ предложилъ Дельвигъ: въ Литер. Газетѣ 1831, стр. 17 и Надоумко (псевдонимъ Н. И. Надеждина) въ Телескопѣ 1831 г., часть I, стр. 561. *Н. М. Карамзинъ* почти также выразилъ мысль нашу, когда, описывая бѣдствія царствованія Годунова, сказалъ, что несчастіями *казнится* Царь отъ Бога за *свое преступленіе*. Исторія Государства Россійскаго. Т. XI, гл. II, стр. 127. Изданіе третіе.

Годуновъ мнилъ народъ во *славѣ успокоить;* но онъ его же, бѣснуясь, проклинаетъ (Годун. стр. 284, карт. 6-я). И здѣсь—тяжкій ударъ Царю. Причина того—прежняя.

Годуновъ—отецъ: и онъ страждетъ въ семьѣ своей. У него есть дочь и сынъ, есть сестра. Какъ буря смерть уноситъ жениха и тутъ молва лукаво нарекаетъ виновникомъ дочерняго вдовства его—его, *несчастнаго* отца; онъ, говорятъ, *уморилъ сестру-царицу*, *монахиню* смиренную (—та же картина, стр. 285). Куда же теперь преклонить главу Царю-отцу?!..

А вотъ уже тотъ, чье имя такъ ужасало Царя и чья смерть пятномъ легла на его совѣсть, близокъ къ Москвѣ. Димитрій побѣждаетъ, ему Россія сдается: бояре, на которыхъ покоилась послѣдняя надежда Годунова, *ничего не дѣлаютъ* за своего царя (Годуновъ, картина 19-я, стр. 350). Настали слѣдовательно крутыя времена для Бориса; рѣшается судьба на жизнь и смерть. Что же? Царь внезапно умираетъ.

За нимъ и дѣти страдальчески оканчиваютъ жизнь свою. *Невиннаго младенца* Годуновъ лишилъ жизни, по закону правды *невинная* кровь должна и искупить этотъ грѣхъ его. Кровь за кровь пролита, смыто *пятно* съ совѣсти цареубійцы и—поэтъ положилъ перо.

Самое слѣдованіе отъ одной картины за другою картиною покажетъ яснѣе истину высказанной сей часъ мысли. Весь этотъ трудъ Пушкина состоитъ изъ *двадцати двухъ картинъ*[1]). Всѣ онѣ говорятъ намъ объ одномъ; на всѣхъ яркими красками написано: „къ какимъ бѣдамъ повело царя Бориса убійственное пятно въ его совѣсти“.

---

[1]) Собственно—изъ двадцати четырехъ. Но двадцать третья (Дѣвичье поле) и двадцать четвертая (Уборная Марины) при Пушкинѣ не входили въ его драму. «Дѣвичье поле»—картина третья (т. е. должна занимать это мѣсто въ драмѣ), а «Уборная Марины»—картина двѣнадцатая. И въ *первомъ* посмертномъ изданіи (1838 г.) этихъ картинъ тоже не было въ самой драмѣ.

Въ первой картинѣ (сценѣ) выходятъ Воротынскій и Шуйскій. Они нѣсколько словъ сказали о боязни Бориса, по которой онъ не смѣетъ взойти на Престолъ. Еще вопросъ со стороны Воротынскаго—

„Что ежели правитель въ самомъ дѣлѣ
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?"—

и Шуйскій прямо рѣжетъ, что думаетъ—

„Скажу—(онъ говоритъ), что по-*напрасну*
Лилася кровь *Царевича младенца*".

Шуйскій забываетъ весь ужасъ высказаннаго имъ отвѣта. Отчего? Оттого, что онъ говоритъ правду. Шуйскій далѣе приводитъ доказательства своей мысли. Воротынскій было усомнился въ справедливости страшной истины; онъ возразилъ:

Полно, точно ль
Царевича сгубилъ Борисъ?

. . . .

А кто же?—

отвѣчаетъ необинуясь Шуйскій, который самъ былъ посланъ на слѣдствіе по этому дѣлу. „А кто же?"—Потомъ разговоръ рѣкою полился около этого предмета. *Главное* въ немъ обоимъ боярамъ пришлось по̀ сердцу. Уже бояре видятъ наконецъ возможнымъ, даже должнымъ взойти на престолъ безвластный имъ самимъ; уже они рѣшаются *волновать* народъ,

„Когда Борисъ хитрить не перестанетъ".

На этой мысли они и успокоиваютъ свои думы. Высказались оба и—разстались.

Чтобы яснѣе видѣть, какъ эта картина ярко освѣщаетъ зрителю главную мысль, нужно представить, что она рисуется тогда, когда, говоря словами поэта,

„Во слѣдъ за Патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ",

дабы молить Бориса на престолъ. Еще неизвѣстно, согласится ли онъ принять вѣнецъ; еще никто не знаетъ, кто будетъ Царемъ: а тутъ уже и замыслъ созрѣваетъ противъ будущаго Царя, даже — созрѣлъ; ибо заговорщики рѣшились *волновать* народъ. Что же заставило ихъ на такой дерзкій поступокъ посягнуть? Отвѣтъ одинъ—*кровь Димитрія, невиннаго младенца,* которую пролилъ Борисъ, — кровь младенца, который *одинъ* имѣлъ неотъемлемое право на престолъ.

Итакъ первая бѣда, которая идетъ на незаконнаго Царя, есть—*честолюбіе* бояръ.

Другая картина совершается на Красной площади, гдѣ дьякъ Щелкаловъ объявляетъ народу о волѣ Собора: въ послѣдній разъ отвѣдать просьбы силу надъ Борисомъ.

Потомъ слѣдуетъ и самая картина восшествія Бориса на престолъ. Борисъ пріемлетъ власть великую со страхомъ и смиреньемъ. Казалось бы обрядомъ восшествія и нужно заключить картину. Но поэтъ не предположилъ изображать счастливую сторону жизни Годунова. Предъ нимъ носится *совѣсть* Бориса съ ея страшнымъ увѣчьемъ и—вотъ являются Шуйскій и Воротынскій. Послѣдній напоминаетъ первому объ ихъ недавнемъ разговорѣ. Правда, Шуйскій не *помнитъ* прежнихъ своихъ словъ; но это забытье ясно, какъ красное солнце [1]).

Минуло пять лѣтъ отъ восшествія Бориса на престолъ; поэтъ изображаетъ ночь въ Чудовомъ монастырѣ. Тамъ есть келья; предъ теплющеюся лампадою пишетъ одинъ инокъ; другой инокъ спитъ. Читатель отдыхаетъ мыслію своею на этой тихо-величавой картинѣ.

---

[1]) Въ этихъ трехъ картинахъ, какъ видно изъ разсмотрѣнія ихъ, изображено восшествіе Бориса на престолъ. Н. А. Полевой этого не видѣлъ. Онъ сказалъ: «лучше бы поэтъ создалъ намъ двѣ драмы, въ одной изобразилъ бы *восшествіе на престолъ*, а въ другой—*славнаго* Бориса». Очерки Рус. Литер. 1839 г., ч. I, стр. 195. Первое требованіе и исполнено поэтомъ, о чемъ же толковать?!

„Еще одно, послѣднее сказанье“—
„И лѣтопись окончена моя“,

говоритъ пишущій отецъ Пименъ.... Какому же дивному событію суждено закончить лѣтопись его безпристрастнаго пера? Лѣтописецъ со вздохомъ говоритъ о немъ:

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличь
На нѣкое былъ посланъ послушанье;
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда-жъ,—а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ.
. . . .
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
„Покайтеся“—народъ имъ загремѣлъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали *Бориса*....“

Дальше старецъ Пименъ ничего не говоритъ о Борисѣ и Царевичѣ убитомъ. А прямо приговариваетъ:

„*Сей повѣстью* плачевной *заключу*
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія“.

Такимъ образомъ и *въ кельѣ темной*, всю *ночь* не забывавшійся дремотою, отшельникъ *доносъ ужасный* пишетъ на Царя. Онъ *послѣднія* силы свои собралъ для написанія *повѣсти плачевной*—послѣдняго сказанья своей лѣтописи усердной, безымянной; для него *минувшее* погибло *невозвратно*,—

„Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!“.

И изъ этого *немногаго* слабая память, подъ конецъ уже ночи, сохранила старику кровавый грѣхъ Царя Бориса. Значитъ и келья Чудова монастыря ту же страшную думу навела на зрителя, какъ и палаты Кремлевскія, гдѣ Шуйскій называлъ Бориса Цареубійцею. Въ палатахъ Кремлевскихъ бояре возстаютъ на незаконнаго Царя, въ кельѣ Чудовской инокъ Григорій; онъ жалѣетъ, что никто не *смѣетъ Борису* и напомнить о жребіи *несчастнаго* младенца и угрожаетъ ему мірскимъ и Божіимъ судомъ....

Отъ палатъ патріарха, гдѣ донесено о бѣгствѣ инока Григорія и гдѣ мысль его: *быть Царемъ на Москвѣ* [1])—названа ересью, поэтъ переходитъ въ палаты царскія.

Картины эти освѣщаютъ одна другую, связуемыя указанною уже мыслью поэта. Тутъ Царь горюетъ о своей судьбѣ; ему напрасно *сулятъ кудесники дни власти безмятежной;* народъ не понялъ его царски-щедрой души. Отселѣ—бѣда. Даже въ семьѣ своей Царь нашелъ ее. Кто ни умретъ, виноватъ онъ, *несчастный Царь*. Значитъ ни у *народа* не нашелъ покоя Годуновъ, какъ Царь,—ни въ семьѣ своей, какъ отецъ и братъ.—Такъ, можетъ быть, совѣсть помиритъ его съ самимъ собою? *Тутъ-то* и обрѣтается источникъ всего зла, всѣхъ страданій Царя; здѣсь-то и бьетъ ключъ бѣдъ, который разольется въ рѣку и — горе, въ комъ *единое пятно* случайно завелося. Самъ Годуновъ сознаетъ это:

„Жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста“;

вотъ что вывелъ онъ, озирая, откуда—бѣды идутъ на него.... Мука Царя, какъ осязательно видно, горька и велика. Что-же будетъ теперь съ нимъ? Патріархъ, его богомолецъ, его совѣтникъ, невинно сдѣлался виновникомъ дальнѣйшаго зла

---

[1]) Слова подчеркнутыя взяты у Пушкина. Тоже и дальше. Фарнгагенъ фонъ-Энзе сказалъ, что «Григорій оставилъ *письмо* съ подписью: буду царемъ на Москвѣ». Denkwürdigkeiten, часть 5, стр. 613. У Пушкина этого нѣтъ.

его, не велѣвъ *тревожить Царя-Государя* донесеніемъ о бѣгствѣ Григорія.

Въ корчмѣ, на Литовской границѣ, бѣглецъ былъ узнанъ; *царскіе* приставы хотѣли схватить забавника Григорія, но онъ спасся. Хозяйка корчмы указала даже путь къ Луёвымъ горамъ, куда ему и нужно было. Видимъ, что гроза безпрепятственно собирается на Царя Московскаго.

Изъ Литвы идутъ вѣсти одна другой опаснѣе. Шуйскій получаетъ вѣсть, что сынъ Грознаго.... *Царевичъ убіенный.... что Димитрій живъ. Быть грозѣ великой,* говоритъ Шуйскій. Онъ даже указываетъ путь, какъ она можетъ разгорѣться, когда говоритъ, что если Самозванецъ *посулитъ* народу *старинный Юрьевъ день,* то и *пойдетъ потѣха....*

Вѣсть грозную слышитъ и самъ Годуновъ.... Поэтъ въ прежней картинѣ взволновалъ мысль читателя; въ этой онъ на время ее успокоилъ, изобразивъ дѣтей Царя Бориса, которые ничего не знаютъ о душѣ отца. Читатель засматривается на Ксенію, которая тоскуетъ по женихѣ своемъ, —на Өеодора, пишущаго *віющуюся* по Русской землѣ *лентой Волгу.* Смотря на невинность дѣтей Годунова, опять угадываемъ основную мысль поэта. Слова Ксеніи, ея печаль о женихѣ наводятъ *уныніе.* Утѣшеніе, которымъ Борисъ успокоиваетъ дочь свою, напоминаетъ объ общемъ мнѣніи народа, по которому *самъ же* Царь *виновникъ печали* дочери. Донесеніе Семена Годунова вскрываетъ мысль поэта. Не долго Борисъ пожилъ, какъ отецъ. Семенъ Годуновъ пробудилъ въ немъ жизнь *царскую;* Шуйскій своими доказательствами заставилъ говорить въ Царѣ прежнюю тревогу. „Ухъ, тяжело!“, молвилъ Царь и наединѣ, безъ дѣтей и бояръ, предался душевной мукѣ. Грозный супостатъ идетъ; потряслась вся душа Годунова. Борьба всѣхъ силъ ея вырвалась въ одномъ многозначительномъ вздохѣ:

„Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха“.

Кто же грозный супостатъ Годунова? Въ слѣдующихъ картинахъ поэтъ отвѣчаетъ на это. Въ то время, когда въ Москвѣ Царь падаетъ подъ бременемъ шапки Мономаха, въ Краковѣ, въ домѣ Вишневецкаго Самозванецъ уже называетъ народъ Московскій и Русскій *своимъ;* много людей становится за него — отъ опальнаго Пушкина и кн. Курбскаго, до поэта, который уже и трудъ свой усердный поднесъ будущему Царю.

Ночью, въ саду, влюбленный Димитрій открывается Маринѣ, что онъ—*бѣдный инокъ,* который подъ *клобукомъ* свой *замыселъ* отважный *обдумалъ,*—который рѣшился черный свой клобукъ перемѣнить на вѣнецъ Царя Московскаго, свою рясу—на порфиру, свои чётки—на скипетръ. Вотъ супостатъ Бориса!

На Литовской границѣ кн. Курбскій называетъ Москву, Кремль и всю Русь уже Дмитріевыми. Впередъ, говоритъ кн. Курбскій, и горе Годунову!

Напрасно, послѣ этого, Царь вооружается на обошедшія его бѣды. Самыя средства преградить грозѣ — *ножъ острый* для Годунова. Патріархъ совѣтуетъ перенести мощи Святаго Димитрія въ Архангельскій соборъ (въ Москвѣ); имя Димитрія заставляетъ Годунова *блѣднѣть*—

„И крупный потъ съ лица его закапалъ“.

На равнинѣ близъ Новгорода-Сѣверскаго Димитрій побѣдилъ. Новый ударъ Царю Годунову!

Въ столицѣ называетъ его убійцею Царевича юродивый, когда онъ выходитъ изъ Собора; величаетъ Бориса *Царемъ-Иродомъ.* Значитъ *гласнымъ* сдѣлалось уже преступленіе Годунова, его въ глаза назвали цареубійцею. Юродивый сказалъ при всѣхъ: „мальчишки меня обижаютъ.... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго Царевича“.

Подъ Сѣвскомъ Самозванецъ разбитъ; но онъ жалѣетъ не о войскѣ разбитомъ, а *о конѣ бѣдномъ;* это равнодушіе естественно въ немъ потому, что онъ надѣется на правость

своего дѣла. Потому онъ засыпаетъ въ лѣсу, положивъ сѣдло подъ голову....

Безъ сомнѣнія Борисъ Годуновъ воспользуется пораженіемъ своего супостата. Да,—онъ рѣшается послать Басманова.... Самъ идетъ принять пословъ иноземныхъ.... Но уже послѣднія силы, долго борющіяся въ немъ, сокрушились; онъ не вынесъ руки, карающей его за нечистую совѣсть.... Внезапно нашла на него смерть. Никто не думалъ, не гадалъ. Схима покрыла Царя, за котораго страдали всѣ и теперь взволнована Русь. Царь Борисъ палъ....

Но здѣсь—не предѣлъ бѣдамъ, рушившимся на Годунова. Онѣ пали на подданныхъ его и дѣтей. Пошли измѣны законному Царю, юному Ѳеодору, сыну Бориса. Басмановъ, посланный на Димитрія, измѣнилъ.

За измѣною главнаго воеводы поэтъ рисуетъ измѣну и всего народа семейству Годунова. Народъ измѣнилъ.... Такъ и самое *сердце Россіи* [1]) подвинулось въ своемъ основаніи; оно стало за Лжедимитрія. „Да гибнетъ родъ Бориса Годунова", закричалъ народъ. Еще бѣда, и едва ли не самая тяжелая.

И не тутъ еще конецъ злому году, который нашелъ на Русскую землю за Царя-преступника. Еще правдивый Богъ не отъялъ руки своей отъ племени Царя Бориса. Поэтъ изображаетъ послѣднюю картину кровавыми красками. Вотъ Кремль. Домъ Борисовъ. Стража у крыльца. Въ домѣ юный Царь и его сестра—*бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ*, по выраженію поэта. Послѣдній ударъ карающей руки падаетъ на нихъ. Пришли бояре.... Раздалась тревога, женскій голосъ пронесся въ уши буйнаго народа.... Это была минута, когда сынъ Годунова вмѣстѣ съ матерью—погибалъ....

---

[1]) Такъ называлъ преосвящ. Филаретъ, Московскій митрополитъ, Москву въ своемъ «разсужденіи о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ Россіянъ въ войнѣ 1812 г.»

Такъ одна мысль видится во всѣхъ двадцати двухъ картинахъ „труда“ Пушкина. Прослѣжена нить этой мысли поэта, которая живитъ всѣ картины: отъ грозныхъ словъ Шуйскаго въ первой картинѣ до послѣдняго вопля народа—*въ Кремль!... Вязать Борисова щенка,* до смертныхъ криковъ, съ которыми прервалась жизнь семьи Годунова, до послѣдняго таинственнаго оцѣпенѣнія дѣйствія, когда *„народъ безмолвствуетъ“*. Поэтъ изъ палатъ Царя Годунова переходитъ въ келью инока, но затѣмъ, дабы показать читателю послѣднее сказанье труда лѣтописца, для котораго онъ *дремотой во всю ночь не смыкалъ очей, объ убіеніи* Царевича Борисомъ. Потомъ представляетъ поэтъ постепенно палаты патріарха, палаты Царя, корчму, пиръ Шуйскаго, опять царскія палаты, Краковъ, замокъ Самборскаго воеводы, Литовскую границу, Царскую думу, битву близъ Новгорода-Сѣверскаго—вездѣ мы видимъ ту же грозную мысль, то же преступленіе Царя, изъ-за котораго все говоритъ и дѣйствуетъ вопреки своему долгу. Идетъ поэтъ опять въ Москву, еще тутъ же рисуетъ успѣхи Лжедимитрія, въ послѣдній разъ вводитъ насъ въ палаты Годунова, наряду съ этимъ вскрываетъ ставку Басманова, наконецъ останавливается на одной Москвѣ и выдвигаетъ Кремль съ домомъ Бориса и погибшею семьею—все та же убійственная мысль вьется предъ глазами зрителя. Всюду поэтъ ее видитъ, всюду находитъ и—по неволѣ говоришь: „жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста“. Потому что къ великимъ и неотразимымъ бѣдамъ ведетъ она грѣшную душу. Годуновъ вдвойнѣ расплатился съ правосудіемъ за единое пятно въ совѣсти своей: какъ *Государь* и какъ *отецъ*.

Мы прежде упомянули, что Пушкинъ изобразить хотѣлъ не *всю* жизнь Годунова, а *одну* его душу, даже менѣе—*одинъ* преступный грѣхъ его. Потому понятно, зачѣмъ многое, что сказалъ Карамзинъ о Годуновѣ, Пушкинъ опустилъ, а многое отъ себя прибавилъ, о чемъ у Карамзина не говорится.

1) Поэтъ прибавилъ встрѣчу Отрепьева съ приставами на Литовской границѣ, гдѣ его чуть не *изловили*. Для чего? Дабы показать, какъ сама, будто, Судьба содѣйствуетъ замыслу Григорія. Окно корчмы, куда онъ выскочилъ, сдѣлалось для него открытымъ входомъ въ Литву. Царскіе дозорщики изъ рукъ выпустили бѣглеца Чудовскаго. Значитъ новое горе отсюда выходитъ для Бориса. Поймай Отрепьева теперь, тогда и — конецъ всему. Тогда бы не явился грозный супостатъ Борису [1]).

2) Поэтъ не упомянулъ объ обличеніяхъ, которыя часто въ глаза Отрепьеву были сказываемы, какъ самозванцу. Карамзинъ всѣ эти улики выставилъ [2]). Поэтъ не говоритъ о нихъ опять потому, чтобы скорѣй дать созрѣть Лжедимитрію.

3) Лице кн. Курбскаго и Пушкина (Григорія Гавриловича) введено съ особенною тоже цѣлію. Первый—сынъ измѣнника Русскаго престола; уже поэтому онъ не утѣшительное лице для Годунова. Отецъ кн. Курбскаго измѣнилъ законному Царю Московскому; на что же долженъ надѣяться не законный Царь, каковъ Годуновъ? Для такой цѣли введенъ въ дѣйствіе Курбскій. Пушкина же самъ Годуновъ (у поэта) называетъ *мятежникомъ*—

„Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ *мятежный*“. (Карт. 9-я).

Потому чѣмъ болѣе дѣйствуютъ такихъ лицъ, тѣмъ сильнѣе и ближе бѣды къ сердцу Бориса.

---

[1]) При такомъ взглядѣ естественнымъ кажется поступокъ Григорія въ корчмѣ, въ окно которой онъ бросается. Мы не можемъ согласиться съ мыслію одного критика, которому это дѣйствіе Григорія казалось не естественнымъ. Отеч. Зап. 1845, т. 43, критика, стр. 20. Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1860, т. VIII, стр. 643. У *Н. В. Гоголя* есть комедія: «Женитьба», гдѣ Подколесинъ, будучи женихомъ, тоже выскакиваетъ въ окно изъ дома своей невѣсты. Однакожъ это не считается не естестественнымъ, хотя Подколесина никто не ловилъ,—напротивъ, Кочкаревъ, ради Бога, умолялъ его скорѣй жениться. См. еще Телегр. 1831, часть I—566.

[2]) Исторія Государства Россійскаго. Т. XI, гл. II, стр. 154, 158, 171, 182. См. выше историч. разборъ.

4) Блестящія внѣшнія дѣла Годунова опущены; отзывы другихъ иноземныхъ государей о Борисѣ, какъ Царѣ *славномъ* [1]), не упомянуты поэтомъ; ибо поэтъ хотѣлъ изобразить не *славную* сторону жизни Бориса Годунова, а *злосчастную*.

Критики, разсматривавшіе „трудъ" Пушкина, не выразумѣли, кажется, главной мысли его. Потому такъ и раздробились ихъ взгляды на Бориса. О каждой картинѣ почти они всѣ высказали свои мнѣнія, поражающія пестротою. Вотъ нѣсколько этихъ мнѣній:

Н. А. Полевой, полагая, что Пушкинъ хотѣлъ возсоздать историческаго, въ полномъ смыслѣ этого слова, Годунова, сказалъ: „положимъ, что Пушкинъ создалъ бы *двѣ* драмы: *одну* [2]), гдѣ показалъ бы намъ ненасытнаго честолюбца, его стремленіе къ трону, его злодѣйство, Цареубійство, ужасъ симъ произведенный, тѣнь Царя въ лицѣ слабаго Ѳеодора, рядомъ съ нимъ добродѣтельную сестру Бориса, и, кончивъ восшествіемъ на престолъ Бориса [3]), въ *другой* драмѣ изобразилъ бы намъ честолюбца достигшимъ престола, славнымъ, могущимъ, почти тестемъ королевскаго сына, готовымъ благотворить, быть великодушнымъ при удачѣ и въ счастіи. Вдругъ перстъ судебъ кладетъ на него печать проклятія.... Страсти людскія кипятъ.... среди ихъ проникаетъ слухъ о Димитріи.... (Цареубійца) трепещетъ; губитъ тайно близкихъ враговъ.... (Буря) на голову Бориса падаетъ, и предъ ней изчезаютъ послѣдняя любовь народа, смиренное лукавство бояръ.... Гибель и измѣна на полѣ битвъ—гибель и измѣна въ чертогахъ его, и тогда только страшное сознаніе излетаетъ изъ собственныхъ устъ его — признаніе Цареубійства! Намъ кажется, что выразивъ такимъ образомъ въ обширной драмѣ мысль свою, поэтъ явился бы самобытнымъ создателемъ и

---

[1]) Ихъ выставилъ Карамзинъ т. XI, гл. I, стр. 81—85 и 88.

[2]) Слова эти подчеркнуты у Полеваго.

[3]) Пушкинъ изобразилъ восшествіе на престолъ. См. первыя три картины драмы.

изумилъ бы насъ [1])....“ Видимъ, что *Полевой* не прослѣдилъ главной мысли „труда“ Пушкина.

Первую картину: „Кремлевскія Палаты“, *Полевой* называетъ *ничтожною* сценою [2]); другой критикъ *прекрасною* [3]).

Четвертую картину *Полевой* называетъ *вводною* сценою.... отдѣланною *полно* и *мастерски* [4]); ночь въ Чудовомъ монастырѣ, говоритъ другой критикъ, есть что-то великое, громадное, колоссальное, никогда не бывалое, никѣмъ не предчувствованное [5]). *В. Плаксинъ*, разсматривая „трудъ“ Пушкина, сказалъ, что въ этой картинѣ *весь* Пушкинъ [6]) и, удивляясь величію ея, замѣтилъ, что четвертую сцену можно считать началомъ драмы и что лучше бы назвать всю драму не *Годуновымъ*, а *Отрепьевымъ* [7]). Неизвѣстный сочинитель назвалъ ее *прелестною* [8]).

---

[1]) Очерки Рус. Литер. 1839, ч. I, стр. 195—196. Эта статья была написана въ 1833 г. и помѣщена сначала въ Моск. Телегр. за 1833 г., въ №№ 1 и 2. Требованіе Полеваго такъ и отзываются ложно-классическимъ взглядомъ. Тутъ главное дѣло было—завязка и что бы до конца неизвѣстно было, изъ чего все происходитъ: «*вдругъ* перстъ судебъ кладетъ (на героя драмы) печать проклятія», до конца нужно томить вниманіе читателя и «*тогда* только страшное сознаніе излетаетъ *изъ устъ* (героя)». Достоуважаемый тогда Баттё (XVIII в.) поучалъ въ своихъ «Principes de la Litterature»:

«Qu'en un lieu, en un jour, un seul fait accompli:
Tienne jusqu'a *la fin* (вотъ что главное) le theatre rempli».

[2]) Очерки Рус. Литературы, ч. I, стр. 193.

[3]) Отеч. Зап. 1845, т. 43, критика, стр. 19. Сочин. В. Бѣлинскаго. М. 1860, т. VIII, стр. 642.

[4]) Очерки Рус. Литер., ч. I, стр. 190, 193. Вторую и третью картину онъ тоже называетъ ничтожными, стр. 193.

[5]) Отеч. Зап. 1845, т. 43, критика, стр. 17.—Это статья В. Г. Бѣлинскаго. См. его сочиненія. М. 1860, ч. VIII, стр. 638.

[6]) Сынъ Отеч. 1831, ч. 142, стр. 292.

[7]) Тамъ же, стр. 291.

[8]) Галатея (журналъ) 1839, часть 4, стр. 51. Здѣсь отъ стр. 42 до 55 помѣщена критика на Бориса Годунова Пушкина; она кратка, но исполнена неподдѣльнаго удивленія къ «труду» поэта.

Молодой поэтъ Веневитиновъ, разобравшій, къ величайшему сожалѣнію, только одну четвертую картину, смѣло сказалъ о ней: „cette scéne *frappante* de *simplicité* et *d'energie* peut être *placée* sans crainte *au rang* de tout ce que le théatre *de Schakespeare* et *de Goethé* nous offre *de plus parfait* [1]).

Пятую картину: „Палаты Патріарха", *В. Плаксинъ* назвалъ *превосходною*, какъ изображающую патріарха того времени [2]). Другой критикъ сказалъ, что „сцена между игумномъ и патріархомъ есть одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ трагедіи" [3]). Полевой не отмѣтилъ эту картину ни въ числѣ ничтожныхъ, ни въ числѣ мастерскихъ.

Шестую картину: „Царскія Палаты" Полевой назвалъ *слабою* и *ничтожною* [4]), а другой критикъ — *жалкою мелодрамою* [5]).

О корчмѣ на Литовской границѣ и дѣйствовавшихъ тамъ, вотъ какъ отозвались: эта сцена отдѣлана полно и мастерски, пишетъ Полевой [6]). M-r Tlensky *восклицаетъ:* „Мисаилъ и Варлаамъ — вотъ такъ старцы! Это чуть ли не первыя лица между всею братіею, составляющею причтъ Годунова. Въ нихъ виденъ еще талантъ Пушкина. Чортъ возьми! Я готовъ за нихъ простить ему всѣ грѣхи: уморили меня со смѣху" [7]). Г. Надоумко (Н. И. Надеждинъ) совершенно иначе смотритъ на эту картину: „бродяги, говоритъ онъ, изображены весьма вѣрно, съ натуры. Но — кромѣ излишества, до котораго въ

---

[1]) Сочин. Д. В. Веневитинова. Ред. А. П. Пятковскаго. Спб. 1862, стр. 195. Этого поэта Н. А. Полевой назвалъ *зарею дня свѣтлаго*. Моск. Телегр. 1831 г., часть 308, стр. 101.

[2]) Сынъ Отеч. 1831, ч. 142, стр. 282.

[3]) Отеч. Зап. 1845, т. 43, критик., стр. 19. Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. М. 1860, т. VIII, стр. 643.

[4]) Очерки Рус. Литературы. Ч. I, стр. 193.

[5]) Отеч. Зап. 1845, т. 43, стр. 7. Сочин. В. Г. Бѣлинскаго. Т. VIII, стр. 643.

[6]) Очерки Рус. Литер., ч. I, стр. 193.

[7]) Телескопъ, изд. Николая Надеждина. 1831, часть I, стр. 566.

нѣкоторыхъ пунктахъ доведенъ этотъ фарсъ — его драматическое строеніе исполнено такихъ несообразностей, что изъ рукъ вонъ“ [1]).

Осьмая картина Полевымъ названа *ничтожною* [2]), а другимъ критикомъ—*лучшею* [3]).

И девятую картину, гдѣ Борисъ бесѣдуетъ съ дѣтьми и потомъ получаетъ безотрадную вѣсть о Лжедимитріи, Полевой назвалъ ничтожною, а В. Г. Бѣлинскій—превосходною. „Здѣсь,—говоритъ критикъ,—Борисъ является во всѣмъ свѣтѣ своихъ лучшихъ качествъ“ (т. VIII, стр. 643).

Двенадцатая [4]) картина: „Ночь. Садъ. Фонтанъ“, заставила г. Надоумко назвать ее *злодѣйскою сценою*. Чудное дѣло, восклицаетъ онъ, видно фонтаны закляты для Пушкина.... Я не могъ спокойно слушать этой сцены, когда мнѣ читалъ ее пріятель.... Вотъ ужъ гдѣ жалко Пушкина! А между тѣмъ, какъ нарочно, эта *злодѣйская сцена*, въ отношеніи къ колориту, отдѣлана премастерски“ [5]). Полевой назвалъ ее мастерски и полно отдѣланною.

„Граница Литовская. Князь Курбскій и Самозванецъ, оба верхами“. В. Плаксинъ сказалъ объ этой картинѣ: „Въ словахъ Курбскаго каждый звукъ выражаетъ пламенную душу, кипящую чувствованіями“ [6]). Г. Надоумко, увлеченный *святою, дѣтскою любовію* Курбскаго *къ родинѣ*, называетъ только это лице изъ всего произведенія самобытнымъ созданіемъ Пушкина: „А молодой Курбскій? Развѣ это не собственное созда-

---

[1]) Телеск. 1831, ч. I, стр. 566.

[2]) Всѣ отзывы Н. А. Полевого о каждой картинѣ изложены на одной 193 стр. его Очерковъ Русской Литературы. Спб. 1839, ч. I.

[3]) Отеч. Зап. 1845, т. 43, критика, стр. 20. Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. VIII-й т., стр. 643.

[4]) Пишемъ: двенадцать, а не двѣнадцать на основаніи разумнаго замѣчанія Пушкина о правописаніи этого слова. Соч. А. С. Пушкина. (Его Записки).

[5]) Телескопъ 1831, часть I, стр. 571.

[6]) Сынъ Отеч. 1831, часть 143, стр. 85.

ніе Пушкина?... И, какое еще созданіе.... О! я не могу безъ умиленія повторять этого трогательнаго изліянія, въ которомъ такъ свѣтло отражается душа чистая, полная святой, дѣтской любви:

Вотъ, вотъ она, вотъ Русская граница!
Святая Русь! Отечество! я твой!" [1])

А Полевой какъ отозвался? Въ 1833 году онъ сказалъ объ этой картинѣ: „мы видали многихъ, которые въ восторгѣ отъ сцены Курбскаго при переходѣ чрезъ границу; намъ кажется, напротивъ, что это слишкомъ натянуто, изысканно, и не въ духѣ времени" [2]). Въ 1845 г. критикъ Отеч. Зап. (В. Г. Бѣлинскій) повторилъ эту мысль: „сцена на Литовской границѣ, говоритъ онъ, до того приторна, фразиста, исполнена пустой декламаціи, что трудно повѣрить, чтобъ она была написана Пушкинымъ" [3]).

Этотъ же критикъ о слѣдующей картинѣ: „Царская Дума" отозвался какъ о *превосходной* [4]). „Мнѣ не нравится, говоритъ г. Надоумко, сцена, гдѣ Борисъ бесѣдуетъ съ Патріархомъ и боярами; ибо лице его здѣсь не исполнено никакой выразительности" [5]). Полевой назвалъ ее мастерски составленною [6]), — впрочемъ не всю, а одну *рѣчь Патріарха въ Совѣтѣ.*

---

[1]) Телескопъ, стр. 572.—«Надоумко»—это псевдонимъ извѣстнаго даровитаго писателя, Н. И. Надеждина, бывшаго профессора Московскаго Университета.

[2]) Московскій Телегр. 1833, ч. 49, стр. 310. Очерки Русской Литературы, ч. I, стр. 194.

[3]) Отеч. Зап. 1845, т. 43, критика, стр. 21. Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1860, ч. VIII, стр. 645.

[4]) Онъ же и тамъ же. «Въ ней есть двѣ превосходнѣйшія черты: это рѣчь патріарха о чудесахъ, творимыхъ останками Царевича, и о чудномъ исцѣленіи стараго пастуха отъ слѣпоты». Сочиненія Бѣлинскаго, т. VIII, стр. 645.

[5]) Телеск. 1831, ч. I, стр. 561.

[6]) Москов. Телегр. 1833, ч. 49, стр. 309. Очерки Рус. Литер. Ч. I, стр. 193.

Слѣдуетъ: „Равнина близъ Новгорода-Сѣверскаго". Олинъ, рѣшившійся сказать свое мнѣніе о „трудѣ" Пушкина *откровенно* и *добросовѣстно* [1]), выразился такъ: „*Сцена,* въ которой выведенъ Маржеретъ, доказываетъ болѣе желаніе *перенимать,* чѣмъ своенравіе оригинальное и скорѣе *смѣшить,* чѣмъ нова и эффектна" [2]). Г. Надоумко видитъ въ этой картинѣ *каррикатурное смѣшеніе языковъ.* „Какъ, возражаетъ ему г. Тлѣнскій, тебѣ и это не нравится? Ква! Ква! *pravoslawni.... пошёль,* всѣ эти штуки!... Ну, братъ! Мнѣ кажется, что холера составляетъ эпоху въ твоемъ образѣ мыслей?... Здѣсь-то именно и является талантъ Пушкина" [3]). Полевой пишетъ: „другіе осуждаютъ сцену сраженія, гдѣ Маржеретъ и Розенъ говорятъ по-Французски и по-Нѣмецки; намъ кажется, что ничего не можетъ быть выразительнѣе и естественнѣе этой сцены" [4]).

„Площадь передъ Соборомъ въ Москвѣ". Г. Тлѣнскій называетъ эту картину *дикимъ фарсомъ,* безъ *мысли* и безъ *цѣли:* „Желѣзный Колпакъ! трррр...." Ну что это такое, спрашиваетъ онъ? Г. Надоумко хвалитъ Пушкина за эту картину. „Она, говоритъ критикъ, и съ *мыслію* и съ *цѣлію.* Всѣ черты юродиваго истинны и выразительны" [5]). Полевой назвалъ—*мастерски* отдѣланною [6]).

„Москва. Царскія Палаты". *Всѣмъ* показалась *неестественною* кончина внезапная Годунова [7]), — а одному еще —

[1]) Собственныя выраженія Олина. Колокольчикъ, литературная газета, изд. Олина и Никонова на 1831, стр. 23. Эпиграфъ этой газеты:

«Чу!... въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій». Жуковскій.

[2]) Колокольчикъ 1831, часть I, стр. 23—24.

[3]) Телеск. 1831, часть I, стр. 566.

[4]) Телегр. 1833, часть 49, стр. 310. Очерки Рус. Литературы. стр. 194.

[5]) Телеск. 1831, часть I, стр. 567.

[6]) Телегр. 1831, часть 49, стр. 309 и Очерки Рус. Литературы, ч. I, стр. 193.

[7]) Этотъ предметъ важенъ. Въ своемъ мѣстѣ мы приведемъ отзывы объ этомъ критики и то, какъ мы думаемъ.

страннымъ отношеніе въ этой картинѣ Годунова и Басманова [1]).

„Ставка". Никто изъ критиковъ даже не коснулся этой картины.

„Обѣ сцены эпилога: Лобное мѣсто и Кремль. Домъ Борисовъ. Стража у крыльца" названы Полевымъ полно и мастерски отдѣланными [2]). „*Превосходно* окончаніе трагедіи, говоритъ критикъ Отеч. Зап. Послѣднее слово трагедіи заключаетъ въ себѣ глубокую черту, достойную Шекспира" [3]).

Постоянный переходъ отъ одной картины къ другой, выбранный поэтомъ, (по-нашему разумѣнію), для представленія того, какъ все и вездѣ говоритъ о преступленіи Царя, критикующимъ умамъ далъ поводъ къ глумленію. В. Плаксинъ назвалъ этотъ переходъ *кочеваніемъ* [4]), почтенный Полевой — *безсвязною пестротою* явленій, *прыжками* отъ одного предмета къ другому. (Очерки Русской Литературы. 1839, ч. I, стр. 195).

Вотъ многообразные взгляды на отдѣльныя части созданія Пушкина! Отчего же эти взгляды, эти отзывы *откровенные* и *безпристрастные* такою *пестротою* поражаютъ? Думаемъ, что поименованные критики не прослѣдили со тщаніемъ главной мысли поэта; они её упустили изъ виду. Осматривали части произведенія, кости, жилы, а не взглянули на *жизненную* силу, которая *живитъ* и *единитъ* ихъ и представляетъ намъ изъ нихъ одинъ здоровый, крѣпкій и цвѣтущій организмъ.

---

[1]) Отеч. Зап. 1845, т. 43, критика, стр. 21. Сочин. В. Бѣлинскаго. М. 1860, ч. VIII, стр. 646.

[2]) Телегр. 1833, ч. 49, стр. 309. Очерки Рус. Литерат., ч. I. стр. 193.

[3]) Отеч. Зап. 1843, т. 43, критика, стр. 21. Сочиненія В. Бѣлинскаго. Ч. VIII, стр. 647. «Мы не можемъ пропустить послѣдней сцены, замѣчаетъ одинъ критикъ, — сцены, въ которой такъ много поэтическаго, что вы, прочитавши ее, невольно прослезитесь надъ несчастьемъ невинныхъ дѣтей Годунова и надъ безуміемъ легкомысленнаго, безсмысленнаго народа». Галатея 1839, ч. 4, стр. 52.

[4]) Сынъ Отеч. 1831, часть 142, стр. 285.

2) Мысль поэта въ драматическомъ произведеніи развивается въ *дѣйствіи*. Есть ли же дѣйствіе въ этомъ произведеніи Пушкина? *Драма* ли Борисъ Годуновъ, или *поэма?* Въ *заглавіи* поэтъ не сказалъ, къ какому роду поэтическихъ созданій онъ относитъ Бориса Годунова,—*что*, какъ сейчасъ увидимъ, было, кажется, необходимо. Скромнымъ словомъ: „*трудъ*" поэтъ назвалъ свое твореніе: „Драгоцѣнной для Россіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина, сей *трудъ*, геніемъ его вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ Александръ Пушкинъ". Въ Борисѣ Пушкина нѣтъ ни дѣйствій, ни актовъ, ни явленій, ни сценъ, ни выходовъ. Этою *выходкою*, какъ замѣтили мыслящіе люди еще въ 1831 г., поэтъ далъ порядочную задачу критикѣ [1]). Въ самомъ дѣлѣ пошли толковать, какъ назвать Бориса Годунова — трагедіей, или комедіей. „Что это за дребедень, восклицаетъ *Тлѣнскій*, не съумѣешь, какъ назвать ее.... Ни то трагедія, ни то комедія, ни то—чортъ знаетъ что!..." *Надоумко* сказалъ, объясняя Тлѣнскому, что такое Борисъ Годуновъ, — это *рядъ историческихъ сценъ.... эпизодъ исторіи въ лицахъ* [2]). *Олинъ* нашелъ не нужнымъ рѣшать, какъ назвать *сіе сочиненіе....*; ибо *названіе не можетъ вредить сущности дѣла, точно также какъ и улучшить оной* [3]). А вотъ что говорятъ критики, по времени, близкіе къ намъ. Борисъ Годуновъ — совсѣмъ не драма, сказалъ одинъ изъ нихъ, не драма, а только *эпическая поэма* въ разговорной формѣ. Дѣйствующія лица,

---

[1]) *Полевой* въ Телегр. 1831, часть 37, стр. 244, бар. *Дельвигъ* въ Литератур. Газетѣ на 1331, стр. 8. *Надоумко* сказалъ своему собесѣднику Тлѣнскому: сшутилъ же надъ вами Пушкинъ шутку пробѣломъ, который сдѣлалъ на заглавномъ листѣ Бориса Годунова.... Теперь извольте поломать свои залетныя головы.... Телеск. 1831, часть I, стр. 556.

[2]) Телеск., 1831, ч. I. стр. 557.

[3]) Колокольчикъ, литер. газета, изд. Олина и Никонова на 1831. стр. 23. Мысль дѣльная; мы знаемъ, что и Пушкинъ на форму смотрѣлъ, какъ не на главную вещь, даже больше: «повторяю, онъ сказалъ, что формы ничего не значатъ». Соч. А. С. Пушкина. «Записки» его.

вообще *слабо* очерченныя, только *говорятъ*, а не *дѣйствуютъ*[1]). Онъ указываетъ причину, почему Годуновъ не могъ быть драмою и удивляется поэтической *случайности* Пушкина въ выборѣ предметовъ. „Пушкинъ пытается, пишетъ критикъ, создать драму изъ *Русской исторіи до временъ Петра Великаго;* дѣлаетъ изъ него все, что можетъ сдѣлать геніальный поэтъ,— и если при всемъ томъ ему удалось сдѣлать не слишкомъ много, то это ужъ не его вина“[2]). *В. Бѣлинскій* повторилъ эти мысли: „въ Россіи до Петра, говоритъ онъ, не было драмы. Историческая драма возможна только при условіи *борьбы* разнородныхъ элементовъ государственной жизни. Разнообразіе страстей, столкновеніе внутреннихъ интересовъ и пестрота общества—вотъ необходимыя условія драмы.... Борисъ Годуновъ потому и не имѣлъ успѣха, что былъ глубоко національнымъ произведеніемъ; по той же причинѣ Борисъ Годуновъ нисколько не *драма*, а *развѣ поэма въ драматической формѣ*“[3]). Мысль, что до Петра Великаго не было *разнообразія* страстей, *пестроты* общества, *борьбы* разнородныхъ элементовъ, невѣрна исторически. Царь Борисъ Годуновъ (1598—1604) уже есть исключеніе изъ этого правила. Со многими личностями, со многими характерами онъ боролся; внутренніе интересы въ немъ столкнулись болѣе, нежели въ комъ другомъ. Много бояръ и духовныхъ свела рука Бориса въ ссылку, когда она дерзала на шапку Мономаха[4]). Тюрьмы, набитыя людьми изъ-за подозрѣній Годунова,—наушники, ко-

---

[1]) Отеч. Зап. 1845 т. 43, критика, стр. 2. Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1860, т. VIII, стр. 608. Впрочемъ на другихъ страницахъ онъ называетъ Годунова *трагедіею*.

[2]) Отеч. Зап. 1843, т. XXVII стр. 75. Библ. и журн. извѣстія.

[3]) Физіологія Петербурга, сборникъ Н. Некрасова. Спб. 1845, часть 2. стр. 67. Г. В. Плаксинъ напротивъ утверждаетъ, что *разнохарактерность* не можетъ входить въ драму и обличалъ Пушкина, зачѣмъ выбралъ се. Сынъ Отеч. 1831, часть 143, стр. 283, критика.

[4]) Исторія Госуд. Рос., т. X, гл. II, стр. 84, 85.

торымъ внималъ онъ [1]), громко говорятъ, какая борьба происходила въ немъ самомъ. А эти внутреннія муки его, которыя Карамзинъ называетъ *кровавыми ранами сердца Бориса* [2]), суть неумолчный глашатай трагической тревоги Борисовой души. Для трагедіи это и нужно, по нашему мнѣнію. Богъ съ нею—этою пестротою общества, которая, будто, есть сущность драмы. Намъ нужно очертаніе самой души лица; намъ нужно, чтобъ *оно само* раскрыло себя предъ нами своими мыслями, чувствованіями, отношеніемъ къ другимъ лицамъ. А писатель драмы, будучи незримымъ лицемъ, зрится въ то же время во всемъ томъ, что говоритъ и дѣлаетъ каждое лице. Раскрывать же свою душу въ дѣйствіи можетъ человѣкъ и въ своей лачугѣ, среди семьи своей, и тутъ есть *борьба* (если любо это слово); ибо души могутъ быть такъ же противоположны, какъ огонь и вода. Слѣдовательно то̀, что̀ до Петра Великаго не было *пестроты* общества, не даетъ никакого права утверждать, что до него не было и *драмы*, а значитъ и Борисъ Годуновъ Пушкина *не драма*. При этомъ дѣлѣ обратимся къ самому А. С. Пушкину. Послушаемъ, что̀ онъ говоритъ и ка̀къ о драмѣ. „Что развивается въ трагедіи, спрашиваетъ онъ,—какая цѣль ея? *Человѣкъ* и *народъ*—*судьба человѣческая, судьба народная*. Вотъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки. Что нужно драматическому писателю? Философія, отвѣчаетъ самъ же Пушкинъ, безпристрастіе, *государственныя мысли историка*, догадливость, живость воображенія, отсутствіе предразсудковъ и всякой любимой мысли.... Драма, продолжаетъ Пушкинъ, завѣдуетъ *страстями и душею человѣческой.... Истина страстей, правдоподобіе чувствованій* въ предполагаемыхъ обстоятель-

[1]) Тамъ же, т. XI, гл. II, стр. 109, 116, 117.
[2]) Тамъ же, т. XI, гл. II, стр. 197.

ствахъ—вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя" [1]).

Такимъ образомъ не какая-нибудь, *борьба* не *пестрота* общества, не *столкновеніе* внутреннихъ интересовъ суть сущность драмы, а судьба *человѣческая, государственныя мысли* историка, *истина* страстей человѣческихъ и *правдоподобіе* чувствованій. Поэтому прямо говоримъ, что Борисъ Годуновъ Пушкина—*трагедія*, въ полномъ смыслѣ этого слова [2]), какъ и сказалъ рѣшительно критикъ Отеч. Зап. еще въ 1840 [3]). Самъ Пушкинъ назвалъ своего Бориса *трагедіею*. Въ своихъ „Запискахъ" онъ пишетъ: „вѣроятно *трагедія* моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главныя

---

[1]) Сочин. А. С. Пушкина. (Его прозаическія статьи). Мерзляковъ не очень глубоко понималъ условія для драматическаго *пѣснопѣвца;* вотъ его слова: «*Занимательность* содержанія, *новость*, сила, *величіе* характеровъ, выдержанныхъ отъ начала до конца, языкъ соотвѣтствующій каждому мгновенію страстей, *борющихся* между собою, *поразительныя* положенія и *слогъ вообще: вотъ условія* драматическаго *Пѣснопѣвца*». Немного ниже онъ говоритъ: «Монологъ драмы... всегда имѣетъ *ходъ блуждающій, пренебрегаетъ* всѣми *связями* въ мысляхъ и чувствахъ... Чѣмъ въ большемъ *безпорядкѣ* и *противоборствіи* изливаются чувства, тѣмъ *монологъ* натуральнѣе». Труды Общества Любит. Рос. Словесности. М. 1820. Часть 17, стр. 91, 101, 102. (Разсужденіе о драмѣ вообще). Умно изложилъ сущность драмы А. Д. Галаховъ въ статьѣ объ Яковѣ Борисовичѣ Княжнинѣ. Отеч. Зап. 1850, № 4, критика, стр. 41—53. Отличіе трагедіи отъ эпоса прекрасно показалъ Ѳ. И. Буслаевъ въ статьѣ объ эпической поэзіи. Отеч. Зап. 1851, № 8, отд. II, стр. 59.... 61. Историческіе очерки Русской Народной Словесности и Искусства. Спб. 1861, т. I. стр. 60 и др.

[2]) Мы признаемъ *трагедію* какъ видъ драматической поэзія, а сія есть *соединеніе* лирики и эпоса. Это разграничено основательно въ Отеч. Зап. 1840, т. VIII, критика, стр. 13, 14 и др. Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1890, ч. XII, стр. 274 и др. Цѣль трагедіи и комедіи указана какъ здѣсь, такъ, но только яснѣе, и въ Извѣстіяхъ Втор. Отд. Императорской Академіи Наукъ, т. I, стр. 279, И. И. Давыдовымъ.

[3]) От. Зап. 1840, т. VIII, крит., стр. 28. Сочин. В. Бѣлинскаго. М. 1890, ч. XII, стр. 305.

сцены уже напечатаны, или искажены въ подражаніяхъ" [1]). Думаемъ, что здѣсь говоритъ Пушкинъ о Борисѣ Годуновѣ. Борисъ Годуновъ, повторяемъ, *трагедія.* Здѣсь есть *дѣйствіе*, въ которомъ высказываютъ свою душу всѣ лица трагедіи. На двадцати двухъ картинахъ поэтъ выставилъ мысль свою и заставилъ жить ее; тридцать лицъ дѣйствуютъ, дабы выполнить *государственную* мысль поэта; кромѣ этихъ тридцати— бояре, стольники, бѣглецы, плѣнники, пристава, польскія панны, Ляхи, воины, старуха, подавшая юродивому копеечку, стража — всѣ они входятъ въ дѣйствіе и всѣ устремлены къ одной цѣли, къ одной точкѣ. Разговоръ Шуйскаго съ Воротынскимъ — не одинъ разговоръ, а одно цѣльное дѣйствіе. Въ нѣсколько минутъ они высказались, обнажились, такъ сказать, душею своею, и мы ее *увидѣли*.... Разговоръ они начали съ изображенія Московской тревоги, по причинѣ непреклонности Бориса на царство, взялись за недавнее дѣло—убіеніе Димитрія. Этотъ образъ мученика яркимъ лучемъ ударилъ на ихъ мысль, ихъ душу и—они узнали, кто̀ такой Шуйскій, Воротынскій?!

....Легко сказать, природные князья,
Природные, и Рюриковой крови.

Значитъ они должны быть царями Московскими, а не Борисъ. Потому: „давай народъ *искусно* волновать", говоритъ Шуйскій. Видимъ, что Шуйскій и Воротынскій дѣйствовали, ихъ разговоръ—не простой, обыденный разговоръ двухъ пріятелей, а разговоръ, уяснившій, кто̀ они, очертившій двухъ бояръ. И сами они поняли другъ друга. Въ третьей картинѣ видимъ, что Воротынскій уже называетъ Шуйскаго, вспоминая о бывшемъ разговорѣ, *лукавымъ* царедворцемъ.

А Борисъ? Его первыя слова—суть дѣйствіе:

Пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ,

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. (Прозаическія статьи).

говоритъ онъ. Явно, что были и есть причины такого страха и смиренья. Причины указаны Шуйскимъ въ первой картинѣ. Причины эти: убіеніе Царевича; смиреніе происходитъ отъ тяжести царской обязанности Бориса:

Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ—
Наслѣдую и Ангелу-Царю.

Въ шестой картинѣ онъ выводится въ другой разъ и—не напрасно поэтъ размѣстилъ такъ картины. Въ этотъ промежутокъ многое перемѣнилось. Борисъ успѣлъ уже и къ колдунамъ навѣдаться, дабы узнать судьбу свою. Нужно было дойти Борису до такого убѣжденія, до такого разочарованія въ жизни Царю, чтобы запереться съ кудесникомъ и отъ него вымаливать, усидитъ ли *Царь* на престолѣ. Предъ такимъ крайнимъ дѣйствіемъ Годуновъ долженъ былъ много передумать, много перечувствовать: онъ уже шестой годъ царствуетъ, а счастья нѣтъ душѣ его. Вотъ онъ слышитъ о грозномъ своемъ супостатѣ и—*самъ не свой*, онъ грозитъ казнію Шуйскому, отъ которой самъ Иванъ отъ *ужаса во гробѣ содрогнется* и — тяжело Борису; ибо тяжела шапка Мономаха. Патріархъ напоминаетъ о мощахъ Святаго Димитрія, а Годуновъ *блѣднѣетъ*.... Что *все* это, какъ не дѣйствіе?!... Видѣнъ человѣкъ съ совѣстію укоризненною, онъ весь высказался: значитъ онъ дѣйствовалъ.

Нечего говорить о Григоріи. Онъ даже не можетъ спать спокойно; мысль имъ любимая трижды безпокоитъ его „проклятымъ сномъ“ и онъ три раза пробуждается со страхомъ. Великая, психологически-вѣрная черта, подмѣченная поэтомъ! Въ головѣ Григорія уже прежде состоялась мысль, *кто* онъ долженъ быть; но онъ не хочетъ дать знать объ этомъ прямо, а вотъ избираетъ сонъ для этого. Уже подобное *дѣйствіе* безъ всякаго сомнѣнія есть *дѣйствіе*. Старику Пимену Григорій-братъ ничего, кажется, особеннаго не высказалъ, а между тѣмъ въ слѣдующей же картинѣ игуменъ доноситъ

патріарху, что Григорій убѣжалъ съ мыслію *быть Царемъ* на Москвѣ, тотъ самый Григорій, который, сдавалось, еще не зналъ о смерти Димитрія Царевича и справлялся у Пимена:

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія Царевича....

Видимъ, что все дѣйствіе здѣсь совершается въ душѣ Григорія; прежде, нежели онъ скажетъ слово, оно у него прошло чрезъ многое множество думъ, перегорѣло въ огнѣ его отважной головы. Сдѣлавшись Самозванцемъ, онъ дѣйствуетъ на славу, не робѣя. Въ непродолжительное время онъ успѣлъ уже разбить войско Годунова и самъ—быть разбиту.

Не останавливаясь на немъ, беремъ послѣднюю картину. Тутъ довершаются послѣдпія бѣды, которыя падали на Годунова. Убиты его сынъ и жена. Все, казалось бы, должно кончиться; дѣйствіе должно бы изсякнуть. Но поэтъ сдѣлалъ больше; онъ заставилъ *оцѣпенѣть* дѣйствіе; остановилъ *его*, какъ творецъ-живописецъ, на картинѣ: „*народъ безмолвствуетъ*", сказалъ поэтъ. Народъ значитъ ждетъ *еще* чего-то; будто не все кончилось, думаетъ онъ, и пойдетъ опять великая драма. „Такъ совершилась, повторяемъ слова безсмертнаго историка, казнь Божія надъ убійцею Димитрія истиннаго, и началась *новая* надъ Россіею подъ скиптромъ ложнаго" [1]). Не этой ли новой казни и ждетъ безмолвствующій народъ, по понятію поэта? Какъ бы то ни было, но народъ смотритъ и готовъ смотрѣть дальше. Онъ *безмолвно* стоитъ, будто теперь только и началъ думу думать, что̀ все это значило? Къ чему все это? Значитъ прежде совершилось что-то необыкновенное,—что-то такое, чего народъ не понималъ; слѣдовательно не просто разговоръ прежде былъ (слово—*вѣтеръ*,

[1]) Такими словами заключаетъ Карамзинъ описаніе царствованія Өеодора Борисовича. Исторія Госуд. Россійскаго. Т. XI, гл. III (окончаніе).

по представленію народному), а *дѣлалось* что-то и *дѣлалось* въ необычайныхъ размѣрахъ.

Такъ безостановочно въ Годуновѣ идетъ и расширяется дѣйствіе; когда же ему негдѣ разойтись, оно еще движется и цѣпенѣетъ въ безмолвствующемъ народѣ. Потому-то это безмолвіе такую *глубокую* черту имѣетъ въ себѣ; только геніальный поэтъ можетъ закончить такъ трудъ свой—представленіе *государственной мысли* въ дѣйствіи [1]).

Нападать за это на Пушкина, почитать необходимымъ *продолжить* ходъ дѣйствія, для того, будто бы, дабы показать, *что* сдѣлалось съ народомъ [2]), значитъ не понимать главной мысли Годунова Пушкина. Пушкинъ хотѣлъ изобразить бѣды не *народа*, а бѣды *Бориса.*

Н. А. Полевой нападаетъ на Пушкина за то, что отъ третьей картины до четвертой пять лѣтъ *пролетѣло безъ дѣйствія* [3]). Мы думаемъ, что это оцѣпенѣніе дѣйствія очень много поясняетъ задуманную мысль поэта. Въ эти пять лѣтъ (первыя три картины происходили, какъ означилъ Пушкинъ, въ 1598 г., а четвертая происходитъ въ 1603 г.) созрѣвалъ *грозный* супостатъ, который вздумалъ *сорвать порфиру* съ Годунова.

Еще Полевой находитъ, что „нѣтъ единства ни въ дѣйствіи, ни въ развитіи частей, ни въ проявленіи характеровъ.... все совершается за глазами зрителя и читателей; едва дѣй-

---

[1]) У насъ только два и есть подобныхъ явленія въ Словесности: *Годуновъ* Пушкина и *Ревизоръ* Гоголя. У Гоголя, по полученіи вѣсти объ истинномъ ревизорѣ, дѣйствующія лица оцѣпенѣваютъ; для нихъ, по выраженію Гоголя, наступаетъ, онѣмѣвшая, окаменѣвшая сцена. Соч. Н. В. Гоголя. (Отрывокъ изъ письма послѣ представленія «Ревизора»). У Пушкина находитъ безмолвіе на безумно-дѣйствующій народъ. И тамъ и тутъ ждутъ еще чего-то *неразумные* люди. Такая картина обоихъ поэтовъ довершаетъ всецѣло главное впечатлѣніе.

[2]) Камашевъ въ Сынѣ Отеч. 1831, часть 145, стр. 114.

[3]) Московскій Телегр. 1833, часть 49, стр. 313. Очерки Литер., 1839, ч. I, стр. 197.

ствіе хочетъ развернуться, едва дѣйствующіе знакомятся съ нами, какъ все опять исчезаетъ, и мы не знаемъ ни дѣйствія, ни лицъ, пока они не придутъ вновь и не разскажутъ намъ, что сдѣлалось, пока они скрывались отъ насъ за кулисами“ [1]). Послѣдняя мысль Полеваго вѣрна. Поэтъ мало говоритъ о внѣшнихъ дѣйствіяхъ дѣйствующихъ лицъ своихъ; дѣйствія другаго лица разсказываются третьимъ, а этого третьяго—четвертымъ. Онъ перомъ своимъ *переходитъ,* какъ выразился академикъ П. А. Плетневъ о творчествѣ Жуковскаго, *по тайнымъ обителямъ* души человѣковъ, выведенныхъ здѣсь. Борьба души каждаго дѣйствующаго лица только слѣдствіями высказывается въ ихъ словахъ; они задолго предъ тѣмъ все подѣлали и все повершили. Возьмемъ хоть лице одного Бориса. Мы еще ничего не знаемъ о немъ, а ужъ Шуйскій говоритъ намъ о Годуновѣ, какъ о хитрецѣ—

„Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина
И наконецъ по милости своей
Вѣнецъ принять смиренно согласится“.

Борисъ еще не выходитъ изъ опочивальни, а о немъ стольники говорятъ, что онъ заперся тамъ съ колдуномъ и все ворожитъ, что красная дѣвица. Вышелъ самъ Годуновъ и ясно сказалъ, что счастья нѣтъ его душѣ.... Борисъ слушалъ патріарха, его совѣтъ онъ слушалъ: читатель не видитъ изъ словъ Годунова, что̀ въ его душѣ, а одинъ бояринъ открываетъ, съ какою душею Борисъ слушалъ патріарха.

„Замѣтилъ ты, какъ Государь блѣднѣлъ
И крупный потъ съ лица его закапалъ“.

Такъ видимъ, что дѣйствія одного разсказываются другимъ или сами они разсказываютъ о своемъ дѣйствіи; но значитъ ли это, что въ трагедіи Пушкина *все* совершается за

[1]) Москов. Телеграфъ. 1833, ч. 49, стр. 315. Очерки Рус. Литературы. 1839, ч. I, стр. 199.

глазами зрителя и *читателей*, какъ думалъ Полевой? И можно ли обращать творцу въ упрекъ особый пріемъ его въ искусствѣ? Художникъ воленъ поступить со своимъ созданіемъ, какъ скудельникъ съ бреніемъ. Пусть только оконченнымъ и совершеннымъ дастъ намъ твореніе мысли своей, рукъ и всѣхъ силъ души.

Дѣйствіе въ трагедіи Пушкина только вниманіе двухъ критиковъ обратило на себя: критика Отеч. Зап. и Н. А. Полеваго.

Послѣдній исходъ дѣйствія, гдѣ „народъ безмолвствуетъ“, вызвали умное замѣчаніе и еще одного критика. „Въ этомъ „народъ безмолвствуетъ“, говоритъ онъ, таится глубокая политическая и нравственная мысль.... онъ безмолвствуетъ отъ ужаса, отъ сознанія зла, которому прежде безсознательно содѣйствовалъ; *безмолвствуетъ* потому, что голосъ его заглушается внутреннимъ голосомъ преступившейся совѣсти“ [1])

3) Какія же лица дѣйствуютъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ и съ какими свойствами они представлены?

Есть самыя рѣзкія мнѣнія, самые не утѣшительные отзывы о характерѣ лицъ этой трагедіи; есть также — и довольно дѣльныя замѣчанія. „Укажите мнѣ, спрашиваетъ Ѳаддей Булгаринъ у Николая Алексѣевича Полеваго (по выходѣ его Очерковъ Русской Литературы 1839 г.), какой характеръ создалъ Пушкинъ? Уже ли вы поставите мнѣ въ примѣръ Нулина, Кавказскаго Плѣнника, Мазепу, *Годунова, Самозванца?* Это или тѣни, или портреты безъ тѣней?... Ради Бога укажите мнѣ *характеры*, высокія идеи и чувства и пр.... [2]).

---

[1]) Галатея, журналъ 1839, ч. 4, стр. 54.

[2]) Сѣверная Пчела 1840, стр. 259. Еще въ 1830 году отзывы Сѣверной Пчелы о Литературѣ считались критиками не *ся дѣломъ*. «Для Литературы у Сѣв. Пчелы, говорилъ обозрѣватель Русской Словесности 1830, есть только *жало*, и вся ея полемика носитъ на себѣ признакъ какого-то болѣзненнаго воспалительнаго метанія». Денница, альманахъ на 1831 г. М. Максимовича, стр. LXIV. Издатель Сѣв. Меркурія на 1831 г. напа-

В. Плаксинъ пишетъ: „Борисъ совсѣмъ не имѣетъ характера,—не встрѣтите ни одного движенія воли его, кромѣ возвышенія Басманова.... Второстепенныя лица совершенно не дѣйствуютъ; ни одно изъ нихъ не имѣетъ собственныхъ желаній, или идеи, такъ сказать движущей и привязывающей его къ общему дѣйствію“ [1]).

Олинъ сказалъ: „Характеры въ трагедіи Пушкина вообще слабы и едва обрисованы.... Борисъ вялъ, безцвѣтенъ, однимъ словомъ—это не Годуновъ“ [2]).

Никодимъ Аристарховичъ Надоумко [3]) вотъ что говоритъ: „я не говорю, чтобы Пушкинъ угадалъ истинную тайну души Бориса и надлежащимъ образомъ понялъ всю чудесную игру страстей ея.... На его глаза душа Бориса была не что иное, какъ *отшельническая* пустыня виновной совѣсти, борющейся съ призраками преступленія, кои всюду ее преслѣдуютъ: и съ этой точки зрѣнія, коей вѣрности я совсѣмъ защищать не намѣренъ, лице Годунова, если не совершенно опредѣлено, то рѣзко очеркнуто въ сценахъ Пушкина.... Должно сознаться, что Борисъ Годуновъ никогда не являлся въ столь вѣрномъ и яркомъ очеркѣ. Посмотри на мелкія черты, про-

---

дая на нѣкоторыя мысли этого обозрѣвателя, напр. на стр. 96 Сѣв. Мерк., на стр. 195 своего же Мерк., называетъ *жужжаніемъ* отзывы Сѣв. Пчелы. Нѣмецкій критикъ Генрихъ *Кёнигъ* въ Litterarische Bilder aus Russland (Литературные очерки Россіи), переведенныхъ на *Богемскій* языкъ (см. письмо Іос. Бодянскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1838, Іюль), на *Голландскій* (Соврем. 1839, № 1), на *Французскій* въ Берлинѣ (Отеч. Зап. 1839, т. III, стр. 9), — причислилъ произведенія редактора Литературной части «Сѣв. Пчелѣ» къ *недостаткамъ* Русской Словесности. Отеч Зап. 1839, т. III, исторія одной книги, стр. 30.

[1]) Сынъ Отеч. 1831, ч 142, стр. 284.

[2]) Колокольчикъ, литерат. газета на 1831, стр. 23.

[3]) Такъ онъ названъ въ Вѣстн. Европы 1830, ч. 4, гдѣ помѣщено письмо П. С. Правдивина къ Н. А. Надоумко о «второмъ томѣ Исторіи Русскаго народа». Замѣчанія самого г. Надоумко на этотъ 2 томъ Исторіи названы *О. М. Сомовымъ* основательными и даже остроумными. «Обозрѣніе Росс. Словесности за 1830 годъ» Сомова. Сѣв. Цвѣты 1831, стр. 25.

ситъ Надоумко, онѣ иногда одною блесткою освѣщаютъ цѣлыя ущелія души его. Не обнажаетъ ли передъ тобою всю прелесть простосердечнаго ума—этотъ вопросъ:

„А это что такое
Узоромъ здѣсь віется?“ [1]).

„Въ Борисѣ Годуновѣ, замѣтилъ Тлѣнскій [2]), нѣтъ ни одного оригинальнаго созданія. Борисъ и Шуйскій переложены только въ стихи изъ пѣвучей прозы Исторіи Государства Россійскаго“ [3]).

И. Камашевъ замѣчаетъ, что въ Борисѣ нѣтъ ни одного глубокаго характера, тогда какъ дѣйствующія лица превосходно выполняютъ свои роли [4]).

Н. А. Полевой пишетъ: „Борисъ лицо намъ не знакомое, съ робкой совѣстію, съ унылою грустью (?!), съ терзаніемъ души, является вдругъ (?), мимоходомъ, на минуту, принять вѣнецъ.... Борисъ груститъ, какъ неопытный юноша.... Едва успѣлъ ему Шуйскій напомнить о Царевичѣ, Борисъ бѣжитъ со сцены.... Патріархъ напоминаетъ о смерти Царевича, и Борисъ *потѣетъ*.... Вдругъ (?) видимъ мы его выходящаго изъ Собора, гдѣ прокляли Самозванца.... Но вотъ *послѣдняя* сцена: только разговорился Борисъ...., какъ спѣшитъ за ку-

---

[1]) Телеск. 1831, часть I, стр. 56.

[2]) Тлѣнскій — пресловутое лице того времени, для насъ непонятное. Онъ приходитъ къ критикамъ бесѣдовать о сочиненіяхъ Пушкина. Такъ еще въ 1830 г. онъ приходилъ къ г. *Я* (т. е. Михаилу Каченовскому), принесъ Сѣв. Пчелу 1830, № 35, прочелъ слѣдующій отзывъ о VII главѣ Евгенія Онѣгина: «ни одной мысли въ этой водянистой VII главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія»...., — прочелъ и спрашивалъ, какъ думаетъ *Я* объ этомъ отзывѣ и о самой VII главѣ Евгенія Онѣгина? Вѣстн. Евр. 1830, часть 2. Въ 1831 г. этотъ же Тлѣнскій, на балу у князя Любославскаго, завелъ толкъ о Борисѣ Годуновѣ. Телеск. 1831, часть I, стр. 546—574.

[3]) Тамъ же, стр. 572.

[4]) Сынъ Отеч. 1831, ч. 145, стр. 171.

лисы [1]), и оттуда выносятъ его проговорить 65 стиховъ политическаго завѣщанія сыну.... Таковъ ли долженъ быть страшный преступникъ, въ которомъ заключается сущность цѣлой драмы?“ [2]).

Въ Литературной Газетѣ, издаваемой другомъ Пушкина, бар. Дельвигомъ, сказано: „Подобно солнцу, управляющему цѣлою системою планетъ, Борисъ Годуновъ до послѣдняго издыханія умомъ своимъ все держитъ.... Характеръ его не только выдержанъ поэтомъ, но еще, какъ будто помощію увеличительнаго стекла, придвинутъ къ намъ“ [3]).

Какъ рѣзкая противоположность является такой взглядъ на Годунова: „лице Годунова, получившее характеръ мелодраматическаго злодѣя, мучимаго совѣстію, лишилось своей цѣлости и полноты“ [4]).

Какой же характеръ Бориса Годунова и выдержанъ ли онъ?

---

[1]) У Пушкина не сказано, что Борисъ спѣшитъ за *кулисы*. *Кулисъ* въ трагедіи нѣтъ. Мѣсто дѣйствія трагедіи Пушкина не подмостки театра, а *безконечная* Россія; *занавѣсъ* у Пушкина ни подымается, ни закрывается, перемѣны *декорацій* нѣтъ, а есть Палаты Царскія, Ставка, Лобное мѣсто, Кремль и пр.?!. Тутъ у мѣста будутъ «мысли Карамзина о Шекспирѣ»: «что Шекспиръ не держался правилъ *театральныхъ*, правда. Истинною причиною сему, думаю, было пылкое его воображеніе, не могшее покориться никакимъ *предписаніямъ*. Духъ его парилъ, яко орелъ, и не могъ паренія своего измѣрять тою мѣрою, которою измѣряютъ полетъ свой *воробьи*». Юлій Цезарь, трагедія, сочиненіе Вилліама Шекспира. Москва. 1787.

[2]) Московскій Телегр. 1833, часть 49, стр. 313. Очерки Рус. Литер. 1839, ч. I, стр. 196—197.

[3]) Литерат. Газета 1831, стр. 16. Жаль, что критикъ «Бориса Годунова» въ Галатеѣ 1839, ч. 4 не далъ отзыва о *цѣломъ* Годуновѣ, какъ отдѣльномъ лицѣ цѣлой трагедіи. Онъ только отмѣчалъ, гдѣ прекрасно высказался Годуновъ, гдѣ *вся душа* его *излита*. Впрочемъ и *этого* довольно....

[4]) Отеч. Зап. 1845, т. 43 кр. стр. 16. См. отзывъ Надоумко (выше).

а) *Борисъ Годуновъ* — лице хитрое [1]); Борисъ — лице съ Русскимъ, царскимъ сердцемъ [2]); онъ высокъ, когда чувство отца превозмогаетъ всѣ другія движенія сердца его [3]). Поэтому справедливо замѣтилъ одинъ критикъ, что „лице Годунова сдѣлалось *статуею*, которая вырублена не изъ одного *цѣльнаго мрамора*, а сложена изъ *золота, серебра*“ [4]), — только не справедливо онъ назвалъ лице Годунова *статуею;* потому что Борисъ живое лице; но эта жизнь, какъ того желалъ поэтъ, и какою она должна быть, поставлена въ *тѣни*. Всѣ добрыя движенія души Царя, ея мраморъ и серебро въ духовномъ смыслѣ, пропадаютъ, какъ капля въ морѣ, въ бѣдахъ, которыя то и дѣло постигаютъ Царя за единое пятно въ его совѣсти [5]). Онъ страдаетъ даже отъ того, что есть въ немъ много святаго и достославнаго [6]). Тѣнь убитаго Царевича постоянно тревожитъ его. И—вотъ въ чемъ единство его характера, вотъ въ чемъ цѣлость и полнота души Годунова. И отчего же поэтъ не могъ взять этого состоянія души Царя для своего творческаго генія? Отчего упрекаютъ поэта за невѣрность его мысли? Пусть творитъ, какъ хочетъ и изъ чего

---

[1]) Борисъ Годуновъ въ соч. А. С. Пушкина (карт. первая).

«Когда Борисъ *хитрить* не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать».

Въ ссылкахъ мы только будемъ указывать картины, гдѣ есть доказательства на наше очертаніе лица Годунова; выписывать же самые стихи не будемъ: это заведетъ далеко.

[2]) Годун., карт. 3-я.

[3]) Годун., карт. 9-я.

[4]) Отеч. Зап. 1845, т. 43, стр. 16. Въ Отеч. Зап. 1840 г., т. VIII, крит. стр. 56 употреблена почти та же метафора при оцѣнкѣ «Горя отъ Ума». Тутъ сказано: «Горе отъ Ума», въ его цѣломъ, есть какое-то уродливое зданіе, ничтожное по своему назначенію, какъ напр., сарай, но зданіе, построенное изъ драгоцѣннаго паросскаго *мрамора*, съ *золотыми* украшеніями, дивною рѣзьбою, изящными колоннами....» Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1859, ч. III, стр. 433.

[5]) Годун., карт. 6-я.

[6]) Та же картина.

хочетъ, но только пусть творитъ сообразно законамъ разума, чувства и всѣхъ требованій души разумнаго человѣка.

Первое, чѣмъ высказываетъ свою душу Борисъ Годуновъ, есть хитрость его. Онъ домогался престола Московскаго; *достигъ,* но что же? Онъ сознается, что пріемлетъ власть великую со страхомъ и смиреньемъ. Теперь предъ нимъ выборные люди, бояре, вся Москва и владыка Патріархъ, всѣ *плачутъ* [1]), по выраженію поэта, всѣ въ одинъ голосъ зовутъ его на престолъ.

„Будь нашъ отецъ, нашъ Царь“,

а онъ, *перешагнувшій* на пути къ желанному престолу чрезъ *кровь* Димитрія Царевича, *упрямится* теперь, когда—

....вся Москва
Сперлася здѣсь.... Ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ [2]).

Борисъ медлитъ, ибо видитъ, какъ тяжела обязанность царская. Но не отъ этого онъ медлитъ, а оттого, что онъ хотѣлъ, говоря словами Карамзина, всю Россію видѣть у ногъ своихъ, молящую его взойти на престолъ праздный въ Москвѣ [3]). И хитрость эту Шуйскій указалъ Воротынскому. Такимъ образомъ *хитрость* Бориса видна, она даетъ себя осязать мысли читателя.

Отъ этой темной стороны поэтъ переходитъ къ изображенію свѣтлой въ душѣ Бориса. Годуновъ является съ душею *Русскаго, Благовѣрнаго* Царя. Онъ пріялъ власть царскую и вотъ чѣмъ думаетъ ознаменовать первыя минуты въ этой новой жизни:

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, добавочная картина.

[2]) Тамъ же. Эта картина превосходно рисуетъ намъ то волненіе въ народѣ Московскомъ, которое было при избраніи Бориса на престолъ.

[3]) Ист. Госуд. Рос. Т. X, гл. III, стр. 250, третіе изданіе.

„Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ—сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе“.

Смотря на такую доблестную черту Бориса, видишь въ немъ вполнѣ Русскаго, знакомаго намъ Царя-Батюшку. Какъ Царь-отецъ, онъ готовъ принять всѣхъ дѣтей-подданныхъ въ свое царское жилище, за однимъ столомъ онъ хочетъ видѣть своихъ чадъ Русскихъ, власть надъ которыми ему далъ Богъ. Борисъ, говоримъ вопреки Полевому, лице намъ знакомое. Извѣстна изъ исторіи его щедрость, по которой онъ хотѣлъ отдать подданнымъ и послѣднюю свою рубашку [1]).

Такъ царски-велико принялъ Борисъ шапку Мономаха! Проходитъ шесть лѣтъ, и мы видимъ Царя, разочаровавшагося въ жизни. Гнетомый бѣдами, онъ хотѣлъ узнать свое будущее и заперся съ кудесникомъ. Ничто не радуетъ Царя; напрасно онъ щедротами хотѣлъ сыскать любовь народа, дѣлилъ съ нимъ его печали, отворялъ житницы во время голода, выстроилъ имъ новыя жилища послѣ пожара. Слѣдя за своими дѣлами, какъ отецъ, онъ и тутъ находитъ себя несчастнымъ. Умеръ женихъ его дочери, — виноватымъ считаютъ его, несчастнаго отца; онъ ускорилъ Ѳеодора кончину, онъ уморилъ свою сестру-Царицу. Послѣ этого Борисъ съ отчаяніемъ произноситъ свое изступленіе: *„все я“*... Взглянулъ Царь въ совѣсть свою.... она отвѣтила, что̀ въ ней.... Царь понялъ голосъ совѣсти — *этого полубога въ груди нашей*, по выраженію одного нашего писателя [2]),—Годуновъ понялъ ея отвѣтъ и самъ признался, что „жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста“. Совѣсть, этотъ, по выраженію разбираемаго нами поэта,

---

[1]) Критикъ одинъ пожалѣлъ, что Пушкинъ именно эти послѣднія слова выпустилъ въ этомъ мѣстѣ. Галатея, 1839, часть 4, стр. 49.

[2]) Михаила Никитича Муравьева. Часть 2, изд. Смирдина, стр. 179.

„Когтистый звѣрь, скребящій сердце, совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ *высылаютъ*....“ [1]).

Эта совѣсть сгубила Бориса. Она *выслала* изъ могилы тѣнь убитаго Царевича и для Царя Бориса теперь

„Все тошнитъ, и голова кружится
И мальчики кровавые въ глазахъ [2]).

Мрачная совѣсть закрываетъ предъ нами всѣ добрыя качества души Бориса; въ ней завязка всего произведенія поэта; въ ней единятся всѣ черты характера Бориса. Еще Борисъ явится съ добрыми свойствами, но уже нельзя отстать отъ впечатлѣнія, произведеннаго недужною его совѣстію. Теперь начинается борьба Годунова со своею совѣстію и съ приключившимися за нее бѣдами.

Показавъ нисколько не отрадную сторону души Бориса, поэтъ знакомитъ насъ опять со свѣтлою стороною этой души. Отлегаетъ на сердцѣ, когда слушаешь бесѣду Бориса со своими дѣтьми. Онъ дочь утѣшаетъ, плачущую по прекрасномъ женихѣ; совѣтуетъ сыну учиться и хвалитъ сладкій „плодъ ученья“ [3]). Эта бесѣда—образецъ простой, задушевной, семейной бесѣды отца съ дѣтьми; Русскій отецъ такъ бы выразился, какъ выразился Борисъ въ своихъ царскихъ палатахъ, глядя на плачущую Ксенію и на сына, занимающагося *грамотой*. Прекрасно замѣтилъ одинъ критикъ, что здѣсь Борисъ является во всемъ свѣтѣ лучшихъ своихъ качествъ [4]). Впрочемъ это не надолго. Въ утѣшеніи, которое онъ даетъ

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, «Скупой Рыцарь».
[2]) Годун., картина 6-я.
[3]) Годун., карт. 9-я.
[4]) Отеч. Зап. 1845, т. 43, критика, стр. 20. Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1860, ч. VIII, стр. 643.

тоскующей дочери [1]), есть уже зародышъ скорби для Бориса: онъ себя винитъ въ злопечали дочери; ибо судьба ему не судила быть виновникомъ дочерняго блаженства. Въ вѣсти, которую онъ здѣсь же получаетъ отъ Семена Годунова и Шуйскаго, Годуновъ нашелъ тревогу. Предположеніе Шуйскаго объ имѣющемъ возстать народѣ въ слѣдъ за воскреснувшимъ Димитріемъ [2]) отчаяваетъ Царя; онъ запинается въ рѣчи своей; онъ не знаетъ, за какую мысль ухватиться [3]), велитъ удалиться Царевичу, велитъ взять мѣры и оградить Россію отъ Литвы заставами; смѣется, какъ мертвые могутъ

„Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ Патріархомъ" [4]),

заставляетъ Шуйскаго смѣяться этой *затѣйливой вѣсти* и опять высказываетъ первую черту своего характера—хитрость, когда, будто бы, не знаетъ о смерти Царевича Димитрія [5]). Но эта хитрость напрасна; Шуйскій убѣждаетъ Царя въ дѣйствительности *сна Димитрія во гробѣ* („Димитрій во гробѣ спитъ"). Тогда Царь удаляетъ отъ себя Шуйскаго; яснѣе солнца видитъ, зачѣмъ ему тридцать лѣтъ сряду „все снилося убитое дитя" и—тяжкій вздохъ „тяжела ты, шапка Мономаха" исторгается изъ груди Годунова.....

---

[1]) Годун., карт. 9-я.
[2]) Годун., та же картина.
[3]) Годун., та же картина.
[4]) Годун., та же картина.
[5]) Годун., карт. 9-я.

«Послушай, Князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего....
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни....»

Тутъ хитрость и незнаніе мнимое Бориса напоминаетъ то же незнаніе хитрое Григорія:

«Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія Царевича....», картина 4-я.

Такимъ образомъ бесѣда Бориса съ дѣтьми своими хотя успокоительна на первый разъ, но не успокоительна по окончанію своему. Какъ *отецъ*, онъ было забылъ свою *царскую* душу, когда пришелъ къ своей родимой семьѣ, къ родимой дочери и родимому сыну: но вошедшіе бояре своими вѣстями пробудили въ Годуновѣ душу Царя, а душа Бориса, какъ Царя, не завидна; потому что она незаконно сдѣлалась царскою. Значитъ намъ опять является главная черта характера Бориса—*страданіе совѣсти*.

То же мученіе совѣсти пробудилъ и патріархъ, богомолецъ Борисовъ, святый отецъ, когда указалъ на средство:— „обнаружить обманъ безбожнаго злодѣя“ перенесеніемъ святыхъ мощей Димитрія въ Кремль [1]). Борисъ выслушалъ; было молчаніе въ думѣ послѣ этого, а бояре видѣли, какъ Государь блѣднѣлъ, и крупный потъ съ лица его закапалъ“ [2]).

Въ Соборѣ, какъ того хотѣлъ патріархъ, проклинали Гришку Отрепьева. Но истина, какъ золото, горѣла и освѣщала народу, что напрасно клянутъ Отрепьева: Царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева, говорилъ народъ, когда еще Царь не выходилъ изъ Церкви [3]). Идетъ Царь, а юродивый предъ всѣми называетъ его убійцею Димитрія, Иродомъ-Царемъ [4]). Обличеніе отъ юродиваго Годуновъ принимаетъ равнодушно. Прежде *образъ* Царевича убитаго крушилъ всѣ силы его души, крушилъ до того, что вся кровь его бросалась въ лице [5]); теперь Лжедимитрій уже побѣдилъ его войска близъ Новгорода-Сѣверскаго; Борисъ долженъ бы еще болѣе убиваться духомъ и себя во мнѣніи народа оправдать: ибо народъ спасаетъ Царя, а Царь спасаетъ народъ: но Годуновъ оскорбилъ чувствованіе народа, его завѣтное сокровище однажды навсегда сгубилъ;

---

[1]) Годун., карт. 14-я, стр. 338.
[2]) Годун., та же карт., стр. 339.
[3]) Годун., карт. 16-я, стр. 344.
[4]) Годун., карт. 6-я, стр. 346—7.
[5]) Годун., карт. 9-я, стр. 310.

наслѣдника престола убилъ и—вотъ народъ пошелъ на незаконнаго Царя. Обличеніе юродиваго было голосомъ всего Русскаго народа; это былъ горькій плачъ всей Руси. Юродивый, по смыслу Русскаго, давняго и нынѣшняго человѣка, есть что-то выше человѣческаго; будто не земной житель онъ между людьми; потому вѣритъ ему добродушная, Русская душа и боится его предвѣщаній. Поэтому если какое обличеніе могло быть больно, могло быть чувствительно для Бориса, такъ это—обличеніе отъ юродиваго. Здѣсь поэтъ явился Шекспиромъ Русскимъ; представилъ блещущій образъ творчества Русской фантазіи [1]).

Такимъ образомъ преступленіе Царя, легшее на его совѣсть, понялъ уже народъ... Поэтъ еще разъ поставляетъ насъ предъ тягостнымъ образомъ души Бориса. Годуновъ, среди пріема пословъ,

„На тронѣ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей“ [2]).

Послѣ того, какъ онъ далъ наставленіе сыну, ударилъ послѣдній для Царя часъ въ этой жизни—

Ударилъ часъ! Въ монахи Царь идетъ:
И темный гробъ моею будетъ кельей... [3])

Въ послѣднія минуты своей земной жизни Царь хочетъ со всѣми помириться, дабы съ миромъ и въ мирѣ отойти къ Источнику мира—Правосудному Богу—

„Я доволенъ.
Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя и тайныя обиды....
Святый отецъ, приближься, я готовъ“ [4]).

Это—послѣднія слова Годунова.

[1]) Въ 1831 г. Камашевъ сказалъ, разбирая Годунова, что Пушкинъ является скользящимъ и поверхностнымъ тамъ, гдѣ идетъ дѣло о творческой фантазіи. Сынъ Отеч. 1831, час. 145, стр. 115.

[2]) Годун., карт. 19-я, стр. 359.

[3]) Годун., та же карт., стр. 362.

[4]) Годун., та же карт., стр. 363.

Такимъ образомъ образъ Годунова ярко выставленъ намъ: его добрая и свѣтлая сторона, — его мрачная и безотрадная сторона. Онъ хитръ, онъ Царски, по Русскому обычаю, щедръ и великъ; но совѣсть его зазорна, больна; пятно тяжелое объяло ее. Напрасно послѣ этого кудесники сулятъ ему дни власти безмятежной, напрасно онъ мнитъ во славѣ успокоить свой народъ и—Царь выстрадалъ всѣми страданіями, по праведному Суду Небесному, доколѣ смерть не отозвала Бориса на тотъ свѣтъ.... Въ изображеніи его недужной совѣсти — единство его характера заключилъ поэтъ. Совершеннѣе образа Годунова, какимъ онъ вышелъ изъ-подъ творческаго пера Пушкина, нельзя представить. Онъ уловилъ тѣ черты, которыми *самъ народъ* Русскій опредѣлилъ историческое лице Годунова. „Да, говоритъ народъ, Борисъ хорошъ-то, хорошъ, и деньги давалъ, и стѣну каменную выстроилъ, чтобы не умерли съ голоду, но—Димитрія Царевича, говорятъ всѣ, убилъ...“ [1]). Борисъ, какъ онъ представленъ у поэта, лице цѣлое и совершенно выяснившее предъ читателемъ свою душу. Рука мастера-поэта обдѣлывала это лице; показала свѣтлыя и славныя черты его, ибо какъ ни былъ бы человѣкъ бѣденъ нравственностію, обиженъ добрыми сторонами: все же, какъ человѣкъ, какъ образъ Божій, онъ имѣетъ хотя крупицы святости и добра въ своей душѣ [2]),—показала и темную сторону, на которой и остановила всецѣлое вниманіе зрителя, которою и закончила свое изданіе.

---

[1]) Передаемъ, какъ слышанное нами самими въ Смоленскѣ. Тутъ Борисъ выстроилъ стѣну; это извѣстно исторически. Въ Смоленскій уѣздъ, во время голода, онъ послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ. Исторія Госуд. Рос. т. XI, гл. I, стр. 67, изд. Эйнерлинга.—Николай Мизко называетъ характеръ Годунова *не національнымъ*. Столѣтіе Русской Словесности. Одесса. 1849, стр. 266.—Гдѣ же доказательство этому? Нужно было или совсѣмъ не давать такого отзыва, или—дать, но доказать...

[2]) Здѣсь по-неволѣ припоминишь одно Слово Москов. митрополита Филарета,—гдѣ онъ доказываетъ, что мы должны быть всѣ святы и обличаетъ ту мысль человѣка, по которой онъ говоритъ: «Гдѣ намъ быть святыми?» Слово преосвящ. Филарета въ Прибавленіяхъ къ Творен. Св. Отцевъ 1850.

Слѣдя за характеристикою лица Годунова, нельзя не остановиться на изображеніи его смерти. Критики называли неправдоподобнымъ изображеніе ея у Пушкина [1]). Поставимъ на видъ сначала ту мысль, что у Карамзина слишкомъ рѣзокъ переходъ къ описанію смерти Бориса. На 196-й стр., гл. II, IX тома онъ помѣстилъ письмо Самозванца къ Борису, послѣ неудачной осады воеводами Бориса Кромъ,—затѣмъ цѣлую страницу 197-ю Карамзинъ пополнилъ нравственными мыслями, что Годуновъ видѣлъ открытую бездну, что онъ только въ глазахъ вѣрной супруги казалъ кровавыя раны, что онъ дерзнулъ бы на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Страница 198-я изображаетъ самый ходъ смерти. Читатель не приготовленъ къ этому и выходитъ неестественнымъ описаніе смерти Годунова, у Карамзина. Но у Пушкина это изображеніе естественно. Тутъ первое появленіе Бориса показываетъ намъ внутреннюю скорбь души его; являясь вторично, онъ же самъ говоритъ, что „ни власть, ни жизнь его не веселятъ". Онъ уже жизнь разлюбилъ. Не находитъ мира въ совѣсти. Мы видимъ Бориса въ третій разъ и опять слышимъ, что ему „тяжело подъ шапкою Мономаха". Въ четвертый разъ показалъ намъ поэтъ Бориса и его тяжкую годину: онъ поблѣднѣлъ, когда патріархъ напомнилъ о мощахъ святаго Димитрія. Наконецъ юродивый заклеймилъ Годунова именемъ Цареубійцы; бояре измѣняютъ ему.... Все это горе выноситъ на себѣ *одна* душа Бориса. Отъ думъ, предчувствій страшныхъ золъ, самыхъ бѣдъ, падшихъ на него, Годуновъ ослабѣлъ; каждое новое горе убивало въ немъ частицу жизни. И бояре, и народъ, и дѣти—все это есть одно цѣльное, всесокрушающее горе для *одного* его. Поэтому не было, не стало силъ въ немъ поддержать себя; душа истлѣла; въ ней не нашлось мощи продлить изчахшую жизнь и—

[1]) Телеск. 1831, ч. I, стр. 564. Сынъ Отеч. 1831, ч. 145, стр. 174. Галатея 1839, ч. 4, стр. 52. Москов. Телегр. 1833, ч. 49.

„На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей“.

Смерть не разбираетъ, *естественно* ли ей будетъ прійти утромъ, или вечеромъ,—тогда ли, когда Царь принимаетъ гостей иноземныхъ, или бесѣдуетъ съ вельможами, — ей все равно.—Поэтому Пушкина нельзя упрекнуть въ неестественности смерти Бориса. Поэтъ приготовилъ насъ къ этому дѣлу.

б) За преступленіе Царя-отца были лишены жизни дѣти его: *Ксенія* и *Ѳеодоръ*. Съ какою душею они представлены?

Ксенія—образъ вѣрной навсегда жениху своему невѣсты. Она не можетъ никогда забыть своего милаго жениха, прекраснаго королевича: „никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ плакать буду“ [1]). Она *цалуетъ* портретъ жениха своего. Всѣ ея желанія теперь сосредоточены на немъ; всѣ ея мысли, ея сердце, вся ея любовь, теперь прикована къ нему, будто живому. Напрасно мамка совѣтуетъ ей не плакать, напрасно сулитъ другаго жениха: Ксенія не можетъ оторваться отъ своего суженаго, которому повѣрила первую свою дѣвическую любовь: „нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду вѣрна“. Это есть народный образъ красной дѣвицы Русской, которой Богъ не судилъ жить со своимъ добрымъ молодцемъ. Тогда—

„Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ“ [2]).

И ничто ее не можетъ успокоить: ни родимый батюшка, ни родимая матушка, ни сестры-лебедушки, ни братья-молодчики, никто, никто. Представляя душу Ксеніи и въ то же время—Бориса виновникомъ ея *вдовства* [3]), читатель еще болѣе поражается темною стороною души Бориса. При противоположностяхъ рѣзче бросаются въ глаза отличительныя стороны той и другой стороны.

[1]) Годун., карт. 9-я, стр. 302.
[2]) Русскія Семейныя пѣсни, часть IV, стр. 5. Сахарова.
[3]) Годун., карт. 6-я, стр. 285.

в) *Θеодоръ* — будущій Царь Россіи является три раза въ общемъ ходѣ дѣйствія. Этотъ царственный отрокъ любознательный, трудолюбивый [1]). Какъ Царь, онъ еще неопытенъ, сознаетъ свою немощь среди крамольныхъ бояръ. Какъ любознательный отрокъ, онъ готовится къ будущимъ державнымъ трудамъ, знакомясь съ наукою. Быть можетъ та же наука освѣтила смыслъ его, когда онъ стоялъ подлѣ умирающаго отца и падая на колѣни говорилъ ему: „народъ и мы погибли безъ тебя". Быть можетъ та же наука освѣтила ему безнадежность его положенія въ Кремлѣ, подъ стражею. Самъ онъ признался нищему, просившему милостыню ради Христа, что онъ—Царь Россіи бѣднѣе нищаго... [2]). Онъ понялъ, что безначаліе обезславило теперь Россію, и напрасно ему будетъ бороться съ людьми, умертвившими въ себѣ требованія долга и благородствъ, требованія вѣковыя святой Руси. Потому не противился боярамъ; ни у кого не сталъ просить помощи. Былъ шумъ во Кремлѣ: но *кто* тамъ боролся, поэтъ не сказалъ.... И лице Θеодора есть образъ царственнаго отрока съ прекрасными качествами будущаго Царя; онъ есть Царь безъ честолюбія; ибо неопытенъ; Царь безъ хитрости, покорный своей судьбѣ, которую онъ, будто, вѣдалъ напередъ.

г) Образецъ простосердечія Русско-народнаго представляетъ *Мамка* Царевны. Мамка нѣсколько словъ сказала, а высказалась вся. Она утѣшаетъ Царевну, какъ утѣшала бы плачущую по суженомъ дѣвицу Русская, простая женщина, на вѣку пожившая, и горькаго и сладкаго попавѣдавшаяся. Самые пріемы, которыми пользуется Мамка для утѣшенія Ксеніи, пріемы простаго, любимаго Русскими взгляда на жизнь. Съ природы она беретъ урокъ и даетъ неопытной, юной дочери Царя: „И, Царевна! дѣвица плачетъ, что роса падетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ" [3]). Поэтъ схватилъ въ не-

[1]) Карт. 9-я. стр. 303.

[2]) Годун., карт. 22-я, стр. 371.

[3]) Годун., карт. 9-я, стр. 302.

многихъ жемчужныхъ словахъ самую дорогую, желанную черту Русскаго народа. Народъ нашъ въ природѣ ищетъ отклика на свою кручину и на свою радость. Читайте наши пѣсни; во всѣхъ почти чувствованіе и мысль Русскаго человѣка отъ природы внѣшней идетъ въ его святилище — душу. Прежде тамъ найдетъ „текущую и никогда не высыхающую рѣку, ручей лѣтомъ изсякающій, росу, бывающую только до восхода солнца". Нашелъ это смыслъ Русскаго человѣка, тогда смѣло и заговорилъ:

„Ахъ, мать плачетъ, что рѣка льется,
Сестра плачетъ, какъ ручей течетъ,
Жена плачетъ, какъ роса падетъ,
Взойдетъ солнце, росу высушитъ".

Это говорится объ убитомъ воинѣ, котораго оплакиваютъ мать, сестра и молодая жена... Отъ природы взяла утѣшеніе и Мамка Царевны. Не успѣвъ утѣшить такимъ образомъ, она сулитъ Ксеніи другаго жениха „и прекраснаго и привѣтливаго" [1]), какъ будто думаетъ, что прекрасный и привѣтливый женихъ *другой* можетъ замѣнить для ней прекраснаго королевича, который достался „не своей невѣстѣ, а чужой могилкѣ, на чужой сторонкѣ" [2]). И здѣсь мамка — простая, сельская женщина, на вѣку узнавшая, что невѣсты, красныя дѣвицы воркуютъ, какъ горлицы, только по краснымъ, добрымъ молодцамъ, а потому своей Ксеніи обѣщаетъ другаго жениха хорошаго, пригожаго; этимъ думаетъ ее утѣшить, забывъ то, что этотъ новый женихъ, можетъ быть, ужъ не придется по сердцу „ненаглядному дитяткѣ—Ксеніи", какъ сама мамка ее назвала.—Такъ мамка Царевны, которой поэтъ не далъ имени, есть образъ простой, но полной смысла здраваго, Русско-народнаго смысла—мамки.

---

[1]) Годун., карт. 9-я, стр. 302.
[2]) Тамъ же.

Эти три лица: Ксенія, Өеодоръ и мамка поставлены при Годуновѣ поэтомъ, для показанія преимущественно свѣтлой стороны его души.

д) Во главѣ лицъ, которыя освѣщаютъ худую сторону души Бориса, стоитъ *Самозванецъ*. Вотъ отзывы критиковъ объ этомъ лицѣ. „Существенный недостатокъ Бориса, говоритъ Н. А. Надоумко, состоитъ въ томъ, что въ немъ интересъ раздѣленъ неудачно. Самозванецъ стоитъ на первомъ планѣ, и—Борисъ за нимъ исчезаетъ: онъ становится незамѣтнымъ гостемъ у себя дома. Музы наказали однакожъ сіе законопреступное похищеніе въ поэзіи точно также, какъ наказано оно рокомъ въ исторіи. Самозванецъ выставляется только для того, чтобъ показать свою ничтожность“ [1]). Потомъ повторяетъ: „итакъ Самозванецъ для того заслонилъ собою Бориса, чтобы показаться уродомъ“ [2]). Полевой замѣтилъ, что характеръ Самозванца, какъ онъ представленъ Пушкинымъ, можетъ почестьcя сноснымъ [3]). Самозванецъ, пишетъ Камашевъ, довольно хорошъ [4]).

Григорій Отрепьевъ, какъ монахъ мечтателенъ и хитеръ, человѣкъ притомъ грамотный; какъ Лжедимитрій, онъ уменъ, беззаботенъ и отваженъ. Онъ три раза пробуждается и все видитъ тотъ же сонъ [5]). Видно, что важная мысль занимала этого человѣка; онъ любилъ мечту. Хитрость Григорія видна въ первомъ вопросѣ, который онъ предложилъ Пимену:

„Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія Царевича
. . . .
Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?“ [6])

[1]) Телеск. 1831, часть I, стр. 568. Та же мысль высказана и въ Сынѣ Отеч. 1831, часть 145, стр. 112.
[2]) Тамъ же, стр. 572.
[3]) Очерки Литер., ч. I, стр. 198.
[4]) Сынъ Отеч. 1831, часть 145, стр. 175.
[5]) Годун., карт. 4-я, стр. 273.
[6]) Годун., карт. 4-я, стр. 278, 279.

Будто бы не зналъ Григорій о смерти Царевича?! Оставляя свою келью, онъ ничуть не подивился, какъ онъ могъ не знать объ убіеніи Димитрія; Григорій только, какъ добродѣтельная душа, пожалѣлъ, что „никто Борису не смѣетъ и напомнить о жребіи несчастнаго младенца" [1]). Почему Григорій увѣренъ, что никто не смѣетъ напомнить о жребіи Царевича? Если онъ не зналъ о самомъ этомъ жребіи, то тѣмъ болѣе не могъ знать о человѣкѣ—мстителѣ за Димитрія?... О, тутъ-то, говоря словами поэта Веневитинова, мы и видимъ „entreprises hardies, les passions fougueuses, qui doivent se développer plus tard dans le coeur du Grégoire Otrepieff" [2]). Тутъ-то и есть Отрепьевская хитрость, которая послѣ заставила его притвориться умирающимъ, когда онъ былъ слугою у Вишневецкаго [3]),—хитрость, которая по словамъ нашего поэта,

„И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя, змѣя!..." [4]).

Григорій—монахъ грамотѣ гораздъ, какъ то видѣлъ Пименъ; онъ грамотой свой разумъ просвѣтилъ [5]): ему самъ Пименъ это сказалъ. Онъ знаетъ о темномъ владычествѣ Татаръ, о казняхъ свирѣпыхъ Іоанна, о бурномъ Новгородскомъ Вѣчѣ [6]), о Шуйскомъ, при которомъ Пименъ отражалъ рать Литвы: обо всемъ этомъ имѣетъ понятіе „бѣдный инокъ Григорій" [7]); но грамота эта знать далася ему не отъ Господа Бога [8]), какъ молвилъ игуменъ.

Григорій, какъ Отрепьевъ, есть бродяга. Онъ не знаетъ, кто бѣжалъ изъ Москвы и зачѣмъ заставы на Литовской гра-

[1]) Годун., карт. 4-я, стр. 280.
[2]) Сочин. Веневитинова. Изд. А. П. Пятковскаго. Спб. 1862, стр. 196.
[3]) Годун., карт. 8-я, стр. 299.
[4]) Годун., карт. 12-я, стр. 331.
[5]) Годун., карт. 4-я, стр. 280.
[6]) Годун., карт. 4-я, стр. 273.
[7]) Годун., карт. 14-я, стр. 275.
[8]) Годун., карт. 5-я, стр. 282.

ницѣ [1]). Хитрость его проявилась въ чтеніи имъ Царскаго Указа, когда онъ опустилъ слово Указа: „повѣсить“ [2]). Поступокъ его, когда онъ бросился изъ окна корчмы, показалъ бѣглеца міряннна-безумца, который готовъ хоть въ воду, обличенный въ преступленіи, только бы ему не попасться въ руки правосудія.

Какъ *Лжедимитрій*, какъ *сынъ* Царя Московскаго, Григорій „уменъ, привѣтливъ, ловокъ, по нраву всѣмъ, обворожилъ Московскихъ бѣглецовъ“ [3]); дама говорила, въ замкѣ воеводы Мнишка, что Димитрій на видъ „пріятенъ и Царская порода въ немъ видна“ [4]). Какъ сынъ Царя Московскаго, устраненный незаконно отъ престола, онъ смѣлъ и отваженъ. Въ разговорѣ съ отцемъ (pater) Черниковскимъ онъ обѣщается „прежде двухъ годовъ со всѣмъ своимъ народомъ признать власть намѣстника Петра“ [5]): ибо онъ знаетъ духъ народа своего, въ которомъ „набожность не знаетъ изступленія“. Будто наслѣдникъ престола, сверженный не по праву, Лжедимитрій предъ толпою Русскихъ и Поляковъ называетъ „Годунова коварнымъ злодѣемъ“. Онъ самъ рѣшается вести „дружины грозны сыновъ Славянъ въ желанный бой“ [6]). Значитъ надѣется на свое право. Верхъ самонадѣянности, дерзости и хитрости онъ показалъ въ свиданіи съ Мариною, ночью, у фонтана. Самозванецъ уже собрался въ походъ; „до завтра“, сказалъ онъ своимъ воинамъ. Послѣдняя ночь осѣняетъ Самозванца и его грозную дружину предъ вступленіемъ въ Россію, а онъ эту ночь проводитъ, какъ „любовникъ“ [7]): „любовь мутитъ его воображенье“ [8]).

---

[1]) Годун., карт. 7-я, стр. 288.
[2]) Годун., карт. 7-я, стр. 294.
[3]) Годун., карт. 8-я, стр. 299.
[4]) Годун., карт. 11-я, стр. 319.
[5]) Годун., карт. 10-я, стр. 312.
[6]) Годун., карт. 10-я, стр. 313.
[7]) Годун., карт. 12-я, стр. 323.
[8]) Годун., карт. 12-я, стр. 322.

„Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича, Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою.
О, выслушай моленія любви!“

Онъ отказывается отъ имени Царевича; безъ любви Марины, что для него „жизнь, и славы блескъ, и Русская держава“, Марина можетъ „замѣнить ему Царскую корону въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной“ [1]). Любовь, которою теперь пламенѣетъ сердце Самозванца, обнажила его душу; онъ искренно заговорилъ, какъ еще и самому себѣ не говорилъ,— и нигдѣ, никогда, „ни въ пиршествѣ, за чашею безумства, ни въ дружескомъ завѣтномъ разговорѣ, ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній — не выдастъ его языкъ этой тяжкой тайны“ [2]). А теперь, ради Марины, онъ сказалъ—

„Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать“ [3]),

говоритъ Самозванецъ. И сознается, что онъ „бѣдный черноризецъ“. Нужно имѣть отчаянную голову, чтобы „надменной польской дѣвѣ“ [4]) высказать такую тайну, чтобы предъ нею— ея земляковъ назвать безмозглыми [5]), а ее—*надменною* Мариною [6]). Все это естественно и въ характерѣ Самозванца. Онъ— бѣдный чернеризецъ,—нужды нѣтъ; но онъ же „и предлогъ раздоровъ и войны“ [7]); онъ „обманулъ Поляковъ безмозглыхъ“ [8]); король и папа признали его Русскимъ Царевичемъ [9]);

[1]) Годун., карт. 12-я, стр 324.
[2]) Годун., карт. 12-я, стр. 328.
[3]) Годун., карт. 12-я, стр. 327.
[4]) Годун., карт. 12-я, стр. 322.
[5]) Годун., карт. 12-я, стр. 326.
[6]) Годун., карт. 12-я, стр. 326.
[7]) Годун., карт. 12-я, стр. 330.
[8]) Годун., карт. 12-я, стр. 326.
[9]) Годун., карт. 12-я, стр. 330.

„ослѣпилъ чудесно два народа“ [1]); у него уже и войско есть; всѣ кричали ему: „да здравствуетъ Димитрій, Великій Князь Московскій“ [2]). Отчего же, послѣ этого, не сказать ему:

„Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ“.

Самозванецъ всѣхъ ослѣпилъ; обворожилъ и Марину; онъ видѣлъ ея умъ, по которому она сама запросила, чтобы онъ клялся ей „единымъ Царскимъ словомъ“ [3]), послѣ того, какъ Самозванецъ сознался, ктó онъ. Онъ дѣйствуетъ, какъ признанный Царемъ Московскимъ [4]). Отвага его возрастаетъ, когда онъ съ кн. Курбскимъ переѣзжаетъ Литовскую границу; онъ ничуть не смущается за свое дѣло. Въ Сѣвскѣ онъ жалѣетъ, что Басманова Борисъ отозвалъ въ Москву; самъ говоритъ, — что въ войскѣ „онъ нужнѣе былъ“ [5]). Лѣсъ, гдѣ Самозванецъ жалѣетъ болѣе о конѣ издыхающемъ, нежели о разбитомъ своемъ войскѣ [6]), ярко представляетъ намъ безпечность Григорія, какъ Лжедимитрія. Онъ спокойно ложится спать, въ лѣсу. Онъ „безпеченъ, какъ глупое дитя“ [7]). Отчего же это? Онъ вѣритъ въ правоту своего дѣла. Онъ есть Димитрій; слѣдовательно рано или поздно Москва и Россія — *его*... Потому „хранитъ его конечно Провидѣнье“ [8]).

---

[1]) Годун., карт. 12-я, стр. 327.
[2]) Годун., карт. 10-я, стр. 317.
[3]) Годун., карт. 12-я, стр. 328.
[4]) Критики порицали поэта за эту картину. «Характеръ Самозванца слабъ, говорилъ Олинъ. Въ діалогѣ съ Мариною онъ смѣшонъ и даже, говоря пó просту, глупъ: ибо какая ему предстояла надобность открывать паннѣ, что онъ... чернорizецъ, разстрига». Колокольчикъ (газета), 1831, стр. 23. Камашевъ замѣтилъ: «лице Марины уродливое дало Самозванцу видъ литературной нелѣпости». Сынъ Отеч., 1831, ч. 145, стр. 171. Надоумко жалѣлъ о Пушкинѣ, читая эту *сцену*. Телескопъ, 1831, ч. I, стр. 571.
[5]) Годун., карт. 17-я, стр. 349.
[6]) Годун., карт. 18-я, стр. 353.
[7]) Годун., карт. 18-я, стр. 355.
[8]) Годун., карт. 18-я, стр. 355.

Такимъ образомъ Самозванецъ полно изображенъ. Глубоко прослѣдилъ взглядъ поэта эту душу. Показалъ поэтъ намъ Григорія, какъ *монаха* Чудова Монастыря,—какъ *Отрепьева* и какъ *Лжедимитрія*. Разстроилъ, такъ сказать, сердце „брата Григорія" великій поэтъ.

Въ общемъ ходѣ дѣйствія, Григорій самое важное лице. Онъ—исполнитель опредѣленій судьбы надъ Борисомъ; поэтому, говоря противъ критиковъ [1]), онъ и долженъ былъ больше дѣйствовать, нежели Годуновъ. Читатель, слѣдя за движеніями души и поступками Самозванца, утверждается въ той мысли, что если такой человѣкъ, каковъ Григорій—„сосудъ дьявольскій" (по выраженію патріарха)—избранъ совершить казнь Божію надъ Борисомъ; то значитъ *великое* лежало пятно на совѣсти Царя.

Впечатлительнѣе является мысли читателя лице Самозванца, когда поэтъ сопоставляетъ ему три лица: *Пимена*, *Игумна* и *Патріарха*.

ж) *Пименъ* — старецъ кроткій и смиренный [2]), образъ нашихъ древнихъ, безымянныхъ и безпристрастныхъ лѣтописцевъ. Всю ночь не смыкалъ онъ очей [3]), дабы записать свое послѣднее сказанье. Ничего онъ не ждетъ отъ людей за свой трудъ усердный, безымянный [4]). Онъ исполняетъ лишь долгъ, завѣщанный отъ Бога. Пименъ пишетъ лѣтопись,

„Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ".

---

[1]) Сынъ Отеч., 1831, ч. 145, стр. 112. Телеск., 1831, ч. I, стр. 568.
[2]) Годун., карт. 5-я, стр. 281.
[3]) Годун., карт. 4-я, стр. 273.
[4]) Годун., карт. 4-я, стр. 272.

Его сожитель, проснувшись, разсказываетъ сонъ безпокойный. Искренно, съ дѣтскимъ сердцемъ выслушалъ разсказъ Пименъ; ничего не подозрѣвая, посовѣтовалъ смирять играющую младую кровь своего собрата молитвой и постомъ [1]). Братъ-Григорій пожалѣлъ о своей скитальнической жизни, о томъ, что онъ не успѣлъ еще насладиться жизнію. Это тронуло старца. Онъ разговорился. И собственнымъ примѣромъ, и примѣромъ Царей, которые „златой вѣнецъ мѣняли на клобукъ", уговариваетъ Григорія не сѣтовать, что „рано грѣшный свѣтъ покинулъ" онъ [2]). Монастырь для Пимена—рай и покой; лампада—его свѣтъ, другъ и свидѣтель ночныхъ трудовъ и Пименъ съ тѣхъ поръ вѣдаетъ блаженство, какъ въ монастырь Господь его привелъ [3]).

Какъ лѣтописецъ, Пименъ безпристрастно, просто, „не мудрствуя лукаво" разсказываетъ объ убіеніи Царевича. Вмѣстѣ съ другими онъ винитъ и себя въ нареченіи Бориса Царемъ [4]). Ничего не подозрѣвая, невинно онъ бросилъ искру въ огненную грудь своего „брата" [5]), назвавши его „ровесникомъ" убитому Царевичу. Не замѣчая, что стало съ душею Григорія, какія тамъ зароились мысли, Пименъ *передаетъ* ему, какъ „просвѣтившему грамотой свой разумъ"—лѣтопись,

---

[1]) Годун., карт. 4-я, стр. 275.

[2]) Годун., карт. 4-я, стр. 276. И тутъ нападаютъ на поэта за неестественность. Возможно ли, говоритъ Надоумко, чтобы *Пименъ*.... могъ восторгаться до того высшаго взгляда на судьбы человѣчества, котораго изъ всѣхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ системъ не могъ вычитать.... историкъ Русскаго народа.... Его разсужденіе обличаетъ въ *немъ* наслѣдника идей Гердеровыхъ». Телеск., 1821, ч. I, стр. 569. Но гдѣ же, спрашиваемъ, тутъ высшіе взгляды, идеи Гердера? Пименъ—старикъ; прошедшее онъ могъ назвать *моремъ-окіяномъ*; не знаютъ подобные критики Русскихъ истинныхъ отшельниковъ, которыхъ вся жизнь искушена и переискушена въ горнилѣ опыта.... «Я много видалъ на вѣку своемъ», вотъ любимая пѣсня Русскаго посѣдѣвшаго старца.

[3]) Годун., карт. 4-я, стр. 276.

[4]) Годун., карт. 4-я, стр. 278.

[5]) Годун., карт. 4-я, стр. 274.

дабы Григорій описывалъ все, чему свидѣтелемъ въ жизни будетъ [1]).

Пименъ весь преданъ монашескимъ трудамъ. Послѣ всенощнаго бдѣнія надъ лѣтописью, Пименъ не имѣлъ времени отдохнуть [2]). Лишь только онъ хотѣлъ погасить лампаду и спокоить себя, какъ зазвонили къ заутренѣ. Пименъ взялъ костыль и пошелъ въ церковь...

При такой душѣ осязательно видится безпокойный и горячій духъ Григорія. Пименъ—идеалъ безмятежія, по замѣчанію критика, а Григорій — весь тревога и безпокойство [3]). „Здѣсь представленъ, замѣчаетъ Веневитиновъ, прекрасный контрастъ этой пламенной души съ величавою тишиною этого старика, безпристрастнаго свидѣтеля доблестей и пороковъ своихъ соотчичей,—старика, коего почтенный видъ производитъ такое живое впечатлѣніе на юнаго собесѣдника“ [4]). Григорій бѣжитъ изъ монастыря, чтобы найти свое неположенное счастіе, а Пименъ въ монастырѣ нашелъ свое блаженство. Душа того и другаго раскрыта въ самыхъ тайныхъ ея обителяхъ.

з) *Игуменъ* — начальникъ, совершенно покорный своему высшему начальнику—Патріарху. Онъ правдивъ въ донесеніи о побѣгѣ Григорія Отрепьева. Не побоялся сказать, что Григорій, прежде поступленія въ его монастырь, „шатался по разнымъ обителямъ“ [5]). Это кочеваніе игуменъ приписалъ молодости и неразумію Григорія. Какъ бы въ извиненіе себя

---

[1]) Годун., карт. 4-я, стр. 280.

[2]) Годун., карт. 4-я, стр. 280.

[3]) Отеч. Зап. 1845, т. 43, кр., стр. 18. Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1860, ч. VIII, стр. 640.

[4]) Сочин. Веневитинова. Ред. *А. П. Пятковскаго*. Спб. 1862, стр. 196. «Qu'il est beau le contraste de cette âme ardente avec le calme majestueux du vieillard, impassible temoin des vertus et des crimes de ses compatriotes, de ce vieillard dont l'air imposant produit un si vive impression sur son jeune interlocuteur».

[5]) Годун., карт. 5-я, стр. 281.

онъ говоритъ о добрыхъ свойствахъ этого новичка монастырскаго: „и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ“ [1]), и жалѣетъ, что та грамота „далася Григорію не отъ Господа Бога“. Вотъ донесеніе нашего древняго игумена о побѣгѣ изъ его монастыря одного монаха! Патріархъ назвалъ побѣгъ Григорія *ересью;* отецъ игуменъ дважды повторилъ слово: *ересь* [2]); будто разрѣшилъ онъ какую-то трудную задачу въ сердцѣ человѣка: „ересь, святый Владыка, сущая ересь“. Правъ, или виноватъ отецъ игуменъ, объ этомъ онъ ничего не молвилъ патріарху. Ему больно, что грамота Григорію дана не отъ Господа Бога. И—онъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ своего высшаго начальника объ этомъ предметѣ.

н) *Патріархъ* — представитель Русской Церкви и духовенства временъ Годунова. Онъ четыре раза является въ дѣйствіи [3]). Въ бесѣдѣ съ игумномъ Патріархъ — образъ высшей духовной особы, приписывающей грѣхи и проступки людей навожденію діавольскому [4]); его главная дума теперь та, чтобы „поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе“. Всецѣло пламенѣющій благочестіемъ, религіозностію, онъ съ негодованіемъ отзывается о грамотѣяхъ: „ужъ эти мнѣ грамотѣи“, говоритъ онъ. Назвавъ Григорія „сосудомъ діавольскимъ, врагоугодникомъ“. Патріархъ считаетъ *ересью* преступную мысль Григорія: „быть Царемъ на Москвѣ“.

Въ Думѣ Царской, предъ Годуновымъ, Патріархъ еще разъ называетъ Григорія бѣсовскимъ сыномъ, разстригой окаяннымъ [5]), безбожнымъ злодѣемъ [6]). Онъ, какъ „въ дѣлахъ

---

1) Годун., карт. 5-я, стр. 282.

2) Тамъ же.

3) Годун., карт. 3-я, стр. 269. карт. 5-я, стр. 281. карт. 14-я, стр. 334 и карт. 19-я, стр. 362.

4) Годун., карт. 5-я. стр. 282.

5) Годун., карт. 14-я, стр. 336.

6) Тамъ же, стр. 338.

мірскихъ не мудрый судія“ [1]), предложилъ средство противъ Самозванца, которое заставило Бориса молча страдать. Патріархъ — невинная душа. Онъ не знаетъ, что Годуновъ виновникъ смерти Димитрія и разсказываетъ, что слышалъ „въ вечерній часъ“ отъ пастуха, глаза котораго, ослѣпшіе съ младыхъ лѣтъ, только отъ мощей святаго Димитрія получили прозрѣніе [2]).

„И многіе страдальцы
Спасеніе подобно обрѣтали
У гробовой Царевича доски“,

присовокупилъ Патріархъ. Потому и присовѣтовалъ теперь „перенести святыя мощи въ Соборъ Архангельскій“, дабы народъ увидѣлъ обманъ безбожнаго злодѣя, и мощь бѣсовъ исчезла, яко прахъ [3]). Изъ любви къ своему духовному сыну, помазаннику Божію, патріархъ предложилъ самое дѣйствительное средство противъ грядущей бѣды... Здѣсь Патріархъ— духовный врачъ, предлагающій самое духовное лѣкарство противъ государственной раны; это—вѣрный богомолецъ Царя, еще болѣе усилившій, но невинно, мученіе его [4]), представитель, глава духовенства и Церкви. Лице Патріарха художникъ создавалъ [5]).

Лица Пимена, Игумна и Патріарха частію показываютъ *добрыя* свойства Григорія. Для того мы теперь и обозначили эти лица. Худыя стороны жизни Григорія выставляютъ: *Мисаилъ* и *Варлаамъ, хозяйка* корчмы, *приставá*, *Pater* Черни-

---

[1]) Годун. карт. 14-я, стр. 336.

[2]) Тамъ же, стр. 338.

[3]) Тамъ же, карт. 14-я, стр. 338.

[4]) Тамъ же, стр. 339.

[5]) Надоумко сказалъ, что «патріархъ поставленъ не дурно. Въ разговорѣ съ игумномъ онъ является во всей простотѣ добраго старца; при совѣщаніи, на Царской Думѣ, возвышается до боголѣпной святительской торжественности». Телеск. 1831, часть I, стр. 365. И это значитъ *не дурно* поставленъ патріархъ?!...

говскій, *Вишневецкій, Мнишекъ* и *Марина*. Съ какою душею они представлены поэтомъ?

і) *Михаилъ* и *Варлаамъ*—бѣглые монахи, забывшіе долгъ свой. Они теперь рѣшились чудить по свѣту и прямо говорятъ, къ какому роду людей они принадлежатъ. Мисаилъ и Варлаамъ—*грѣшные* люди, по ихъ собственному признанію [1]). Варлаамъ рѣшился кутить. Онъ съ перваго таки разу спрашивалъ у хозяйки: *нѣтъ ли вина?* [2]). Вино—странный пунктъ неразумія. Для Варлаама „Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все.... равно, было бы вино". Онъ убѣжденъ въ той мысли, что „пьяному рай" [3]). Кто товарищъ Варлааму, тотъ ужъ непремѣнно долженъ пьянствовать; потому онъ проситъ проваливать [4]) Григорія, если не хочетъ выпить „чарочку за шинкарочку" съ нимъ и отцемъ Мисаиломъ. *Варлаамъ*—„монахъ-горе". Онъ жалѣетъ, что всѣ пустилися въ мытарства, деньгу любятъ, деньгу прячутъ, думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души своей [5]). Потому и трехъ иногда полушекъ въ три дня онъ не соберетъ на монастырь. Что же остается дѣлать? Варлаамъ нашелъ что: „пройдетъ недѣля—другая, говоритъ онъ, заглянешь въ мошенку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропьешь; бѣда да и только". Варлаамъ — человѣкъ съ сожженною совѣстію. Онъ сказалъ приставамъ, что онъ разучился и не можетъ читать [6]); но когда стали обличать его и назвали Гришкою Отрепьевымъ, бѣжавшимъ изъ Чудова [7]) тогда Варлаамъ читать умѣетъ, онъ хотя и худо читаетъ, а тутъ ужъ разберетъ [8]). Изъ всѣхъ

---

[1]) Годун., карт. 7-я, стр. 287.
[2]) Годун., карт. 7-я, стр. 286.
[3]) Годун., карт. 7-я, стр. 287.
[4]) Тамъ же.
[5]) Годун., карт. 7-я, стр. 291.
[6]) Тамъ же, стр. 292.
[7]) Тамъ же, карт. 7-я, стр. 294.
[8]) Годун., карт. 7-я. стр. 294.

этихъ качествъ сложился Варлаамъ — смиренный инокъ, старецъ Божій [1]), страшный питуха, забіяка и бродяга. Самая наружность его подозрительная: онъ росту средняго, лобъ имѣетъ плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое" [2]).

к) *Мисаилъ* скрываетъ тѣ же самыя свойства, какъ и Варлаамъ. Онъ только менѣе говорливъ, молчкомъ дѣлаетъ то же, что и его побратимъ. Онъ сознаетъ превосходство надъ собою Варлаама и хвалитъ его выходки: „складно сказано", замѣтилъ онъ, когда пріятель его нашелъ, что все одно: Литва ли, или Русь [3])....

л) *Хозяйка* корчмы — бѣдная баба, довольно глуповатая корчмица, плакса, впрочемъ довольно и хитровата. Не зная, какіе гости пожаловали къ ней и для чего распрашиваютъ о дорогѣ въ Литву, она все подробно указываетъ имъ путь до Луёвыхъ горъ [4]). Она ненавидитъ приставовъ, за глаза называетъ ихъ „окаянными", въ глаза имъ говоритъ: „добро пожаловать, дорогіе гости, милости просимъ". Варлаамъ загоревался, смотря на неправды людскія, а хозяйка заплакала [5]). Нельзя же ей было не плакать, когда въ корчмѣ ея и пристава, и монахи и еще одинъ міряниnъ. Они, вѣдь, подумаютъ о ней, какъ о добрячкѣ.... однимъ словомъ: хозяйка корчмы—добрая баба, настоящая корчмица: ее не проведешь.

м) *Приставы* вѣрны своей обязанности. Они „ходятъ себѣ дозоромъ", да обираютъ бѣдныхъ корчмицъ. Они пришли въ корчму: подавай имъ вина, хлѣба, и невѣдомо чего [6]). Съ самодовольствомъ замѣчаетъ одинъ изъ нихъ, что будетъ *чѣмъ* поживиться въ корчмѣ, что тутъ идетъ попойка [7]). Другой

---

[1]) Годун. стр. 290.
[2]) Тамъ же, стр. 294.
[3]) Тамъ же, карт. 7-я, стр. 287.
[4]) Тамъ же, стр. 289.
[5]) Годун., карт. 7-я, стр. 291.
[6]) Тамъ же, стр. 289.
[7]) Тамъ же, стр. 290.

приставъ жалѣетъ, что Григорій—парень *голый* [1]); слѣдовательно взять съ него нечего. „Молчи, замѣчаетъ первый, доберемся и до старцевъ". Вотъ тутъ-то они избрали свою обязанность средствомъ для удовлетворенія своихъ грабительскихъ рукъ и жаднаго живота. Въ указѣ не написано было: „повѣсить", а приставъ велитъ читать „и повѣсить", на томъ основаніи, что не всяко слово въ строку пишется [2]). Они не знаютъ, что написано въ указѣ, который имъ данъ въ руки и слова котораго они теперь исполняютъ. Сколько еретику и вору Гришкѣ было лѣтъ, это теперь только они начали рѣшать [3]). Нечего сказать—вѣрные исполнители указовъ Царя Бориса! Есть на кого положиться....

н) *Pater Черниковскій*—западный священникъ, желающій будущаго Царя Россіи склонить къ принятію власти папы; онъ — іезуитъ. Благословляя Самозванца на правое, по его мнѣнію, дѣло—подчинить Русь намѣстнику Петра, *Pater* не совѣтуетъ гласно поступать въ дѣлѣ этомъ, самъ долгъ велитъ притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ: ибо слова и дѣянья видятъ люди, намѣренья единый видитъ Богъ [4])....
Довольно! мы видимъ западнаго человѣка, мы видимъ завѣщанный ему отъ предковъ несокрушимый взглядъ....

о) *Вишневецкій* и *Мнишекъ*—пожилые Поляки, даже старики, страшные мечтатели и самохвалы. Мнишекъ хвалится предъ Вишневецкимъ своею Мариною, а Вишневецкій хвалится предъ Мнишкомъ своимъ слугою, который взойдетъ на тронъ Московскій. Не добрые, не съ чистою совѣстію люди Вишневецкій и Мнишекъ. Еще слуга Вишневецкаго не пошелъ въ походъ, а Вишневецкій посадилъ уже его на тронъ Московскій, еще дочь Мнишка предъ нимъ, въ Самборѣ, женихъ ея еще долженъ кровавою дорогой дойти до Москов-

---

[1]) Годун. стр. 290.
[2]) Тамъ же, карт. 7-я, стр. 294.
[3]) Годун., карт. 7-я, стр. 294.
[4]) Годун., карт. 10-я, стр. 315.

скаго престола, а Мнишекъ уже гадаетъ о свадьбѣ и перекрещиваетъ Марину въ Московскую Царицу [1]). Поляки! Нѣтъ въ нихъ того Русскаго духа, того здраваго смысла, котораго въ жизнь не проведешь.... Дѣти! И въ самомъ дѣлѣ Мнишекъ и Вишневецкій—дѣти. Они любятъ посудить кой-о-чемъ за бутылкой Венгерскаго. Одинъ пригласилъ, а другой и радъ.

„И дѣло, другъ: пойдемъ [2])".

Вотъ тутъ-то они намечтаются, нѣтъ въ томъ спору....

п) *Марина,* панночка надменнаго ума [3]), она смотритъ на себя, какъ на будущую Московскую Царицу. Она любитъ не Димитрія, а санъ его [4]); она любитъ въ Самозванцѣ сына Іоанна, Царя Московскаго, а другаго ей любить нельзя [5]).

Тронъ Московскій — ея кумиръ; она увѣрена, что Самозванецъ точно царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣтомъ [6]); прежде не вѣрила, что онъ былъ слуга, какъ ей представляла Рузя (служанка) [7]); теперь узнала, кто ея любовникъ и сама проситъ, чтобы Самозванецъ обезпечилъ свой обманъ отважный упорною, глубокой, вѣчной тайной [8]). Увѣрить ее въ этомъ она проситъ ничѣмъ инымъ, какъ единымъ Царскимъ словомъ [9]). Лишь только гордо, съ Царскимъ достоинствомъ заговорилъ Димитрій, Марина забыла, что предъ нею бѣглый монахъ, она вновь увидѣла въ немъ рѣчь мужа, вновь Димитрія и проситъ его очистить Кремль, сѣсть на престолъ Московскій, а за нею—слать брачнаго посла [10]). Все это показываетъ Марину надменною панночкою, легкомысленною,

[1]) Годун., карт. 11-я, стр. 318.
[2]) Тамъ же, стр. 320.
[3]) Тамъ же, карт. 12-я, стр. 322.
[4]) Тамъ же, стр. 324.
[5]) Тамъ же, карт. 12-я, стр. 325.
[6]) Тамъ же, добавочная сцена.
[7]) Тамъ же, добавочная сцена. Уборная Марины.
[8]) Годун., карт. 12-я, стр. 327.
[9]) Годун., карт. 12-я. стр. 328.
[10]) Годун., карт. 12-я, стр. 330.

какъ и ея отецъ. Смотря на родъ Мнишковъ, по неволѣ скажешь съ Рузею:

„Родъ Мнишковъ никому еще не уступалъ,
Умомъ—превыше онъ похвалъ....“ [1]).

Только совершенно напротивъ должно поставить слова Рузи....

Всѣ эти лица—отъ Мисаила до Марины вскрываютъ намъ разнообразную личность Григорія; читатель видитъ Григорія и пошлымъ міряниномъ въ корчмѣ, и дерзкимъ лже-царемъ въ бесѣдѣ *cum Patre* Черниковскимъ, и хитрымъ слугою въ разглагольствіи Мнишка, Вишневецкаго и Рузи [2]), страстнымъ любовникомъ, когда онъ былъ съ глазу на глазъ съ Мариною. Эти лица высказали цѣликомъ и свои души. Не затрудняешься, къ какому уголку міра грѣшнаго отнести ихъ. Видишь, до чего обмелился человѣкъ; видишь, по какимъ иногда ничтожнымъ побужденіямъ онъ душитъ голосъ совѣсти, готовъ жить въ противорѣчіи съ долгомъ.... И всѣ эти лица необходимыя звенья въ одной цѣпи дѣйствія, какъ указатели недобрыхъ, пошлыхъ и отважныхъ свойствъ Григорія Отрепьева....

Лица, представляющія тогдашнее Русское боярство и показывающія, среди чего находился Царь Борисъ, суть: Воротынскій, Шуйскій, Пушкинъ и Басмановъ.

р) *Воротынскій*—бояринъ честолюбивый, но через-чуръ легкомысленный. У него нѣтъ хитрости Шуйскаго—въ этомъ его ошибка. Онъ помѣшанъ на томъ, что

„Шуйскій, Воротынскій....
„Легко сказать, природные князья“ [3]).

Онъ вѣритъ въ истинность убѣжденій Шуйскаго [4]), что они болѣе имѣютъ правъ на престолъ, чѣмъ Годуновъ. У него

---

[1]) Добавочная сцена. Уборная Марины.
[2]) Добавочная сцена.
[3]) Годун., карт. 1-я, стр. 265.
[4]) Тамъ же.

нѣтъ смѣлости Шуйскаго; трудно, говоритъ онъ, намъ тягаться съ Годуновымъ. Въ Кремлевскихъ палатахъ онъ вспомнилъ о разговорѣ своемъ Шуйскому, а тотъ ему сказалъ, что теперь не время помнить. И тутъ только Воротынскій спохватился и узналъ, что его обманывали, когда говорили, будто онъ имѣетъ право на престолъ.

с) *Шуйскій*—бояринъ съ отважною и прехитрою душею. Царь самъ видѣлъ эту душу, и его отзывъ пойдетъ въ вѣчное прозвище боярину Шуйскому.

„А Шуйскому не должно довѣрять.
Уклончивый, но смѣлый и лукавый“ [1]),—

вотъ что Годуновъ сказалъ о немъ. Тутъ вся душа Шуйскаго, весь его характеръ. Онъ *уклончивъ.* Это видно изъ отношеній его къ Воротынскому, которому Шуйскій совѣтуетъ порой и забывать, что̀ сказалъ онъ—Шуйскій [2]). Шуйскій *смѣлъ;* самъ объ этомъ онъ говорилъ Воротынскому:

„Не хвастаюсь, а въ случаѣ конечно
Никая казнь меня не устрашитъ;
Я самъ не трусъ, но также не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ“ [3]).

Шуйскій *лукавъ.* Онъ проводитъ всѣхъ. Пушкинъ извѣщаетъ Шуйскаго о Самозванцѣ; казалось бы, при честолюбіи Шуйскаго, теперь счастливѣйшее время для исполненія его видовъ. Но Шуйскій очень холодно принимаетъ эту вѣсть, называетъ извѣстіе Пушкина кутерьмою [4]). А впрочемъ и этому вѣстнику онъ совѣтуетъ помолчать до поры да до времени [5]). Царю онъ въ глаза говорилъ:

---

[1]) Годун., карт. 9-я, стр. 305.
[2]) Тамъ же, карт. 3-я, стр. 271.
[3]) Годун., карт. 1-я, стр. 264.
[4]) Годун., карт. 8-я, стр. 299.
[5]) Годун., карт. 8-я, стр. 301.

„Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ" [1]).

Великъ Царь, который усыновилъ сердца своихъ рабовъ; но это сказалъ Годунову Шуйскій, который прежде смѣлость Годунова считалъ главною причиною его славы: „онъ смѣлъ, вотъ и все...." [2]). Такъ Шуйскій—образъ уклончиваго, лукаваго и смѣлаго боярина; онъ изображенъ, какъ признаютъ три критика, мастерски, отлично [3]), такъ, какъ лучше требовать нельзя [4]),—такъ изображенъ, что нѣкоторые его отвѣты и замѣчанія *обращаютъ* на себя *особенное вниманіе* [5]). Полевой Н. А. не видѣлъ никакого характера въ Шуйскомъ; по мнѣнію его, Шуйскій „только вертится безпрерывно около Бориса [6]), стережетъ Москву [7]), проговаривается Воротынскому и пр." [8]).

т) *Пушкинъ* [9])—мятежникъ, презритель Верховной Власти. Эту душу зналъ Годуновъ:

„Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный" [10]).

И вотъ Пушкинъ все горе своего сердца вылилъ предъ Шуйскимъ; ему, будто, хорошо сдѣлалось, что на Годунова, его Царя, нашелъ злой годъ въ лицѣ Самозванца—

„И по дѣломъ ему",

---

[1]) Годун., карт. 9-я, стр. 307.

[2]) Годун., карт. 1-я, стр. 266.

[3]) Г. Надоумко такъ сказалъ. Телеск. 1831, часть I, стр. 565.

[4]) Сказалъ И. Камашевъ. Сынъ Отеч. 1831, ч. 145. стр. 175.

[5]) Слова Г. А. Мартынова. Маякъ 1843. т. IX, критика, стр. 152, 153. Разборъ сценъ первой, третьей, осьмой.

[6]) Шуйскій три раза только являлся предъ лицемъ Бориса. Годун. карт. 1-я, стр. 270, карт. 9-я, стр. 305, карт. 14-я, стр. 338. Развѣ это значитъ *безпрерывно вертѣться около Бориса?!*

[7]) Это было прежде, чѣмъ Шуйскій началъ *вертѣться* около Бориса. Годун., карт. 1-я, стр. 261, карт. 3-я, стр. 270.

[8]) Москов. Телегр. 1833, т. 49, стр. 314. Очерки Рус. Литер., часть I, стр. 198.

[9]) Т. е. Аѳанасій Михайловичъ Пушкинъ.

[10]) Годун., карт. 9-я, стр. 305.

говорилъ Пушкинъ [1]) и тутъ же, безъ оглядки, росписалъ всѣ неустройства Борисова правленія [2]). Онъ бѣду говорилъ, а между тѣмъ говорилъ единственно потому, что „медъ, да бархатное пиво Шуйскаго развязали ему языкъ“ [3]). Значитъ у Пушкина (бояриңа), по Русской пословицѣ, что у тверезаго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ. Какъ мятежникъ, Пушкинъ выставленъ читателю во всемъ свѣтѣ. Подобные Пушкину люди вѣчно недовольны.

ф) *Басмановъ* — доблій витязь Русскій, главный воевода, le brave Basmanoff, по выраженію Маржерета [4]). Онъ стоитъ за честь своего народа; но за Царя Бориса онъ не можетъ стоять. Тутъ Басмановъ борется съ долгомъ чести и измѣною. Пока нѣтъ искушенія огненнаго Басманову на полѣ ратномъ, онъ храбраго духа,—это древній воинъ изъ дружины Святослава:

Государь,
Трехъ мѣсяцевъ отныпѣ не пройдетъ,
И замолчитъ и слухъ о Самозванцѣ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ.... [5]).

А вотъ, по смерти Бориса, вся Россія пошатнулась въ вѣрованіи, будто Самозванецъ не Димитрій; измѣна вездѣ созрѣла юному Ѳеодору [6]). И гдѣ храбрый духъ Басманова дѣвался? Поколебалась его мужественная грудь: Басмановъ измѣнилъ [7]).

Такимъ образомъ эти четыре лица необходимы въ общемъ ходѣ дѣйствія. Они живописуютъ предъ нами ту мысль безотрадную и великую, какъ, въ слѣдствіе преступленія Царя,

---

[1]) Годун., карт. 8-я, стр. 300.
[2]) Тамъ же, стр. 300.
[3]) Годун., карт. 8-я, стр. 301.
[4]) Тамъ же, карт. 15-я, стр. 342.
[5]) Тамъ же, карт. 14-я, стр. 334.
[6]) Тамъ же, карт. 20-я, стр. 367.
[7]) Годун., карт. 20-я, стр. 367.

главы государства, падаютъ всѣ главныя опоры его, цвѣтъ общества изсыхаетъ — бояре. Два боярина (Воротынскій и Шуйскій) сами хотятъ въ Цари; третій недоволенъ Царемъ и бунтуетъ (Пушкинъ), четвертый до поры служитъ вѣрою и правдою, но лишь вездѣ—измѣна, и онъ не хочетъ устоять противъ всеобщаго распаденія—это Басмановъ.

Всѣ другія лица въ трагедіи Пушкина имѣютъ свой опредѣленный образъ дѣйствія, *свою* душу. Такими представлены: *Рузя*, *баба* съ ребенкомъ, *старуха*, подавшая юродивому копѣечку, *самъ юродивый* и *народъ*.

х) *Рузя*, убирающая Марину на вечеръ, гдѣ будетъ Димитрій, есть живой образъ парикмахерши, готовой *болтать пустяки* до самаго *свѣта* тому, кого она убираетъ [1]). Она мелкимъ бѣсомъ разсыпается передъ надменною Мариною, называетъ ее *солнцемъ*, глядя на которое *мужчины ахали, красавицы шептали* [2]). Если вѣрить Рузѣ, то Марина можетъ хоть кого свести съ ума; ее увидѣлъ въ первый разъ Хоткевичъ молодой и—застрѣлился послѣ онъ [3]). Всѣ влюбляются въ Марину, рѣшительно всѣ:

„Кто ни взглянулъ, тутъ и влюбился“.

Она увѣряетъ, что *Царевичъ* ужъ *раненъ* Мариною; никто не смѣетъ красотою равняться съ ея госпожею [4]). И изъ чего же Рузя такъ разсыпалась похвалами предъ Мариною о самой Маринѣ? Неужели Марина подлинно была красавица, по суду всѣхъ? На вечерѣ, къ которому убирала Рузя Марину, госпожа Рузи, ея *пани* [5]), сводившая, по словамъ парикмахерши, всѣхъ съ ума, не блеснула красотою. Одинъ кавалеръ дивился, „что̀ въ ней нашелъ Димитрій“ и прямо сказалъ о Маринѣ:

---

[1]) Сцена добавочная. Уборная Марины. См. выше, стр. 65.

[2]) Сцена добавочная.

[3]) Уборная Марины (добавочная сцена).

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же.

„Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки...“ [1]).

Такъ что же заставило Рузю на поваль хвалить Марину? Сама Рузя отвѣчаетъ на этотъ вопросъ:

„Ахъ, Боже мой! Дождусь ли дня?...
Не правда ли, когда въ свою столицу
Димитрій повезетъ Московскую Царицу,
Вы не оставите *меня?*“ [2])

Такъ Рузя—живой, нашъ, знакомый намъ парикмахеръ. Такой человѣкъ чего вамъ ни насулитъ, какъ васъ ни назоветъ, только берите *его*, его *одного* себѣ въ парикмахеры...

ц) *Баба* съ ребенкомъ вмѣстѣ съ другими пришла умолять Бориса на престолъ. Плачетъ ея безпокойный ребенокъ; она его утѣшаетъ *буками*, заставляетъ не *плакать*. А вотъ всѣ пали на колѣни; весь народъ завылъ и заплакалъ: въ это время ребенокъ *затихъ*. Баба заставляетъ его плакать:

„Ну что жъ? Какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! (ребенокъ плачетъ)
Ну, то-то же“ [3]).

Развѣ баба эта не живьемъ взятый изъ Русской жизни образъ? Подобныя бабы есть во всѣхъ захолустьяхъ Россіи. Онѣ представляютъ, что дѣти, которыхъ онѣ на рукахъ пѣстуютъ, вполнѣ понимаютъ языкъ своихъ нянекъ.... Улыбку дитяти считаютъ уже за понятіе; обыкновенная пѣсня подобныхъ нянекъ выражается въ немногихъ словахъ: „даромъ что̀ ребенокъ, а *все* понимаетъ“. Это можно слышать всегда, сто̀итъ только послѣдить за языкомъ и разговоромъ няни съ шестимѣсячнымъ ребенкомъ....

ч) *Старуха*, подавшая юродивому копѣечку, образъ набожной старухи, отжившей свой вѣкъ. Она объ одномъ про-

---

[1]) Годун., карт. 11-я, стр. 319.
[2]) Уборная Марины.
[3]) Сцена добавочная: «Дѣвичье Поле». См. выше, стр. 65, подъ чертою.

сить юродиваго, какъ человѣка святаго, чтобъ онъ помянулъ ее и помолился за нее грѣшную [1]) и тотъ же часъ даетъ ему копѣйку.

СТАРУХА.

„...Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

ЮРОДИВЫЙ.

Дай, дай, дай копѣечку.

СТАРУХА.

Вотъ тебѣ копѣечка; помяни же меня".

Подобныя явленія во очію нашею совершаются. Старуха подаетъ нищему копѣйку; здѣсь еще — не конецъ дѣлу: она послѣ перекрестится и непремѣнно попроситъ его вспомянуть ее въ своихъ грѣшныхъ молитвахъ: „нà, старичекъ, молись". Вотъ желанная просьба простаго Русскаго человѣка!... На ярмаркахъ нашихъ, тамъ, въ селахъ и городахъ Россіи, въ глуши, въ забытыхъ, по выраженію понимавшаго Русь поэта,— въ забытыхъ углахъ ея—безконечной [2]) являются нищіе, поютъ псальмы...; тамъ сколько вы увидите бабъ и всякаго рода людей, которые, подавая пѣвцамъ грошъ (у Пушкина юродивый поетъ [3])—здѣсь же поминаютъ всѣхъ своихъ усопшихъ братій, а псальмопѣвцы повторяютъ эти имена и слова: „помяни Господи! Помяни Господи!" — ихъ непрестающая пѣсня.... Молитвы, одной молитвы проситъ Русскій у людей, коимъ Богъ не судилъ видѣть свѣту бѣлаго, его всѣхъ благихъ.... Великъ, Русски-великъ поэтъ, высказавшій читателю своему въ немногихъ простыхъ словахъ эту святую черту Русскаго народа, которую такъ глубоко и мѣтко выразилъ самъ народъ въ двухъ словахъ: „*безъ Бога, не до порога...*" [4]).

---

[1]) Годун., карт. 16-я, стр. 345.

[2]) Гоголь, въ «Мертвыхъ душахъ», ч. I, гл. XI.

[3]) Годун., карт. 16-я, стр. 345.

[4]) Поразилъ насъ слѣдующій отзывъ объ А. С. Пушкинѣ: «Пушкину *вовсе* не доставало Русской *народности*». Сказалъ это С. Бурачекъ, изда-

ш) *Юродивый*, ревнитель правды. Ни предъ кѣмъ онъ не побоится сказать правду; подъ мечемъ онъ вымолвитъ ее. Въ глаза Борису онъ назвалъ его убійцею Царевича [1]). Не называлъ онъ Царя своего:—Царемъ-батюшкой, а просто—*Борисомъ*. Это—*блаженный* [2]) Русскій, самимъ Богомъ посланный на землю обличать неправды людскія. Такъ вѣруетъ и народъ, такъ смотритъ на юродивыхъ онъ. Борисъ, какъ Царь *Русскій*, Царь *набожный* [3]), попросилъ юродиваго молиться за него. Юродивый отказался: „Сама Богородица не велитъ, сказалъ онъ, молиться за Царя Ирода" [4]). Преступленіе Царя велико, оно выше всѣхъ преступленій, какія только можетъ совершить человѣкъ, а тѣмъ болѣе *Русскій* Царь: и юродивый, какъ вѣщій голосъ самого Правосудія, не удостоилъ

тель Маяка, журнала (какъ сказано на заглавномъ листѣ) въ духѣ *народности* Русской. 1843, т. 10, стр. 136, критика. Мы и еще приведемъ въ своемъ мѣстѣ отзывы о Пушкинѣ С. Бурачка и А. Мартынова. Скрѣпя сердце, будемъ писать... Удивительно только то, какъ *чужеземецъ* могъ сказать: «Созданія Пушкина всѣ полны Россіею, Россіею во всѣхъ ея направленіяхъ и видахъ» (von Rusland in allen Richtungen und Gestalten). Фарнгагенъ фон-Энзе. Въ указанной выше (стр. 57) книгѣ, стр. 602.

[1]) Годун., карт. 16-я, стр. 346.

[2]) Годун., карт. 16-я, стр. 345.

[3]) Карамзинъ такъ называетъ Годунова. Исторія Госуд. Рос. Т. XI, гл. II, стр. 102. Изд. третіе.

[4]) А. Мартыновъ находитъ отвѣтъ юродиваго Годунову «*несправедливымъ и неправдоподобнымъ*. Неправда, говоритъ онъ противъ Пушкина: Самъ Спаситель на крестѣ молился за своихъ мучителей и заповѣдалъ молиться за творящихъ напасть... И рѣчь юродиваго, хотя бы онъ былъ и дуракъ, не прилична». Маякъ 1843, т. IX, крит., стр. 155. Тутъ двѣ неправды. Во-первыхъ юродиваго нельзя назвать *дуракомъ:* народъ на юродивыхъ смотритъ какъ на нѣчто *святое*. Карамзинъ это и замѣтилъ, говоря объ юродивомъ, обличавшемъ Бориса. Примѣч. 469, т. X. Во-вторыхъ Православная Русская Церковь, въ недѣлю Православія, произносила анаѳему Гришкѣ Отрепьеву, Ивану Мазепѣ; значитъ ли, что она забываетъ заповѣдь Спасителя о молитвѣ за враговъ? Значитъ ли, что ея судъ *не приличенъ?!...* Она молитъ о мирѣ всего міра и въ то же время предаетъ грозному суду своему людей, коихъ мѣра беззаконія исполнилась.

своей молитвы Царя.... Какъ здѣсь поэтъ недосягаемо великъ! Припомнимъ юродиваго *Салоса* Николу. Іоаннъ Грозный пришелъ во Псковъ, зашелъ въ келлію къ старцу Салосу Николѣ, *иже Христа ради*, по выраженію лѣтописи, *похабъ ся творя*, — сей прямо сказалъ Царю: „Ивашко! Ивашко! [1]) долго ли тебѣ лить неповинную кровь Христіанскую?“ Вмѣстѣ съ симъ онъ предложилъ Іоанну кусокъ сыраго мяса: „Я Христіанинъ, сказалъ Іоаннъ, и не ѣмъ мяса въ Великій постъ“, а Никола отвѣчалъ: „ты дѣлаешь хуже, питаешься человѣческою плотію и кровію, забывая не только постъ, но и Бога [2]). Что же грозный Царь? Немедленно выѣхалъ изъ города, говоритъ исторіографъ.... И Годуновъ не посмѣлъ коснуться своего обличителя, по представленію разбираемаго нами поэта. Значитъ Русскій взглядъ на юродиваго изобразилъ намъ поэтъ. Противъ воли иногда вѣришь (если кому случалось) предвѣщаніямъ подобныхъ людей, каковы у насъ юродивые. Никакія тяжелыя умствованія не успокоютъ духа, если юродивый скажетъ свое грозное вамъ слово.... Никто его не касается, никто его не трогаетъ, если онъ идетъ обвѣшанный веригами, только мальчишки толпою снуютъ за нимъ, какъ и видимъ въ трагедіи Пушкина....

щ) *Народъ* является въ дѣйствіи пять разъ. Немного словъ мы слышимъ отъ него въ трагедіи. Поэтъ не далъ особаго имени никому изъ отдѣльныхъ лицъ народа. Нѣтъ тутъ ни Василія, ни Петра.... Но знаемъ и видимъ, что̀ говоритъ Русскій народъ. Пусть себѣ онъ говоритъ мало; на это — важная причина есть. Нашъ народъ не велерѣчивъ; онъ не громокъ на словахъ, а думаетъ, по выраженію дѣдушки Кры-

---

[1]) У Пушкина юродивый говоритъ: «Борисъ! Борисъ!» Годун., карт. 16-я, стр. 346.

[2]) Это было въ 1570 году. Изъ извѣстій Таубе, Крузе и Флетчера, а также изъ Псковской лѣтописи *Карамзинъ* приводитъ эти слова. Примѣч. 298 къ IX т.

лова, про себя великую думу, безъ шуму [1]). Потому и у Пушкина народъ мало говоритъ. Но вслушаемся въ рѣчь народа.... Какъ она богата и неистощимо-глубока мыслями! Первыми словами, первымъ выходомъ народъ уже высказываетъ свою родимую думу, — ту думу, что безъ Царя не умѣетъ, не можетъ и не смѣетъ жить онъ.... Борисъ прогналъ отъ себя святителей, бояръ и патріарха; не согласился престола взять [2]). Народъ загоревалъ:

„О Боже мой, кто будетъ нами править? О горе намъ!“ [3]).

Борисъ согласился, но его сестра еще не соглашается.... Народъ завылъ; какъ волны западалъ за рядомъ рядъ на колѣна; все Дѣвичье-Поле сдѣлалось тѣсно. Все слилось въ одинъ плачущій голосъ: „Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами! Будь нашъ отецъ, нашъ царь“ [4]). Этотъ всеобщій зовъ боярина на царскій тронъ не есть ли нашъ древне-славянскій зовъ Варяговъ для водворенія порядка на Руси? „Земля наша добра есть, говорилъ предокъ нашъ — Славянинъ, за́-море отправившійся искать себѣ князя, — и велика и изобильна всѣмъ, а нарядникъ въ ней нѣсть: поидѣте къ намъ княжити и владѣти нами“ [5]). Горе безъ Царя —съ этимъ убѣжденіемъ испоконъ вѣку жила—

---

[1]) А. С. Пушкинъ назвалъ Крылова «во всѣхъ отношеніяхъ народнымъ нашимъ поэтомъ» (le plus national et le plus populaire).

[2]) Годун., карт. 2-я, стр. 267.

[3]) В. Плаксинъ на этотъ стихъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «*Боже мой!* Это голосъ не Русскаго народа! Русскій одинъ не скажетъ о Богѣ: *мой*, а говоритъ обыкновенно: *нашъ!* И притомъ Русскіе любятъ сложныя восклицанія и воззванія, напр.: ахъ, Господи Боже мой! О Пресвятая Богородица!» Сынъ Отеч. 1831, часть 142, стр. 289.—Мы въ жизнь свою не слыхали, чтобъ простой человѣкъ сдѣлалъ подобное послѣднему восклицаніе. Въ книгахъ церковныхъ есть оно, но народъ, идя въ поле, или сидя дома, или въ молитвѣ своей не скажетъ такъ и не говоритъ. А первое замѣчаніе не вѣрно.

[4]) Дѣвичье-Поле.

[5]) Соф. Врем. I, стр. 12.

„Наша Русь Державная,
Наша родина православная“ [1]);

скоро тысяча лѣтъ пройдетъ съ того времени, когда положено основаніе Руси; это убѣжденіе было первымъ краеугольнымъ камнемъ въ семъ основаніи. Съ нимъ, какъ съ своею мыслію и душею жила Россія; съ нимъ она и предстанетъ предъ общаго Царя царствъ и народовъ.... [2]).

И другое свойство всего Русскаго простаго народа выразилъ поэтъ—сознаніе своего смиренія, всецѣлую преданность волѣ высшей. „О чемъ тамъ плачутъ“, спросилъ одинъ изъ народа у своего сосѣда, когда всѣ заплакали, не надѣясь умолить Бориса принять царскую власть,—

„О чемъ тамъ плачутъ?

Другой.

А какъ намъ знать? то вѣдаютъ Бояре—не намъ чета“ [3]).

Одинъ.

Всѣ плачутъ—
Заплачемъ, братъ, и мы!

Другой.

Да слезъ-то нѣтъ.
Что тамъ еще?

Первый.

Да кто ихъ разберетъ?“ [4]).

Нашъ народъ считаетъ себя почти вовсе не свѣдущимъ въ дѣлахъ государственныхъ; все писаное, все книжное ему не

[1]) Слова И. Никитина изъ его стихотворенія: *Русь*. Спб. Вѣдомости. 1853, № 275. См. сочиненія И. С. Никитина. Съ біографіей М. Ѳ. Де-Пуле. Воронежъ. 1869, ч. I.

[2]) Прекрасно замѣтилъ одинъ критикъ приведеннаго стиха Пушкина: «О Боже мой! Кто будетъ нами править!», что этимъ началась наша Исторія; этимъ вѣроятно она и кончится«. Галатея 1839, часть 4, стр. 50.

[3]) Дѣвичье-Поле.

[4]) Тамъ же.

по плечу. Законовъ Русскаго своего царства онъ не читалъ: „то вѣдаютъ Бояре—не ему чета“. За то, какой законовѣдъ (юристъ) исполнитъ такъ слова закона, какъ нашъ мало-книжный народъ, *темный*, какъ онъ самъ себя называетъ? Ему сказано: дѣлай такъ,—и дѣлаетъ. Всѣ плачутъ, и онъ заплачетъ, хотя бы и слезъ не было.... Почему это нужно дѣлать—народъ не спроситъ: то вѣдаютъ бояре.... Куда они—исполнители царской воли поведутъ народъ, туда онъ и идетъ. Предали бояре Россію Самозванцу; Пушкинъ съ лобнаго мѣста объявилъ имъ, да бьютъ челомъ отцу и Государю, Лжедимитрію, увѣрилъ онъ ихъ въ томъ,—и народъ призналъ Самозванца своимъ отцемъ:

„Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
Да здравствуетъ Димитрій нашъ отецъ!“ [1]).

Сказалъ и — понесся толпою во Кремль вязать Борисова щенка.... [2]). Онъ уже не жалѣетъ „проклятаго племени“ Бориса [3]); зачѣмъ оно присвоило себѣ святотатственными руками власть царскую?!.. Бояре объявили, что Марія Годунова и сынъ ея Өеодоръ отравили себя ядомъ; народъ не закричалъ: Да здравствуетъ Царь Димитрій Ивановичъ, какъ того требовалъ бояринъ. Народъ безмолвно стоялъ; ибо уже изъ опыта узналъ, какъ самые высшіе умы во свѣтѣ не видятъ свѣта. Потому онъ оцѣпенѣлъ; задумался и самъ не знаетъ, что дѣлать: тутъ ужъ Богъ знаетъ, что дѣлать, — какъ часто говоритъ народъ, не могущій и ума приложить къ извѣстнымъ крутымъ дѣламъ [4]).

---

[1]) Годун., карт. 21-я, стр. 369.
[2]) Годун., карт. 21-я, 370 стр.
[3]) Годун., карт. 22-я, 371 стр.
[4]) Фарнгагенъ фон-Энзе, разсказавъ содержаніе трагедіи, замѣчаетъ: «Такъ заключается драма, заключается величественнымъ впечатлѣніемъ, въ которомъ сосредоточивается вся сила совершившагося и въ которомъ таится предчувствіе новой Немезиды, для новаго преступленія». Отеч. Зап. 1839, т. III, стр. 22, критика. «So schliesst das Drama, mit einem

Такъ слѣдя за мыслію и дѣйствіемъ народа, скажешь, что это *нашъ* народъ; скажешь, что *нашъ*, Русскій поэтъ говорилъ языкомъ его и зрѣлся въ дѣйствіяхъ его.

„Ты нашъ! Ты нашъ! родныя чувства
Сказались намъ, тебя мы ждемъ,
Мечты любимецъ, жрецъ искусства,
Святымъ проникнутый огнемъ"…. [1]).

Двадцать пять лицъ, входящихъ въ дѣйствіе, мы отмѣтили. Видѣли, что каждое имѣетъ свой взглядъ, свой образъ мысли, свое дѣйствованіе. Поэтъ перемыслилъ мыслями всѣхъ лицъ, развивающихъ одну главную идею его; никто себѣ не измѣняетъ въ дѣйствіи. Григорій мыслитъ и дѣйствуетъ троякою, если можно сказать, душею: какъ монахъ, какъ мирянинъ-Отрепьевъ и какъ сынъ Царя-Лжедимитрій. Разобравши почти всѣ лица, и указавши ихъ души, мы можемъ заключить свой судъ о характерахъ трагедіи Пушкина словами нѣмецкаго, зоркаго, глубокомысленнаго критическаго ума: „Обрисовка характеровъ столько же зрѣла, сколько разнообразна; первымъ появленіемъ, первыми словами лица живо обозначены и твердо поставлены [2]). Властитель, бояре, духовенство, народъ—всѣ являются въ ихъ дѣйствительномъ различіи; кисть художника равносильна, равно-вѣрна въ изображеніи какъ многоличнаго народа (für die Vielgestalt des Volkes), такъ царя и патріарха, какъ католическаго, такъ и Греческаго монаха, какъ честолюбивой Польки, такъ и *кротк-*

---

grossartigen Eindruck, in welchem das Ganze Gewicht des Geschehenem sich zusammendrängt und für das neue Verbrechen schon die neue Nemesis ahnden lässt». Denkwürdigkeiten von Varng, von Ense. 5 Band. 1843, стр. 616. Русскій переводъ М. Н. Каткова.

[1]) А. Хомяковъ «Къ Поэту». Отеч. Зап. 1839, т. III. Словесность, стр. 135.

[2]) Напр. Шуйскій. Григорій, Борисъ, Пименъ, народъ, Ксенія и пр. первыми словами и выходомъ (mit dem ersten Auftreten, mit den ersten Worten) показываютъ *свою* душу.

кой царской дочери (für die *sanfte* Zarentochter); пылкое геройство, осторожная политика, пламенная страсть, священное *безстрастіе*[1]) и простота—*все является въ своемъ истинномъ видѣ*[2]), все выговариваетъ свое *сокровеннѣйшее*, отличительнѣйшее существо" [3]). Тутъ всякій герой, скажемъ словами Гоголя: ни одно колесо въ этой живой машинѣ не остается, какъ ржавое и не входящее въ дѣло [4]). Разнообразіе характеровъ, множество мѣстностей, гдѣ дѣйствуютъ лица трагедіи, показываютъ особенную силу поэтическаго генія Пушкина. Каждая мѣстность приспособлена къ образу дѣйствія лица. Поэтъ жизни хотѣлъ, какъ замѣтилъ Камашевъ [5]), когда постоянно переходилъ отъ одного мѣста къ другому въ своей трагедіи. И это множество мѣстностей, это различіе лицъ еще болѣе содѣйствуетъ общему впечатлѣнію; ибо единится одною главною мыслію поэта, духомъ единымъ [6]). Вотъ изображеніе удальцевъ заволжскихъ:

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися...." [7]).

---

[1]) Въ подлинникѣ нѣтъ этого слова, тамъ стоитъ только: *heilige Einfalt* (святая простота).

[2]) Эти пять словъ М. Н. Катковъ прибавилъ.

[3]) Въ подлинникѣ послѣднее мѣсто такъ читается....: «Heldensinn (т. е. помыслы геройскіе, а не *пылкое геройство)* und staatsweisheit so auch Liebesgluth (т. е. счастье любви, а не *пламенная* страсть) und *heilige Einfalt* lässt er (Dichter) ihr *eigenstes Wesen* aussprechen». Въ указанной книгѣ Фарнгагена стр. 617. Въ Отеч. Зап. 1839, т. III, стр. 23, 24. Критика.

[4]) Соч. Н. В. Гоголя, Театр. Разъѣздъ.

[5]) Сынъ Отеч., часть 145, стр. 105.

[6]) Замѣтилъ одинъ критикъ, что «не связанныя на видъ сцены заключаютъ какое-то единство, обрамленное осмью годами царствованія Бориса Годунова». Галатея 1839, ч. 4, стр. 46.

[7]) Братья-Разбойники. Соч. А. С. Пушкина.

Что же связуетъ это все множество племенъ, нарѣчій, состояній? Что миритъ этого дикаго финна съ вездѣ кочующимъ цыганомъ?

„Здѣсь цѣль *одна* для всѣхъ сердецъ“.

Въ единствѣ цѣли и главной мысли, въ которыхъ сливаются души всѣхъ, заключается единство разнообразныхъ характеровъ, разнообразія мѣстъ и своеобразія стремленій. Въ трагедіи Пушкина—смѣсь племенъ и лицъ; есть здѣсь пришельцы изъ *хатъ* (весь народъ), изъ келлій (Пименъ и Григорій), изъ темницъ (—опальные Московскіе, всѣ бѣглецы). Но всѣ они стремятся къ одной цѣли; одною главною мыслію проникнуты. Разнообразныя мѣстности, разнообразныя личности въ трагедіи Пушкина суть пластинки одного гальваническаго столба. Возьмите за оба конца этотъ столбъ: онъ весь потрясется; ибо одна сила живетъ въ этихъ пластинкахъ мѣдныхъ, суконныхъ и свинцовыхъ. Смотрите на первую картину трагедіи Пушкина и на послѣднюю, вникните и — васъ потрясетъ одна мысль, одно впечатлѣніе: „къ какимъ бѣдамъ повело Бориса Годунова единое пятно въ его совѣсти“. Изъ-за него все поднялось, изъ-за него все творилось.... [1]).

4) Вотъ отзывы, которые дали критики объ *языкѣ* дѣйствующихъ лицъ въ трагедіи Пушкина.

В. Плаксинъ сказалъ: „Г. Пушкинъ, послѣ И. А. Крылова, въ своемъ родѣ, по всей справедливости можетъ назваться первымъ народнымъ поэтомъ, въ полномъ смыслѣ

---

[1]) А. Мартыновъ, обозрѣвая сочиненія Пушкина, сказалъ: «созданіе и построеніе его поэмъ.... слабо, несвязно, небрежно.... Пушкинъ вообще строился на легкѣ, на́ скоро, какъ-нибудь, на песочкѣ....» Маякъ 1843, т. 10, критика, стр. 31. Фарнгагенъ фон-Энзе говорилъ: «у Пушкина все сжато и ярко, опредѣленно и быстро, ничего лишняго, ничего растянутаго». Отеч. Зап. 1839, т. III, стр. 24. Въ «Denkwürd. Varnh. von Ense» часть 5, стр. 617—18. И Русскій критикъ говорилъ: «въ картинахъ Пушкина нигдѣ нѣтъ лишняго стиха, лишняго слова, все въ своихъ предѣлахъ и пр.». Галатея 1839, часть 4, стр. 48.—Неужели это значитъ строиться на песочкѣ?!...

этого выраженія. Всѣ ихъ предшественники, классики и романтики писали для немногихъ, для высшихъ только сословій.... Г. Пушкинъ не старается, такъ сказать, *орыцаретворить* Русскихъ витязей; онъ.... разработываетъ богатый, неисчерпаемый рудникъ языка народнаго; его можно назвать окончательнымъ образователемъ внѣшней стороны нашей поэзіи" [1]).

И. Ср. Камашевъ пишетъ: „говорить объ языкѣ Пушкина—значило бы только хвалить его [2]).

Н. А. Полевой видѣлъ красоту языка Пушкина: „языкъ, говоритъ Полевой, доведенъ въ Годуновѣ до возможной степени совершенства, по крайней мѣрѣ въ наше время" [3]).

Олинъ далъ свое мнѣніе объ языкѣ Бориса Годунова: „что касается до поэтичности Г. Пушкина въ Борисѣ Годуновѣ, она, такъ какъ и во всѣхъ его произведеніяхъ, свободна, вѣрна, благозвучна, граціозна и благородна, и одна только можетъ быть искупаетъ слабыя идеи [4]), за исключеніемъ нѣкоторыхъ стиховъ (и фразъ прозаическихъ), а именно:

---

[1]) Сынъ Отеч. 1831, часть 142, стр. 215—16. Но вотъ онъ какое замѣчаніе сдѣлалъ, читая слѣд. стихъ Пушкина:

«Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина».

Это сравненіе, говоритъ В. Плаксинъ, не всегда можетъ быть позволено даже въ комедіи, и притомъ выраженіе: *что* пьяница *предъ* чаркою поморщится, не правильно, ибо частица *что* тогда только употребляется въ сравнительномъ смыслѣ, когда мы сравненіе произносимъ съ удивленіемъ». Стр. 289.

[2]) Тамъ же, часть 145, стр. 179.

[3]) Москов. Телегр. 1831, часть 37, стр. 246.

[4]) Замѣчательно, что и позднѣйшіе критики упрекаютъ Пушкина въ бѣдности идей и содержанія. В. Плаксинъ сказалъ: «большая часть его поэмъ отличается бѣдностію содержанія». С. От. 1831, ч. 143, стр. 216. Въ 1843 г. Г. А. Мартыновъ повторилъ ту же мысль: «содержаніе драмъ и повѣстей Пушкина, сказалъ онъ, слабенькое, легонькое, жиденькое, пустенькое..., кое-какъ смѣтанное на живую ниточку изъ расхожихъ ежедневностей и раздутыхъ гиберболическихъ страстишекъ». Маякъ, т. 10, стр. 33, критика. С. Бурачевъ пишетъ: «Пушкинъ лишь повторялъ *общія мѣста* пустыхъ мыслей, нечистыхъ чувствъ и разгульныхъ страстей». Тамъ же, стр. 136.

„Пострѣлъ, окаянный!"

Это говоритъ патріархъ!!

„Пріиде грѣхъ велій на языцы земніи".

Языцы, или языки (язычники) должны быть необходимо *земные*, ибо небесныхъ нѣтъ. Слово—языцы, въ смыслѣ библейскомъ, означаетъ именно всѣ народы, за исключеніемъ одного Израильскаго. Слѣдовательно честный инокъ Варлаамъ немного сбился въ своей діалектикѣ.

„Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу!"

Рѣчь, приличная какому-нибудь простолюдину, но не въ устахъ Царя.

„Иль это дрожь желаній напряженныхъ?"

Непріятно. и даже безвкусно.

„Онъ изъ любви со мною проболтался!"

Низко и слишкомъ разговорно. Подобныя простоты чрезъ чуръ просты и неумѣстны....

„Я видѣлъ какъ сегодня въ гущу боя".

Есть гуща пивная, квасная и пр., но густоту или сгущеніе замѣнять *гущею* никакъ невозможно. Употребленіе тиранъ языка, и если слово, въ умѣ читателя хотя сколько-нибудь можетъ имѣть смѣшную сторону, прочь, прочь его скорѣе, замѣняйте сейчасъ же другимъ. Никогда не должно казаться смѣшнымъ" [1]).

---

[1]) Колокольчикъ 1831, стр. 24. Олинъ не означилъ даже страницъ, гдѣ можно найти подобныя *прозаическія фразы*. Они находятся въ картинахъ 5-й, 7-й, 11-й, 12-й, 18-й. Тогда же О. М. Соловъ замѣтилъ: «жаль, что сія нѣжная заботливость о чистотѣ вкуса и языка пришла нѣсколько поздо на мысль почтенному Автору *Корсера* *): тогда бы у него *волны не вставали на дыбы*, чтобы *поглотить сердце Медоры*, не было бы ни *летучаго* нектара, ни *несчастій брызжущихъ за края* изъ *чаши бытія*». Литер. Газета 1831, стр. 40. Н. Камашевъ назвалъ замѣчанія Олина *ничтожными*, подбирающими только *соринки*. Сынъ Отеч. 1831, часть 145, стр. 179.

*) У Олина есть трагедія: *Корсеръ*, въ 3 дѣйствіяхъ, съ хорами, романсомъ и двумя пѣснями: Турецкою и Аравійскою и пр. 1827 г.

Фарнгагенъ фон-Энзе отмѣтилъ внѣшнюю сторону языка Бориса Годунова: „Равномѣрность, сказалъ онъ, десяти и одиннадцати-сложнаго ямбическаго стиха, управляемаго искусною рукою мастера, нигдѣ не прерывается лирическими строфами [1]), а иногда переходитъ, гдѣ говоритъ народъ, въ простую прозу [2]).

Профессоръ Шевыревъ († 1864 г.) истинно сказалъ, что „Пушкину достался счастливый удѣлъ облечь красоту поэзіи въ образъ самый народный" [3]).

Еще въ 1831 году Шевыревъ просилъ Пушкина беречь Русскій языкъ, „весь звуками богатый, какъ природа". Съ особеннымъ сочувствіемъ къ прекраснымъ мыслямъ тогда еще молодаго профессора (род. 1806 г.) Русской Словесности, мы приводимъ это посланіе, хотя вкратцѣ:

Посланіе къ А. С. Пушкину [4]).

Изъ гроба древности тебѣ привѣтъ [5]):
Тебѣ сей гласъ, гласъ не окрѣплый, юный;
Тебѣ звучатъ, нашъ каммеръ-тонъ поэтъ,
На ладъ твоихъ настроенныя струны.

. . . .

Когда....
Мой быстрый духъ родную Русь объемлетъ,
Онъ слышитъ тамъ: со плесками морей,

---

[1]) А Русскій критикъ нашелъ, что *лиризмъ* главный недостатокъ Годунова. Сынъ Отеч. 1831, часть 145, стр. 175.

[2]) Отеч. Зап. 1839, т. III, критика, стр. 24. Въ подлинникѣ такъ читается: «....die Gleichmässigkeit des zehn und elfsilbigen jambischen Verses, der mit grosser Sicherheit gehandhabt ist, wird nicht durch lyrische Strophen unterbrochen, Sondern nur hin und wieder, wo das Volk redet, durch schlichte Prosa». Denkwürd., стр. 618.

[3]) Отчетъ Москов. Университета за 1853 годъ, стр. 56.

[4]) Денница, альманахъ на 1831, М. Максимовича, стр. 107 и далѣе.

[5]) Шевыревъ изъ Рима писалъ Пушкину. 1830. Августъ. Римъ. Тамъ же, въ концѣ посланія.

И съ воемъ рѣкъ, лѣсовъ благословенныхъ,
Гремитъ языкъ, созвучно вторя имъ,
Отъ бѣлыхъ льдовъ до водъ, біющихъ въ Крымъ
Изъ свѣжихъ устъ могучаго народа,
Весь звуками богатый, какъ природа.
Душа кипитъ!...

. . . .

Какой тогда хвалой гремлю я къ Богу,
Что сей языкъ Онъ мнѣ вложилъ въ уста.
Но *чьи* изъ всѣхъ родимыхъ звуковъ мнѣ
Тѣснятся въ грудь неотразимой силой?
Все Русское звучитъ въ ихъ глубинѣ,
Надежды всѣ и слава Руси милой,
Что съ дѣтскихъ лѣтъ втвердилося въ слова̀,
Что̀ сердце жметъ и будитъ вздохъ заочный:
Твои—пѣвецъ! Избранникъ Божества,
Любовію народа полномочный!
Ты Русскихъ душъ на всѣ лады орга̀нъ,
Помазанный Державинымъ предтеча,
Ты—колоколъ во славу Россіянъ".

Описываетъ потомъ всю жизнь языка до Пушкина:

Сей богатырь, сей Муромецъ Илья,
Баюканный на льдахъ подъ вихремъ мразнымъ....
Что-жъ нынѣ сталъ нашъ мощный богатырь?
Онъ Гальскою діэтою замученъ,
Весь испитой, сталъ блѣденъ, вялъ и скученъ.

. . . .

Отъ слова ль праздный слогъ
Чуть отогнешь, небережно ли вынешь,
Тѣснѣе ль въ рѣчь мысль новую водвинешь,
Ужъ боленъ онъ, не вынесетъ....
И мысль на немъ, какъ грузъ какой лежитъ!

. . . .

Тебѣ открытъ природный въ немъ составъ,
Тебѣ знакомъ и звукъ его и нравъ,
Врачуй его: подъ хладнымъ Русскимъ Фебомъ
Корми его почаще сытнымъ хлѣбомъ,
Отъ суетныхъ печалей отъучи
И Русскими въ немъ чувствами звучи,—
Чтобъ богатырь стряхнулъ свой сонъ глубокій,
Далъ звукъ густой и сильный и широкій,
Чтобъ славою отчизны прогудѣлъ.... [1]).

Поэтъ вполнѣ соблюлъ это желаніе ученаго. Главная задача языка—совершенно выразить мысль, чувствованіе человѣка. Оттого, какъ глубоко замѣтилъ проф. И. И. Срезневскій, въ языкѣ каждое слово есть выраженіе жизни народной. Строй рѣчи въ трагедіи Пушкина вездѣ идетъ по настроенію души. Душа Бориса поражена, она взволнована и—рѣчь его прерывиста:

„Довольно, удались, говоритъ онъ Шуйскому,
Ухъ, тяжело!... Дай духъ переведу!
Я чувствовалъ....“

Великія думы наполняютъ сердце Царя, души бояръ, патріарха, и рѣчь ихъ течетъ величаво, торжественно, важно. Такова рѣчь Бориса при вступленіи его на престолъ, такова бесѣда его съ самимъ собою, когда онъ началъ томиться жизнію, — рѣчь бояръ въ домѣ Шуйскаго, рѣчь Шуйскаго въ Думѣ Царя. Умилительна рѣчь патріарха въ совѣтѣ Бориса, рѣчь его безукрашенна, не мудра, ибо и онъ въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія. Бесѣда Пимена степенна, ровна и тиха, какъ его келья, гдѣ лежатъ его четки, клобукъ и молитвенникъ. Представляетъ поэтъ человѣка съ душею низкою; типа

---

[1]) Это посланіе заслужило одобреніе и въ тогдашнихъ журналахъ. Литер. Приб. къ Рус. Инвалиду 1831, стр. 198. Сѣв. Мерк., стр. 96. Литер. Газета, стр. 131. Въ первомъ журналѣ и послѣднемъ приведены даже отрывки. Телеск. 1831, часть I, стр. 579.

мелочей опутала ее: и языкъ этого человѣка не измѣняетъ его мыслямъ и стремленіямъ. Читайте или слушайте бесѣду на Литовской корчмѣ двухъ иноковъ, мірянина Отрепьева и приставовъ.

Двѣ красоты, двѣ тайны, въ которыхъ живетъ геній нашего языка, Пушкинъ вскрылъ предъ нами въ великомъ своемъ произведеніи: *славянизмъ* и *народность*. Славянскій складъ рѣчи дышитъ въ нашемъ языкѣ величіемъ и въ то же время нѣжностію, силою, прелестію. У Пушкина этотъ складъ рѣчи вездѣ видѣнъ; онъ обходился съ нимъ, какъ со своимъ роднымъ. Выраженія лѣтописи есть у поэта, но все это у мѣста, тамъ, гдѣ и быть имъ должно. Козакъ Карела пришелъ съ Дона отъ *вольныхъ* войскъ къ Лжедимитрію,

„Узрѣть *его* Царевы ясны *очи*".

У насъ былъ князь:—Димитрій-*Грозныя очи*. Въ „Разрядахъ" 1605 г. пишется о Годуновѣ: „Государь Царь.... челомъ бьетъ тебѣ (Мстиславскому),—аже службу свою совершишь и увидишь образъ Спасовъ.... и наши *Царскія очи* [1]).

Юродиваго поэтъ называетъ *блаженнымъ* [2]); въ лѣтописяхъ также онъ называется [3]). Борисъ *пріемлетъ* власть великую [4]); онъ идетъ поклониться гробамъ *почіющихъ* властителей Россіи [5]); онъ разсыпаетъ *злато* народу [6]). Обращаясь къ совѣсти своей, Борисъ говоритъ:

„Но если въ ней *единое* пятно,
Единое случайно завелося" [7]).

---

[1]) Карамзинъ. Т. XI, примѣч. 277.
[2]) Годун., карт. 16-я, стр. 345.
[3]) Карам., т. IX, примѣч. 298.
[4]) Годун., карт. 3-я, стр. 269.
[5]) Карт. 3-я, стр. 270.
[6]) Карт. 6-я, стр. 284.
[7]) Тамъ же, стр. 285.

Онъ велитъ воеводамъ спасать *градъ* и гражданъ [1]); увѣряетъ, что не нужна ему чуждая *помога,* которую предложилъ *Свейскій* Государь [2]); патріарха онъ проситъ *повѣдать* свою мысль [3]).

„Ты съ малыхъ лѣтъ *сидѣлъ* со мною въ Думѣ",

говорилъ Годуновъ сыну своему. Царскій голосъ долженъ *вѣщать* лишь велику скорбь или великій праздникъ, говорилъ ему же Борисъ [4]).

Бесѣда старца Пимена исполнена такою же прелестію Славянскаго строя рѣчи. Лѣтописи свои онъ называетъ *хартіями* [5]). Слова его:

„*Да вѣдаютъ* потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу"—

чисто-Славянскія. Пименъ въ свою рѣчь беретъ цѣлые тексты изъ Библіи. Григорій проситъ его благословенія, а онъ отвѣчаетъ:

„Благослови, Господь,
Тебя *и днесь и присно и вовѣки*" [6]).

Пименъ не сказалъ, что онъ *молится* предъ сномъ, а *сотворяетъ* молитву долгую. Разсказывая о любви Іоанна Грознаго къ монашеской жизни, называетъ его *алкающимъ* спасенья [7]). Царя Θеодора Іоанновича онъ называетъ Царемъ, *воздыхающимъ* о мирномъ *житіи молчальника.* Вчитайтесь въ эту рѣчь Пимена о Θеодорѣ:

....а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:

---

[1]) Тамъ же, карт. 14-я, стр. 334.

[2]) Въ лѣтописи Нестора *Шведы* названы *Свеями.* Лаврентьев. Лѣтопись. Изд. 1872, стр. 4.

[3]) Годун., карт. 14-я, стр. 336.

[4]) Тамъ же, карт. 19-я, стр. 361.

[5]) Тамъ же, карт. 4-я, стр. 272.

[6]) Годун., карт. 4-я, стр. 274.

[7]) Тамъ же, стр. 275, 277.

Къ его *одру, Царю едино зримый*,
Явился мужъ необычайно-свѣтелъ.

. . . .

И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Зане святый *Владыка* предъ Царемъ
Во храминѣ (дворцѣ) тогда не находился [1]).

Пименъ сближенія Библейскія дѣлаетъ, Битяговскаго онъ называетъ *Іудою-Битяговскимъ* [2]). Пименъ говоритъ *наутро* вмѣсто: *утромъ*. Григорію Пименъ совѣтуетъ описывать все въ лѣтописи, не *мудрствуя лукаво*,—описывать войну и миръ, *управу* Государей [3]).

Патріархъ такою же рѣчью бесѣдуетъ съ игумномъ Чудова монастыря и съ Царемъ. Онъ подаетъ свой совѣтъ Борису и такъ говоритъ:

„Твой вѣрный богомолецъ,
Въ дѣлахъ мірскихъ не *мудрый судія*
Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ" [4]).

. . . .

„И самъ
Онъ (Самозванецъ) *наготой своею* посрамится".

Патріархъ говоритъ: *свѣдано* вмѣсто *узнано* [5]), *обрѣтали* спасеніе подобно вмѣсто *находили* [6]), и *мощь бѣсовъ* (т. е. замыслы Самозванца) *исчезнетъ яко прахъ* [7]). Послѣднія слова взяты изъ Псалтири, перваго псалма.

Григорій спрашиваетъ у Пимена: какихъ былъ лѣтъ Царевичъ *убіенный* [8]). О себѣ онъ говоритъ, что отъ отроческихъ

---

[1]) Тамъ же, карт. 4-я, стр. 277, 278.
[2]) Годун., карт. 4-а, стр. 279.
[3]) Тамъ же, стр. 280.
[4]) Тамъ же, карт. 14-я, стр. 336.
[5]) Тамъ же, карт. 14-а, стр. 338.
[6]) Тамъ же.
[7]) Тамъ же.
[8]) Годун., карт. 4-я, стр. 279.

лѣтъ по *келіямъ* скитается [1]). Курбскаго, измѣнника Іоанна, Самозванецъ называетъ *мужемъ битвы и совѣта* [2]). Въ Библіи Самъ Богъ назвалъ Давида *мужемъ кровей*, когда объяснялъ ему, что онъ не можетъ быть создателемъ храма. Самозванецъ именуетъ Собаньскаго, шляхтича вольнаго, *свободы чадомъ* [3]). Карела говоритъ Лжедимитрію, что онъ пришелъ отъ храбрыхъ атамановъ *кланяться* ихъ *головами* [4]). Лжедимитрію поэтъ подалъ стихи, а онъ въ восторгѣ говорилъ:

„Стократъ священъ союзъ меча и лиры;
Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ".

Слово—*вѣдаетъ, повѣдать*—любимое слово дѣйствующихъ лицъ въ трагедіи поэта [5]).

Дѣти Бориса называются драгими *вѣтвями;* его дочь — печальною *вдовицею;* Бояре, Дьяки и Выборные люди *бьютъ челомъ* отцу и Государю. Шуйскій говоритъ, что въ случаѣ *никая* казнь его не устрашитъ; *нѣкій духъ* — вотъ названіе Самозванца. Обращаясь къ Патріарху, Шуйскій спрашиваетъ:

„Святый отецъ, кто *вѣдаетъ пути*
Всевышняго?"

Молитва мальчика, послѣ ужина, въ домѣ Шуйскаго, есть чисто-Славянскаго духа:

„*Царю* небесъ, *вездѣ* и *присно сущій*,
Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ Государѣ....
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на *путяхъ* и на *одрѣ* ночлега.

---

[1]) Карт. 4-я, стр. 275.

[2]) Тамъ же, карт. 10-я, стр. 314.

[3]) Тамъ же, стр. 315.

[4]) Тамъ же, стр. 316.

[5]) Тамъ же, карт. 1-я, стр. 261, карт. 7-я, стр. 289, карт. 8-я, стр. 299, карт. 9-я, стр. 306, тамъ же, стр. 307, карт. 14-я, стр. 336, тамъ же, стр 338, карт. 17-я, стр. 350, карт. 20-я, стр. 365, карт. 21-я, стр. 369

Подай ему побѣду на врага,
Да славится онъ *отъ моря до моря.*
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея *драгія вѣтви....*
Да будетъ онъ, какъ прежде, *благодатенъ*" [1]).

Вся рѣчь въ трагедіи поэта переплетена словами Славянскими. Читайте первыя слова посвященія Карамзину: „*драгоцѣнной* для Россіянъ *памяти* Николая Михайловича Карамзина, *сей трудъ*, геніемъ его вдохновенный,... *посвящаетъ*". Расположеніе словъ — Славянское. Прочтемъ первыя слова самой трагедіи и послѣднее слово: Вотъ чѣмъ начинается трагедія! Воротынскій говоритъ:

„*Наряжены* мы вмѣстѣ городъ *вѣдать*".

Вотъ чѣмъ заключается трагедія: „народъ *безмолвствуетъ*". Слова—чисто-лѣтописныя

Указанныя слова входятъ въ рѣчь дѣйствующихъ лицъ, какъ необходимыя стихіи. Они двигаютъ рѣчь, ими она живетъ. Поэтъ поставляетъ лице въ извѣстное состояніе; извѣстный образъ мысли зароился; извѣстнымъ образомъ забилось сердце, заговорило и—такъ, а не иначе лице должно выразить свою душу; это слово, Славянское слово только и присуще ему въ это мгновеніе. Перемѣните его, замѣните другимъ—пропадетъ сила, не станетъ красы, слово не отпечатаетъ внутренняго движенія духа.

Другая красота языка трагедіи — *народность*. Она видна осязательно не только тамъ, гдѣ говорятъ люди простаго слоя общества, но и тамъ, гдѣ говоритъ Царь, Лжедимитрій, бояре. Любуясь стройностію и умомъ Курбскаго, Самозванецъ назвалъ его *красавцемъ*. Толпы Русскихъ и Поляковъ, пришедшихъ просить у *милости* его меча и службы, онъ именуетъ

[1]) Годун., карт. 8-я, стр. 297, карт. 9-я, стр. 303, карт. 21-я, стр. 369, карт. 1-я, стр. 264, карт. 8-я, стр. 298, карт. 14-я, стр. 338, карт. 8-я, стр. 296. Такой же складъ рѣчи въ словахъ Щелкалова, карт. 2-я, стр. 268.

дѣтьми, друзьями,— Нѣмцевъ, *порядкомъ* поколотившихъ войско Лжедимитрія, онъ назвалъ—*молодцами*, даже побожился, что они *молодцы*. Самозванецъ говоритъ, что онъ *заутра двинетъ рать;* ему *мочи нѣтъ* сражаться съ женщиной, онъ проситъ Марину *вымолвить* слово любви.

Народностію исполнена рѣчь Годунова. Онъ хочетъ править свой народъ *во славѣ*; его сынъ изобразилъ на картѣ всѣ области Россіи: Борисъ дивился, какъ *хитро* Ѳеодоръ это сдѣлалъ. Объ умномъ дѣлѣ, глубокомъ и прекрасно совершенномъ народъ скажетъ: „а что? Вѣдь *хитрò?!*" Борисъ говоритъ *вечоръ* вмѣсто „вечеромъ",—ни *одна душа* вмѣсто ни одинъ человѣкъ. Онъ *крестомъ и Богомъ заклинаетъ* Шуйскаго *правду объявить*, узналъ ли онъ убитаго младенца. Годуновъ считаетъ страннымъ, что бѣглый инокъ *ведетъ* на него злодѣйскія дружины [1]).

И рѣчь бояръ дышитъ народнымъ складомъ. *И по дѣломъ* ему, говоритъ Пушкинъ, видя заходящую грозу надъ Борисомъ. Въ Московскомъ Государствѣ теперь, по увѣренію Пушкина, все *языки*, готовые *продать*. Отчего онъ искренно сказалъ о неустройствахъ Борисова царствованія? Медъ, да *бархатное* пиво *развязали* ему *языкъ*. Когда ушли гости, бывшіе за ужиномъ Шуйскаго, Пушкинъ сказалъ: „насилу *убрались*".

Шуйскій называетъ слухи о Самозванцѣ *баснями*, которыми *питается* безсмысленная чернь; своихъ гостей онъ благодаритъ, что они не *презрѣли* его *хлѣба-соли*, самихъ гостей именуетъ *дорогими*. Разсказывая о своемъ слѣдствіи по дѣлу убіенія Димитрія, онъ говоритъ, что *наѣхалъ* на *свѣжіе слѣды*. Онъ — *не трусъ* и въ *петлю лѣзть* не соглашается *даромъ* [2]).

[1]) Годун., карт. 10-я, стр. 314, тамъ же, стр. 313, тамъ же, стр. 314, карт. 18-я, стр. 355, карт. 12-я. стр. 331, тамъ же, стр. 330, тамъ же, стр. 326, карт. 3-я, стр. 269, карт. 9-я, стр. 304, тамъ же, стр. 306, тамъ же, стр. 308, 309, карт. 14-я, стр. 334.

[2]) Карт. 8-я, 9-я, 1-я.

Простота рѣчи, народность всецѣлая поражаетъ тамъ въ твореніи поэта, гдѣ говорятъ люди низшаго слоя общества. Вотъ какъ мамка утѣшаетъ свою питомицу, дочь Годунова: „*И,* Царевна! дѣвица плачетъ, *что* роса падетъ: *взойдетъ* солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ и прекрасный *и привѣтливый.* Полюбишь его, дитя *наше ненаглядное*, забудешь *Ивана* Королевича“.

Народъ говоритъ по своему, не краснó, по мѣтко. По его взгляду Борисъ *прогналъ* святителей, бояръ и патріарха. Въ Соборѣ предаютъ анаѳемѣ Самозванца, а одинъ изъ народа сказалъ: „Я *стоялъ* на *паперти* и слышалъ, какъ дьяконъ *завопилъ:* Гришка Отрепьевъ — анаѳема“. Вотъ *ужó* имъ *будетъ безбожникамъ*, замѣтилъ тотъ же голосъ изъ народа. Старуха называетъ *мальчишекъ*, не дававшихъ проходу юродивому, *бѣсенятами*, подаетъ ему *копѣечку*. Самозванецъ спрашивалъ у одного плѣнника Московскаго: „*войско что?*“ А тотъ отвѣчалъ: „Что съ нимъ? *Одѣто, сыто,* довольно всѣмъ“. Самозванецъ спросилъ:

„Ну, обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?“

Плѣнникъ.

А говорятъ о *милости твоей,*
Что ты—*дескать (будь не во гнѣвъ)* и *воръ,*
А *молодецъ*“.

Этотъ же самый плѣнникъ погрозилъ Ляху *кулакомъ:* „не хочешь ли вотъ *этого,* спросилъ онъ и назвалъ его *безмозглымъ*. Безмозглый — главный эпитетъ, которымъ опредѣляетъ для себя нашъ простолюдинъ *Поляка* [1]). Мужикъ называетъ юнаго сына Бориса *щенкомъ.* Пушкинъ спрашивалъ у народа: „въ *угоду* семейству Годуновыхъ *подымете* вы *руку* на Царя

[1]) Годун., карт. 9-я, карт. 2-я, стр. 267, карт. 16-я, стр. 344, 345, карт. 17-я, стр. 350, 351. 352.

законнаго, на внука *Мономаха?*" [1]). Народъ отвѣтилъ: „*вѣстимо* нѣтъ". Ксенію и Ѳеодора, сидящихъ подъ стражею, народъ назвалъ *пташками*.

„Братъ да сестра! бѣдныя дѣти, что *пташки* въ *клѣткѣ*".

Заключимъ наше описаніе красоты народнаго языка поэта словами Ксеніи. Въ шести строкахъ поэтъ изобразилъ намъ образъ ея. Слова ея — верхъ народности. Будто пѣсню слышишь нашу Русскую, будто ея голосъ шевелитъ, хватаетъ, какъ сказалъ понявшій пѣсню Русскую поэтъ [2]), васъ за сердце, когда вы читаете эту наивную рѣчь Ксеніи:

„Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной *могилкѣ*, на чужой *сторонкѣ*: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать". Мамка ее утѣшаетъ, а она отвѣчаетъ:

„Нѣтъ, *мамушка*, я и мертвому буду ему вѣрна" [3]).

Читая трагедію Пушкина, вникая въ языкъ ея, истинно скажешь, что онъ на всѣ лады органъ для Русскихъ душъ, что Русскими чувствами поэтъ зазвучалъ въ ней [4]). Фарнгагенъ фон-Энзе замѣтилъ: „Мы, иностранцы, мы чувствуемъ біеніе Русскаго сердца въ каждой сценѣ, въ каждой строкѣ" [5]).

Разсуждая о Ломоносовѣ, Пушкинъ выставилъ слѣдующую заслугу Карамзина, относительно языка: „Карамзинъ, сказалъ

---

[1]) Послѣднее слово, думаемъ, не кстати поставилъ поэтъ. Для народа понятно, что̀ такое Царь законный и что̀ такое незаконный,—а о внукѣ *Мономаха*, и о самомъ *Мономахѣ* онъ, кажется, не имѣетъ понятія.

[2]) Н. В. Гоголь въ поэмѣ: «Мертвыя Души».

[3]) Годун., карт. 9-я, стр. 302. Плѣнникъ говоритъ Самозванцу, что Басмановъ *сидитъ* въ Царской Думѣ (Годун., карт. 17-я, стр. 349). *Сидѣть* у насъ древле значило—*думать*. «Того жъ года было.... *сидѣнье* съ бояры о всякихъ дѣлахъ у В. Государя Алексѣя Михайловича». Дворцовые Разряды, т. III, стр. 1110.

[4]) С. П. Шевырева мысль въ приведенномъ выше посланіи къ А. С. Пушкину.

[5]) ....Man fühlt (*осязаемъ* собственно), auch als Ausländer, das vaterländische Herz des Russen in jeder Scene, in jeder Zeite». Denkwürd., стр. 618. Отеч. Зап. 1839, т. III, крит., стр. 24.

онъ, освободилъ языкъ отъ чуждаго ига, и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ *живымъ* источникамъ *народнаго* слова" [1]). Пушкинъ, скажемъ мы, на основаніи его Бориса Годунова, *овладѣлъ*, какъ художникъ, *народнымъ* языкомъ, онъ сроднился съ нимъ, какъ со своею мыслію, душею, своимъ словомъ.

Къ пополненію того, что уже изложено о Борисѣ Годуновѣ Пушкина, скажемъ нѣсколько словъ о вліяніи этого произведенія на тогдашнее общество и критиковъ, какъ тогдашнихъ, такъ и послѣ бывшихъ, а потомъ выскажемъ наше мнѣніе объ этой трагедіи.

Долго поэтъ трудился надъ своимъ Борисомъ. „Вообще Пушкинъ, какъ замѣчаетъ В. Гаевскій, былъ строгъ къ своимъ произведеніямъ. Небольшое его стихотвореніе—„Черепъ", было писано въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ съ половиною (отъ Іюля до Октября)" [2]). Онъ зналъ, что зародышъ великаго дается въ минуту вдохновенія, но его довершаетъ, по выраженію Веневитинова, спокойное трудолюбіе [3]). Борисъ Годуновъ начатъ Пушкинымъ въ 1824 году [4]), а изданъ въ 1831 [5]).

1824 года, говоритъ братъ поэта, Л. С. Пушкинъ, онъ жилъ въ Псковской губерніи, въ деревнѣ своей матери.... онъ

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, «Записки». Послѣ эту заслугу Карамзина, указанную Пушкинымъ, разъяснилъ проф. Шевыревъ. Москвитянинъ 1842, № 3.

[2]) Статья о Дельвигѣ. Современникъ 1853, № 2, критика, стр. 58.

[3]) Сочин. Д. В. Веневитинова. Ред. А. П. Пятковскаго. 1862, часть I, стр. 114.

[4]) Москвитянинъ 1853, № 10, стр. 57. «Біограф. извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ». Соврем. 1838, т. X, стр. 36. «А. С. Пушкинъ». Дельвигъ сказалъ, что Борисъ Годуновъ былъ написанъ еще въ 1823 г. Литер. Газета 1831. стр. 7. Разница неважная.

[5]) Борисъ Годуновъ. Спб. Въ типографіи Департ. Народнаго Просвѣщ. 1831. (142 стр. въ 8-ю д. л.).

занимался много, особенно, по своему обыкновенію, въ осеннее время. Здѣсь онъ написалъ.... наконецъ и *Бориса Годунова* [1]).

Что навело Пушкина на созданіе Бориса Годунова? Вотъ что сообщаетъ одинъ авторъ объ этомъ: „Въ 1824 г. были написаны *Цыганы*. Они изумили всѣхъ отчетливостію созданій, простотою дѣйствій [2]).... Форма изложенія этой поэмы, счастливо выдержанная, заставила автора сознать въ душѣ его присутствіе драматическаго таланта—и это обратило мысли его на *Бориса Годунова* [3]). Въ концѣ 1824 г. между рукописями его находился уже и Годуновъ. Въ 1829 г. о Годуновѣ еще не знала публика" [4]).

Общество съ нетерпѣніемъ ждало этой трагедіи Пушкина [5]); ибо молва о ней распространилась еще прежде 1831 г. Наконецъ Борисъ Годуновъ явился....

Въ 1831 г., кромѣ Бориса Годунова, вышли еще слѣдующія произведенія *съ именемъ* А. Пушкина:

Пѣсня („Пью за здравіе Мери...."), *Цыганы* („Надъ лѣсистыми брегами"), *Отрывокъ* изъ рукописи Пушкина [6]), *Пѣвецъ* („Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной...."). Всѣ напечатаны въ *Денницѣ*, альманахѣ на 1831 г., изд. М. Максимовичемъ [7]).

---

[1]) Москвитянинъ 1853, № 10, стр. 57.

[2]) А. Пушкинъ говоритъ: «О Цыганахъ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь». Соч. А. С. Пушкина, «Записки».

[3]) Соврем. 1838, т. X, стр. 33. «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ».

[4]) Тамъ же, стр. 36 и 39.

[5]) Литер. Газета 1831, стр. 7. Денница 1831, стр. IX. Сѣв. Меркурій 1831, стр. 8. Телеск. 1831, часть I, стр. 554. Сынъ Отеч., часть 143, стр. 94. Москов. Телегр. 1831, часть 37, стр. 244.

[6]) Онъ содержитъ замѣчанія Пушкина на Полтаву. Начинается словами: Habent sua fata libelli.... и оканчивается: никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего *ипннаго* предмета. Въ собраніи соч. А. С. Пушкина напечатанъ.

[7]) Въ соч. А. С. Пушкина перепечатаны.

Поэту („Поэтъ не дорожи любовію народной“ ...) [1], *Отвѣтъ анониму* („О кто-бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье“), *Монастырь на Казбекѣ* („Высоко надъ семьею горъ“), *Отрывокъ* („На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла“), *Обвалъ* („Дробясь о мрачныя скалы“). Напечатаны въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1831 г., изд. А. А. Дельвигомъ [2]).

Кавказъ („Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ....“), *Поэту* (изъ Сѣв. Цвѣтовъ перепечатанъ), *Мадона*, сонетъ („Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ“). Напечатаны въ Литературной Газетѣ на 1831 г., изд. Дельвигомъ и Сомовымъ. *Мадона* перепечатана сюда, по желанію автора, какъ замѣчаетъ издатель Газеты [3]), изъ „*Сиротки*“, альманаха на 1831 годъ.

Клеветникамъ Россіи („О чемъ шумите вы, народные витіи?“), *Бородинская Годовщина* („Великій день Бородина“). Особою книжкою вышли вмѣстѣ со стихотвореніемъ В. А. Жуковскаго: „Русская Слава“. Вотъ какъ озаглавливается книжка: „На взятіе Варшавы, три стихотворенія, В. Жуковскаго и А. Пушкина. 1831 г.“ [4]).

Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, изд. А. П. Спб. 1831 г. [5]).

Письмо къ издателю Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду о „Вечерахъ на хуторѣ близь Диканьки, изд. Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ 1831 г.“. Вотъ это.

---

[1]) *Поэтъ* былъ перепечатанъ въ VII № Франц. Газеты «Le Furet de Saint-Petersbourg», издав. Сен-Жульеномъ, съ ошибкою въ послѣдней строфѣ:

En es-tu satisfait, exigeant poëte?
Je suis content».

У Пушкина слово: *доволенъ* стоитъ въ вопросѣ. Въ Литер. Газетѣ *Поэтъ* былъ перепечатанъ, стр. 60.

[2]) Въ соч. Пушкина, кромѣ *отрывка*.

[3]) Литер. Газета, 1831, стр. 122. Въ сочиненіяхъ Пушкина.

[4]) Стихотвореніе Жуковскаго: «Русская Слава», вышло еще отдѣльно тогда же и стоило 1 рубль. Сѣвер. Пчела 1831, № 215.

[5]) Въ собраніи соч. Пушкина.

письмо: „Сей часъ прочелъ Вечера близъ Диканьки. Они изумили меня.... Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная.... Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались *Вечера*, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ руками. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу.... Ради Бога, возмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ, на *дурной* тонъ и пр...." [1]).

Послѣднія слова для насъ имѣютъ большое значеніе. Мы видимъ, какъ поэтъ смотрѣлъ на тогдашнюю критику.

По появленіи Бориса Годунова Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ писалъ: „Появленіе *Бориса Годунова* вполнѣ вознаградило долгое, нетерпѣливое ожиданіе любителей поэзіи. Это не произведеніе, писанное съ единственнымъ намѣреніемъ поскорѣе кончить и, получивъ за оное деньги, опять съ тою же мыслію приняться за новое денежное предпріятіе.... Но, благодаря Бога, Пушкинъ не ровенъ съ сими свѣтилами (т. е. тѣми, кого судьба гонитъ) горькою участію. Судьба не гонитъ

---

[1]) Литер. приб. къ Рус. Инвалиду 1831, стр. 623. Это письмо Пушкина долго не входило въ собраніе его сочиненій. (Перепечатано было въ Москвитянинѣ на 1853-й г.).

1831 годъ ознаменовался еще выходомъ, кромѣ *Вечеровъ* на хуторѣ близъ Диканьки, слѣдующихъ произведеній *Гоголя:* Глава изъ историческаго романа (*Съв. Цвъты*, 1831), нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи, Женщина и Успѣхъ Посольства (Литер. Газета 1831, № 1, 4, 17). Въ этотъ годъ была играна въ *первый разъ* вся комедія А. С. Грибоѣдова: «*Горе отъ Ума*», 26 Января. Роль Чацкаго игралъ В. А. Каратыгинъ. Сѣв. Меркур. 1831, стр. 36. Колокольчикъ, стр. 54. Сѣв. Пчела, № 19 и пр. (Въ Отеч. Зап. 1840 г., т. VIII, крит., стр. 44, невѣрно сказано, что «Горе отъ Ума» въ рукописи начало ходить по рукамъ съ *1832 г.* и что эта комедія была принята съ *ожесточеніемъ*, стр. 45». Сочин. В. Бѣлинскаго. М. 1859, ч. третья, стр. 412. Она прекрасно была принята...). На домашнемъ театрѣ играна была другая комедія Грибоѣдова: «*Молодые Супруги*». Эту комедію я написалъ сонный, и притомъ на срокъ, сказалъ Грибоѣдовъ. Сѣв. Мерк. 1831, стр. 91 и 94.

его. Нашъ просвѣщенный *Монархъ* находитъ мгновеніе обращать живительное вниманіе свое на произведенія нашего поэта. Счастливо время, въ которое таланты не низкою лестію, а достоинствомъ исключительнымъ пріобрѣтаютъ высокое покровительство [1]). Борисъ Годуновъ безспорно долженъ стать выше прочихъ произведеній А. С. Пушкина. Поэма *Полтава* была, такъ сказать, переходомъ нашего поэта отъ юности къ зрѣлому возрасту.... Одна завистливая посредственность бранила сіе произведеніе, какъ вѣроятно будетъ бранить и *Бориса Годунова*" [2]).

Бестужевъ-Рюминъ поглумился какъ надъ произведеніемъ Пушкина, такъ и надъ этимъ отзывомъ о немъ Дельвига.... Вотъ его слова: „Уже нѣсколько лѣтъ неутомимая молва о *трагедіи* Г. Пушкина: Борисъ Годуновъ, переносила изъ устъ въ уста блистательныя ей хвалы. Нѣкоторые писатели, для коихъ издается нѣкоторая Газета [3]), рѣшительно утверждали, что подобнаго творенія не было еще отъ сотворенія міра, или по крайней мѣрѣ отъ всемірнаго потопа, и что прапрапра-

---

[1]) Литер. Газета, 1831, стр. 7.

[2]) Отзывъ Дельвига о характерѣ Годунова показанъ нами выше стр. 94 Дельвигъ не окончилъ своего разбора. Вотъ что *Сомовъ* пишетъ: «статья о Борисѣ Годуновѣ (помѣщ. въ № 1 и 2 Лит. Газ.) была писана Барономъ Дельвигомъ. Жестокая, мучительная болѣзнь помѣшала окончить оную. Пусть же остается она недоконченною, какъ прекрасное зданіе, недостроенное по смерти искуснаго зодчаго: посторонняя рука могла бы только испортить живую мысль художника». Дельвигъ умеръ 14 Января. Литер. Газета, 1831, стр. 34, 15, 31.

[3]) Безъ сомнѣнія разумѣетъ Б. Рюминъ Литер. Газету. *Карлъ Кноррингъ* (Karl von Knorring), говоря о Борисѣ Годуновѣ, назвалъ рецензентовъ Лит. Газеты *опьянѣвшими отъ любви и почтенія*: «ich glaube dem Verfasser müssen die Urtheile, die nicht unbedingt lobend sind, wichtiger und auch schmeichelhafter sein als die unbedingt *Vergötternde Ansicht*, des in Liebe und Verehrung *trunkenen* Recensenten der Petersbourger *Litteraturzeitung*». Russische Bibliothek für Deutsche. Von Karl von Knorring, 1831 г. Reval, стр. IV.

праправравнуки наши, прочитавъ оное, всплеснутъ руками отъ удивленія,

„И молвятъ: то-то былъ поэтъ“.

Но вотъ что чудно: нѣсколько лѣтъ всѣ твердили о неисчислимыхъ достоинствахъ такого сочиненія, котораго рѣшительно никто не видалъ (въ этомъ случаѣ подъ словомъ *никто*, мы разумѣемъ и самого автора),—не только читалъ. Злые же люди утверждаютъ завѣрное, что до весны 1830 г. не было на лицо болѣе трехъ небольшихъ отрывковъ сего произведенія [1]), въ полнотѣ же будто бы оно существовало только въ воображеніи Автора; и что сей послѣдній, принявъ во вниманіе, что предпринимаемое имъ произведеніе уже расхваливаютъ нѣсколько лѣтъ, наконецъ рѣшился положить оное на бумагу: присѣлъ и написалъ!“

„Хотя не всякому слуху надо вѣрить, но по какимъ-то особеннымъ основательнымъ причинамъ мы заключаемъ, что все вышеизложенное яко-бы справедливо. Что же касается до скорости времени, въ которое, какъ говорятъ, будто бы написанъ Борисъ Годуновъ, то мы въ семъ обстоятельствѣ не имѣемъ ни малѣйшаго сомнѣнія: хотя и утверждаютъ, что скоро сказка дѣлается, а не скоро дѣло дѣлается, но мы увѣрены, что [2]) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ такъ же скоро пишетъ стихи, какъ мы читаемъ оные. Это мнѣніе мы основываемъ на собственныхъ его словахъ:

Стишки для *насъ* одна забава;
Немножко стоитъ *мнѣ* присѣсть,
И разгласить успѣла слава

---

[1]) Если это правда, то невѣрно сказалъ авторъ статьи: «А. С. Пушкинъ», что, будто, еще въ 1824 году между рукописями Пушкина былъ уже и Годуновъ. Совр. 1838, т. X, стр. 36. А значитъ и Дельвига подобное же извѣстіе невѣрно. Лит. Газета 1831, стр. 7... Теперь уже доказано, что «Годуновъ» написанъ 1825 года.

[2]) Все это напечатано въ Сѣв. Мерк. 1831, на стр. 8.

Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова!

„Наконецъ Борисъ Годуновъ явился!...

„Имѣя честь поздравить почтеннѣйшую публику съ выходомъ сего давно-ожидаемаго творенія, считаемъ обязанностію донести, что мы рѣшаемся читать оное не иначе, какъ по десяти страницъ на день, руководствуясь въ семъ случаѣ извѣстною пословицею: *хорошаго по немногу*. Чтеніе это начнемъ съ 1-го сего Января: по прочтеніи, немедленно изложимъ мысли наши о достоинствѣ *Бориса Годунова* и постараемся представить въ полнотѣ то впечатлѣніе, которое будетъ въ насъ произведено" [1]).

Олинъ, издатель Литер. Газеты: *Колокольчикъ*, писалъ: „...Мы скажемъ откровенно и добросовѣстно наше мнѣніе, не услащая краевъ лѣкарственнаго сосуда, и не усыпая цвѣтами, изъ малодушія, колючихъ иглъ истины.

„Намъ кажется, что это новое произведеніе Г. Пушкина совершенное *ребячество*, или, говоря другими словами, *школьная шалость*, достойная исправленія. Мы бы охотно помирились, если бы ее по крайней мѣрѣ можно было назвать хотя своенравною; но сей эпитетъ менѣе всего ей приличенъ. Здѣсь Г. Пушкинъ .. опять, по прежнему, поэтъ - *подражатель*

---

[1]) Подписано: Аристархъ Завѣтный. Безъ сомнѣнія это имя—псевдонимъ и имъ закрывалъ себя издатель Сѣв. Меркурія, Бестужевъ-Рюминъ. В. Гаевскій то же сказалъ. Соврем. 1853, № 5, крит., стр. 65. Аристархъ Завѣтный не исполнилъ своего обѣщанія; да и некогда было ему. Онъ выступилъ съ выходками противъ Литер. Прибавл. къ Р. Инвалиду, называлъ ихъ ***макулатурными*** (Сѣв. Мерк. 1831, стр. 136), ***снотворными***, стр. 187, ***притчами*** во языцѣхъ, стр. 144. Съ 167 стр. онъ началъ печатать «Христіанскіе совѣты Г. Воейкову», изд. Литер. Прибавл., или: черезъ день по ложкѣ, пріемъ первый, второй и т. д. Эти совѣты и пріемы предлагалъ Евграфъ Микстуринъ, докторъ истины и искренности... На стр. 12-й Сѣв. Мерк. 1832, издатель напечаталъ статью: «нѣчто о нелѣпостяхъ, напечатанныхъ въ 3 № Сѣв. Пчелы?!...».

(*внизу:* „не будь Байрона, не было бы Кавказскаго плѣнника, Бахчисарайскаго фонтана и Братьевъ-Разбойниковъ“ [1]).

„Планируя сію драму, онъ имѣлъ въ виду.... *фантастическій, оригинальный* геній. Въ Борисѣ Годуновѣ нѣтъ рѣшительно концепціи поэтической, не упоминая уже о геніальности, нѣтъ этой жизненной силы, той энергіи электрической, которая насильно господствуетъ надъ умомъ читателя. По прочтеніи сей драмы, не остается ничего ни въ памяти мыслей, ни въ памяти сердца. Это — мозаикъ, неудачно слѣпленный, это—собраніе нѣсколькихъ холодныхъ истертыхъ сценъ, веденныхъ опрометчиво, безъ дара творить, безъ искусства пользоваться положеніями.... Однимъ словомъ Борисъ никогда не будетъ, не смотря на *виміамъ* и *кадило* Литературной Газеты [2]), блестящимъ цвѣтомъ романтической драматургіи.... Скажемъ въ заключеніе [3]), что счастіе уже въ 1829 г. измѣнило Г. Пушкину подъ *Полтавою,* а поэтическая звѣзда его совершенно закатилась съ появленіемъ на литературномъ горизонтѣ Бориса Годунова... Никто не оскорбится за правду“ [4]).

Въ Телескопѣ, издаваемомъ *Николаемъ Надеждинымъ*, напечатана „бесѣда старыхъ знакомцевъ о Борисѣ Годуновѣ“, представленная издателю Г. *Надоумко* [5]). Въ домѣ князя *Любославскаго*, по причинѣ имянинъ сына и рожденія дочери, былъ богатый обѣдъ, гдѣ *Надоумко* встрѣтилъ стариннаго своего пріятеля *Тлѣнскаго* [6]). Хозяинъ называлъ стихотворцевъ *мокрыми курицами*; одинъ изъ гостей отъ души жалѣетъ,

---

[1]) А. С. Пушкинъ самъ говоритъ: «Бахчисарайскій Фонтанъ слабѣе Плѣнника, и, какъ *онъ*, отзывается чтеніемъ *Байрона*, отъ котораго я съ ума сходилъ». «Записки» въ собр. сочиненій А. С. Пушкина.

[2]) Опять виноватъ сказавшій сущую правду о Годуновѣ А. А. Дельвигъ. См. выше, стр. 94.

[3]) Невѣрный отзывъ Олина о характерѣ Самозванца и Годунова, о дурномъ *тонѣ* трагедіи приведены въ примѣч. на стр. 80, 92 выше.

[4]) Колокольчикъ, Литер. Газета по 1831, стр. 23 и 24.

[5]) *Надоумко*, псевдонимъ Надеждина.

[6]) Это лице мы уже прежде видѣли, стр. 80, 82, 93.

что нынѣ существуетъ *презорство* къ святой *классической* древности, алтари музъ раскопаны, языкъ боговъ поруганъ. Хозяинъ (Любославскій) вотъ что говорилъ: „Россіяда никуда не годится.... Право, нынѣ прочесть нечего? Что это сдѣлалось съ нашей словесностію? Всѣ исписались, хоть брось! Легко ли самъ *Пушкинъ*, котораго я прежде читывалъ съ удовольствіемъ.... Что съ нимъ сталось.... Что онъ такъ замолкъ?

„А Борисъ Годуновъ?" подхватилъ одинъ изъ гостей.

„Не говорите вы объ этомъ *несчастномъ* произведеніи", перервала дама. „Я всегда *краснѣю* за Пушкина, когда слышу это имя. Чудное дѣло! Уронить себя до такой степени.... Это ужасно!..."

„Не угодно ли выслушать прекрасные стишки, которые я нарочно списалъ", сказалъ молодой человѣкъ. „Это насчетъ Бориса Годунова". Молодой франтъ началъ декламировать:

„И Пушкинъ сталъ намъ скученъ,
И Пушкинъ надоѣлъ,
И стихъ его не звученъ,
И геній охладѣлъ.
Бориса Годунова
Онъ выпустилъ въ народъ!
Убогая обнова,
Увы! на Новый годъ".

„Всѣ захохотали и многіе закричали: „Браво! Прекрасно! Безподобно!"

„И это напечатано? сказалъ каммергеръ. Ну, *Пушкинъ*.... Capot! Да и давно бы пора. А-то вскружилъ головы молокососамъ ни за что, ни про что. Мой Jeannot, напр., бывало, только и бредитъ имъ" [1]).

---

[1]) Стихи, приведенные здѣсь, Аристархъ Завѣтный приложилъ въ своемъ Меркуріѣ съ измѣненіемъ многаго. «Послѣ сего, сказалъ онъ, всѣ грянули хоромъ:

„Хозяинъ къ Тлѣнскому: „Ты былъ первый изъ обольстителей. Кто бывало трубою трубилъ объ этомъ *Борисѣ Годуновѣ?* Не ты ли проспоривалъ цѣлые вечера и выходилъ самъ изъ себя, доказывая, что эта *трагедія* или *комедія*.... сдѣлаетъ эпоху въ нашей литературѣ и подвинетъ ее впередъ нѣсколькими столѣтіями? Не ты ли увѣрялъ, что одна сцена ея равняетъ Пушкина со всѣми первокласными поэтами нашего великаго вѣка?“

„Затѣмъ Надоумко и Тлѣнскій вошли въ кабинетъ. На столѣ лежалъ экземпляръ Бориса, разложенный на *сценѣ въ корчмѣ* [1]).

„Читалъ ли ты всего Бориса“, спросилъ Надоумко Тлѣнскаго.

„Читалъ“.

„Ну что?“

„Что, братъ! я соглашаюсь совершенно съ тобою! Такая *дрянь*, что невольно дивишься и краснѣешь.... Глубоко паденіе Пушкина. Борисъ Годуновъ *зарѣзалъ* его, какъ Димитрія Царевича.... Онъ явился на *позоръ* въ сценахъ Пушкина“....

„*Надоумко*. „Извини, любезный.... Борисъ—сей колоссальный призракъ нашихъ среднихъ вѣковъ.... представленъ въ нихъ такъ, какъ еще доселѣ не бывало“ [2]).

„*Тлѣнскій*. „C'en est fait!.... Гласъ народа, гласъ Божій! Годунову *не воскреснуть*“. Тлѣнскій ушелъ, а Надоумко заключилъ описаніе бесѣды этими стихами Пушкина“:

Убогая обнова,
Увы! На Новый годъ! (bis).
Honni soit qui mal y pense!»

Сѣв. Мерк., 1831, стр. 8. Онъ взялъ изъ Телескопа, но тамъ «хоромъ не грянули и не повторяли послѣднихъ стиховъ...?!»

[1]) Припомнимъ, что эта сцена болѣе всего нравилась Тлѣнскому. См. выше, стр. 77.

[2]) Надоумко, какъ уже было замѣчено, любилъ въ трагедіи только *Курбскаго* и это лице только и называлъ *самобытнымъ* созданіемъ Пушкина. См. выше, стр. 78.

„Блаженъ, кто про себя таилъ
Души великія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за пѣсни воздаянья“ [1]).

Въ Генварѣ мѣсяцѣ (1831 г.) вышелъ Борисъ Годуновъ, а въ Іюлѣ вышла цѣлая книжка, подъ такимъ заглавіемъ: „О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина разговоръ. М. Въ универс. тип. 1831, въ 8 д. 16 стр.“. Сочинилъ Г. *Надоумко* (т. е. Н. И. Надеждинъ). Дѣло въ томъ, что помѣщикъ изъ Москвы ѣдущій, встрѣчаетъ въ уѣздномъ городкѣ вольнопрактикующаго учителя Русской Словесности и спрашиваетъ, каковы произведенія Пушкина.. . Бесѣда ихъ показываетъ въ учителѣ мало свѣдѣній. Учитель, напр., говоритъ, что „Шекспиръ писалъ тогда еще, когда одноземцы его и понятія не имѣли объ изящномъ“. Не зналъ г. Надоумко, что до Шекспира въ Англіи было много народныхъ представленій, остроумныхъ фарсовъ придворныхъ, изъ которыхъ Шекспиръ *самъ* многому научился. Трагедія *Тамерланъ*, сочиненіе Марлова, явившаяся въ 1586 г., произвела въ Лондонѣ необыкновенное впечатлѣніе; самъ Шекспиръ, переселившійся въ Лондонъ тогда же, былъ свидѣтелемъ этого впечатлѣнія. Скоро послѣ Тамерлана явились: „Испанская трагедія“, соч. Кида, „Алькасарская битва“ Пиля, „Альфонсъ“ Грина, „Дидона“ Нэша [2]). — Бестужевъ-Рюминъ замѣтилъ объ этомъ разговорѣ „въ сужденіяхъ учителя и помѣщика мы сперва ожидали найти много столичнаго остро-

---

[1]) Телеск., 1831. ч. I отъ стр. 546 до 574.

[2]) Соврем., 1853. № XI. «Литература и театръ въ Англіи до Шекспира», стр. 34 и 43. Еще въ 1831 г. въ Сѣв. Пчелѣ, № 167, было замѣчено, что учитель этотъ слабъ въ сужденіи, что драмы Шекспира были писаны между 1589—1614, а прежде этого уже дѣйствовали *Джонсонъ* (1574—1637), Джонъ-Флетчеръ, комикъ (1576—1625) и Чапманъ, переводчикъ Иліады (1578—1635). — См. III-ю часть Христоматіи нашей, изд. 1898, библіографію о Шекспирѣ, стр. 229—231.

умія. Впрочемъ нѣсколько замѣтно, что оба они не расположены въ пользу автора книги, бывшаго предметомъ ихъ бесѣды" [1]). „Такъ намъ нравится (Tel est notre bon plaisir")— вотъ главное направленіе этого разговора [2]). Выходки страшныя въ немъ сдѣланы на Пушкина, особенно на стр. 14, 15 и 16. Посему Полевой назвалъ это сочиненіе — сочиненіемъ почтеннаго и благонамѣреннаго г-на *Недоумки*" [3]).

В. Плаксинъ болѣе всѣхъ потрудился надъ оцѣнкою новой трагедіи Пушкина. Онъ четыре статьи написалъ объ этомъ [4]). Цѣль его была: „показать заслугу г. Пушкина относительно языка и какъ полезны, такъ и вредны его вліяніе въ нашей литературѣ" [5]). Взглядъ В. Плаксина — цѣльный ложно-классическій. Онъ почитаетъ необходимыми *три* единства: единство времени, дѣйствія и мѣста [6]); только *великіе* характеры, говоритъ онъ, могутъ дѣйствовать въ *высокой драмѣ* [7]). Могъ ли же устоять геніальный трудъ нашего поэта противъ такого взгляда?!... Прочтемъ нѣсколько строкъ: „прочитавъ Бориса Годунова, говоритъ В. Плаксинъ, стараешься припомнить дѣйствіе, хочешь остановиться на тѣхъ *случаяхъ*, которые бы, удерживая героевъ въ подвигахъ доблестныхъ, или увлекая къ бѣдствіямъ и гибели, *безпокоили, тревожили, устрашали* читателя [8]), но—не находишь сего! Ищешь сильныхъ, *возвышенныхъ* чувствованій, и—кромѣ двухъ, или трехъ мѣстъ принужденъ остаешься довольствоваться милыми, живы-

---

[1]) Сѣвер. Мерк., 1831, стр. 116.

[2]) Сѣвер. Пчела, 1831, № 167.

[3]) Москов. Телегр., 1831, часть 38, стр. 399.

[4]) Сынъ Отеч., 1831, ч. 142 и 143.

[5]) Сынъ Отеч., 1831, ч. 142 и 143.

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же.

[8]) А. С. Пушкинъ напротивъ смѣялся надъ подобными *устрашающими* героями. «Молодые писатели, говоритъ онъ, вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрагаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и пр. Все это смѣшно, какъ мелодрама». «Записки» въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина.

ми, вѣрными *списками* съ *обыкновенной* природы.“ [1]). За симъ В. Плаксинъ, не разсказавъ содержанія трагедіи, не указавъ главной мысли ея, началъ разсмотрѣніе картинъ отдѣльно, въ разбросъ. Не нашелъ *единства* дѣйствія; въ первыхъ трехъ картинахъ не видѣлъ и *30 поэтическихъ* стиховъ, а только узрѣлъ—*прекрасную* прозу,—нѣтъ въ этихъ трехъ картинахъ *непрерывнаго теченія случаевъ*. Пятую и шестую картины называлъ совершенно *неумѣстными* и *совершенно лишними* [2]). „Корчма на литовской границѣ, говоритъ критикъ, не имѣетъ ничего важнаго, доблестнаго, трагическаго.... кромѣ вѣрнаго выраженія народности [3]). Слѣдующія двѣ *сцены* возбуждаютъ *негодованія* противъ Бориса,—оттого, что односторонне изображенъ характеръ лицъ [4]). Лучшее мѣсто изъ сцены „Краковъ“ есть обращеніе Самозванца къ Курбскому и поэту [5]). Балъ у Мнишка совершенно лишній [6]). Въ картинѣ „Граница Литовская“, Плаксину *трудно* было рѣшить, который *стихъ предпочесть другому;* ему до смерти нравилась частица: „вотъ, вотъ! Эта простота, это *быстрое*, говоритъ онъ, повтореніе частицы *вотъ*, съ прибавленіемъ словъ, объясняющихъ предметъ его (Курбскаго) восторга есть торжество поэта. Онъ выразилъ съ совершенною естественностію переходъ отъ слитнаго нѣмаго ощущенія, раждающагося при первомъ воззрѣніи на предметъ, къ сознанію причины восторга, въ которомъ онъ сначала не могъ даже назвать причину сего, а только указываетъ ее *краткою* частицею: „вотъ“ [7]). Вообще слова Курб-

---

[1]) Сынъ Отеч., 1831, ч. 142, стр. 225.

[2]) Сынъ Отеч., ч. 142, стр. 281, 290; часть 143, стр. 22 и 23. «*Ужасная* тайна, сжигающая душу Бориса, какъ язва *моровая*, выражена языкомъ какимъ-то непріятно смѣшнымъ», сказалъ Плаксинъ. А. Мартыновъ хвалилъ эти самые стихи. Маякъ, 1843, т. IX, стр. 152...?!

[3]) Сынъ От., ч. 143, стр. 27.

[4]) Тамъ же, стр. 28.

[5]) Тамъ же, стр. 32.

[6]) Тамъ же, стр. 37.

[7]) Сынъ Отечества, ч. 143, стр. 87.

скаго, заключаетъ критикъ, самая *возвышенная ода* [1]). Нападалъ Плаксинъ на поэта, зачѣмъ „Бориса рѣчь *холодна*, когда онъ разсуждаетъ о мѣстничествѣ; въ такомъ положеніи душа, говоритъ онъ, должна *пылать* (?) подобно грозному всеразрушительному *волкану* (?) и въ семъ воспламененіи она раждаетъ смѣлую мысль—низверженіе мѣстничества [2]). Завѣщаніе Царя—*прекрасная* проза [3]). Поставилъ въ упрекъ Пушкину, зачѣмъ „Бориса нѣтъ, но драма еще не кончилась? [4]). Послѣднія три сцены не имѣютъ никакихъ красотъ и излишни [5]). Конецъ драмы рѣшительно недостоинъ г. Пушкина, какъ по дѣйствію, такъ и по стихамъ [6]). Итакъ, спрашиваетъ В. Плаксинъ, гдѣ-жъ наши ожиданія и преждевременная радость—видѣть трагедію, достойную сей эпохи, равную Борису—трагедію, которая бы проявила зрѣлый талантъ А. С. Пушкина... Онъ Борисомъ доказалъ, что много можетъ сдѣлать, а ничего не сдѣлалъ. Больно видѣть въ бездѣйствіи исполина, когда карлики, кряхтя, работаютъ". Вотъ послѣднія слова В. Плаксина! [7]).

И. Ср. Камашевъ заслуживаетъ отъ насъ почтнаго воспоминанія за то, что онъ далъ мнѣніе свое объ отзывахъ Сѣв. Меркурія, Колокольчика, Телескопа и Литературной

---

[1]) С. Отеч., ч. 143, стр. 87.

[2]) Тамъ же, стр. 90.

[3]) Тамъ же, стр. 91.

[4]) Тамъ же, стр. 93. В. Плаксинъ, вѣрно, не зналъ умной мысли Н. М. Карамзина, сказанной тѣмъ, которые недовольны были, что Шекспиръ послѣ смерти Юлія Цезаря (въ трагедіи этого имени), еще продолжаетъ два дѣйствія,—Карамзинъ сказалъ, что хотя Цезарь и «умерщвленъ въ началѣ 3-го дѣйствія, по *духъ его живъ еще*». Предисловіе къ трагедіи Юлій Цезарь. М. 1787, стр. 6.

[5]) С. Отечества часть 143, стр. 93. 94 и 96. Мы особенно остановились на мнѣніи В. Плаксина потому, что *разборъ* его названъ разборомъ одного изъ *просвѣщенныхъ* любителей литературы. Сѣверн. Пчела, 1831, № 133.

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же.

Газеты [1]),—благодарны мы ему: ибо онъ прямо сказалъ: „Пушкинъ не уронилъ себя“ [2]). Но онъ не далеко ушелъ отъ современнаго взгляда на произведеніе Пушкина. По мнѣнію Камашева, „Борисъ Годуновъ образовался подъ вліяніемъ чуждыхъ элементовъ [3]), нѣтъ у Пушкина біенія пульса народной жизни того времени [4]), событія изложены вяло, не ясно, сцены по большей части неудовлетворительны“ [5]). Потомъ пробѣгаетъ нѣсколько сценъ, похваляя иныя и осуждая другія [6]),—далѣе говоритъ: „поэзія событія исчезла въ *стихотвореніи* Пушкина и вотъ почему, восхищаясь отдѣльными сценами, остаешься недоволенъ цѣлымъ.... Борисъ Годуновъ изложенъ поверхностно [7]).

Н. А. Полевой опередилъ свое время слѣд. отзывомъ: „Борисъ Годуновъ есть великое явленіе нашей Словесности, шагъ къ настоящей Романтической Драмѣ, шагъ смѣлый, дѣло дарованія необыкновеннаго“ [8]). Но жаль, что Полевой сквозь имя Карамзина смотрѣлъ на произведеніе Пушкина [9]).

Карлъ фон-Кноррингъ, Эстляндскій помѣщикъ, повторилъ мнѣніе Полеваго о Годуновѣ. Прибавилъ вотъ что: „Льщу себя надеждою и буду ожидать, что Пушкинъ создастъ еще произведеніе, гдѣ будетъ указана *судьба* Лжедимитрія (das

---

[1]) Въ *Сѣв. Мерк.* и *Колокольчикѣ,* сказалъ онъ, напечатаны совершенныя нелѣпости, напечатано что-то дѣльное, и.... какъ будто нарочно нелѣпое, шумливое въ *Телескопѣ* и что-то благонамѣренное, къ сожалѣнію неоконченное въ *Литер. Газетѣ.* Сынъ Отеч. 1831, ч. 145, стр. 101.

[2]) Тамъ же, стр. 102.

[3]) Тамъ же, стр. 110.

[4]) Тамъ же, стр. 112—176.

[5]) Тамъ же, стр. 179.

[6]) Тамъ же, стр. 179.

[7]) Тамъ же, стр. 179.

[8]) Московскій Телеграфъ 1831, ч. 37, стр. 245.

[9]) Послѣ, въ 1833 году, Полевой разбиралъ Бориса Годунова и настаивалъ на той мысли, что *Карамзинизмъ* повредилъ совершеннѣйшему изъ созданій Пушкина: Борису Годунову. Москов. Телегр. 1833, ч. 49, стр. 300.

Ende falschen Demetrius) и тогда, я думаю, Борисъ Годуновъ можетъ удовлетворить" [1]).

Ѳ. Булгаринъ совѣтовалъ Кноррингу „заглянуть въ мелкія стихотворенія Автора Бориса Годунова или—еще лучше—прочесть повѣсти, помѣщенныя въ *Сынѣ Отечества*", — тогда бы Кноррингъ, говоритъ Ѳ. Б., удовлетворилъ своему желанію: представить картину Русскихъ нравовъ и жизни, желанію, которое онъ выразилъ въ предисловіи къ переводу своему" [2]). Ѳ. Б. предпочиталъ „Цыганъ" А. С. Пушкина Борису Годунову [3]) и не расположенъ былъ къ сему послѣднему. Молодой поэтъ Веневитиновъ, разбирая одну картину изъ Годунова: „Келья въ Чудовомъ монастырѣ" [4]), сказалъ, что это „chef-d'œuvre" трагической музы [5]); Ѳ. Б. тогда же писалъ: „статья на Французскомъ языкѣ, объ отрывкѣ изъ *Бориса Годунова*, есть плодъ пріязни и угожденія" [6]). Ѳ. Б. находилъ *анахронизмъ* въ слѣд. стихахъ Бориса:

„Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви...." и пр.

---

[1]) Russische Bibliothek für Deutsche. Von Karl von Knorring. Reval, 1831. Три тетради. II, стр. VII предисловія. Въ библіотекѣ Кнорринга переведены: *Симеонъ Кирдяпа* Н. А. Полеваго, *Три Пояса* В. А. Жуковскаго, *Борисъ Годуновъ* А. С. Пушкина, *Марьина Роща* В. А. Жуковскаго и *Горе отъ Ума* А. С. Грибоѣдова.

[2]) Сѣв. Пчела 1831, № 266. Въ письмѣ къ В. А. У. спрашиваетъ Ѳ. Б.: читали ль вы повѣсти «*Бѣлкина*»? Я не нашелъ чуда.... Въ нихъ нѣтъ основной идеи.... Есть и у насъ превосходныя повѣсти. Просимъ заглянуть въ *Сына* Отечества на 1831 г.: въ нихъ все—и мысль, и вымыселъ и разсказъ. Сѣв. Пчела 1831. № 288.—Сынъ Отеч. тогда издавался Ѳаддеемъ Булгаринымъ и Николаемъ Гречемъ.

[3]) Сѣв. Пчела 1831, № 266.

[4]) Она появилась еще въ 1827 г. Моск. Вѣстникъ, № 1.

[5]) Сочин. Д. В. Веневитинова, ред. Пятковскаго. Спб. 1862, стр. 197.

[6]) Сѣв. Пчела 1831, № 75.

Въ обществахъ (послѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича), говоритъ фельетонистъ, не знали и едва ли помышляли о мгновенныхъ обладаніяхъ; ибо изъ нихъ (обществъ) былъ исключенъ женскій полъ".... Находитъ въ Борисѣ Годуновѣ подражаніе Шиллеру, Валтеръ-Скотту и Байрону. Главная мысль Ѳ. Б. такая: „имя и историческая эпоха *спасутъ Бориса въ переводѣ* (Г. Кнорринга)[1].

Н. И. Гречъ (въ письмѣ къ родственнику на походѣ) писалъ: „въ не періодической литературѣ блеснулъ *Борисъ Годуновъ*, А. С. Пушкина. Я удерживаюсь отъ поверхностнаго сужденія о семъ новомъ произведеніи нашего первокласнаго поэта, надѣясь вскорѣ напечатать въ Сѣв. Пчелѣ разборъ сей поэмы"[2].—Но онъ не исполнилъ своего обѣщанія[3]).

Михаилъ Каченовскій совѣтовалъ Пушкину *сжечь* Годунова; и это онъ говорилъ въ 1830 году, до появленія Годунова въ свѣтъ[4]).

Такимъ образомъ отзывъ А. А. Дельвига, который сочли пристрастнымъ, и отзывъ Н. А. Полеваго о произведеніи Пушкина, отзывъ въ пользу поэта, и остался *одиночкою* въ ряду другихъ отзывовъ о Годуновѣ въ 1831 году. Пушкинъ *уронилъ* себя, Пушкинъ не *самобытно* создалъ, на *ходульной* поэзіи построился[5]), Борисъ Годуновъ—*несчастное* произвеніе его, Борисъ Годуновъ *зарѣзалъ* Пушкина, Борисъ Годуновъ — *чистое ребячество*, повѣсти Сына Отечества *лучше* Бориса Годунова,—нужно *сжечь* Годунова: вотъ[6]) что заго-

---

[1]) Сѣв. Пчела 1831, № 266.

[2]) Сѣв. Пчела 1831, № 5.

[3]) На это требовалось много времени, сказано въ Сѣв. Пчелѣ 1831, № 133, потому и оставленъ разборъ.

[4]) Вѣстникъ Европы 1830, часть I, стр. 167 — 200. Денница 1831, стр. XXXV.

[5]) И. Ср. Камашева выраженіе.

[6]) Въ 6 № газеты: «Le Furet de Saint-Petersbourg» 1831, изд. Сенъ-Жульеномъ, была напечатана статья: «о Борисѣ Годуновѣ А. Пушкина». Литер. Газета 1831, стр. 60. Но мы не могли достать этой газеты *Жульена*.

ворила критика 1831 года противъ безсмертно-великаго и единственнаго у насъ творенія А. С. Пушкина. Что же поэтъ? Отвѣчалъ ли онъ своимъ разбирателямъ? Онъ молчалъ, какъ молчалъ и Карамзинъ въ свое время.... Пушкинъ отвѣтилъ за себя, какъ *поэтъ*. Вотъ какъ онъ бесѣдовалъ въ 1831 году съ собою:

„Поэтъ! не дорожи любовію народной:
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

* *
*

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

* *
*

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

* *
*

Доволенъ? такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ" [1]).

Понятна и эта рѣчь Пушкина, тогда же имъ сказанная:

„Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,

---

[1]) Сѣв. Цвѣты 1831. Мы то замѣтимъ здѣсь, что каждое произведеніе А. С. Пушкина должно *исторически* изслѣдить: что и какъ говорила о немъ критика,—не вызвала ль, противъ воли поэта, на подобныя приведеннымъ мысли. Тогда Г. А. Мартыновъ и другіе не рубили бы такъ съ плеча, говоря о Пушкинѣ.—Другое стихотвореніе Пушкина «Поэтъ» было напечатано 1827, въ Моск. Вѣстн.

Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой [1]) —
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой" [2]).

Если журналисты—этотъ, по выраженію М. П. Погодина, irascibile genus [3]), со всею язвительностію напали на произведеніе поэта, то Русское тогдашнее общество и иноземное съ радостію встрѣтило новое твореніе и давно-ожидаемое. Вотъ что писалъ А. А. Дельвигъ о первомъ появленіи Годунова: „Бориса Годунова, соч. А. С. Пушкина, въ первое утро раскуплено было, по показаніямъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, до 400 экземпляровъ. Это значитъ, что непривѣтливые журналисты напрасно винятъ нашу публику за равнодушіе къ истинно-хорошему въ нашей литературѣ, и вообще ко всему отечественному" [4]). Баронъ Е. Розенъ и Карлъ Кноррингъ перевели трагедію Пушкина на Нѣмецкій языкъ тогда же [5]).

---

[1]) Не несправедливо сказалъ Надоумко, что публика привыкла отъ Пушкина ожидать или смѣха, или *дикости*, оправленной въ прекрасные стишки. Ему вздумалось теперь перемѣнить тонъ и сдѣлаться постепеннѣе: такъ и перестала узнавать его». Телеск. 1831, часть I, стр. 574.

[2]) Сѣверные Цвѣты 1831.

[3]) Москвитянинъ 1853, № 4, «Замѣтки о Русскомъ языкѣ».

[4]) Когда вышли 8 томовъ Исторіи Государства Росс., то невозможно было пробраться въ ту комнату, гдѣ они продавались, и покупатели встрѣчали цѣлые возы экземпляровъ Исторіи Гос. Росс. Дельвигъ въ Лит. Газетѣ 1831, стр. 9. Пушкинъ говоритъ, что 3,000 экземпляровъ разошлось въ одинъ мѣсяцъ. Соч. А. С. Пушкина, «Записки».

[5]) Переводъ Барона Е. Розена хвалитъ Дельвигъ. Литер. Газета 1831, стр. 246. Переводъ этотъ мы не достали. О переводѣ Кнорринга отозвался прекрасно и Баронъ Е. Розенъ (Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Erster Band. 1833, стр. 56) и другіе знатоки Нѣмецкаго языка (Сѣв. Пчела 1831, № 266). Переводъ Карла Кнорринга вѣренъ подлиннику. Онъ старался удержать даже неуловимые оттѣнки языка Пушкина; ибо понималъ Русскій языкъ. Напр. слово — *«молодецъ»* (Molodetz) онъ старался многими словами замѣнить (Wackern,

Въ „Запискахъ“ Пушкина (см. его прозаическія сочиненія) говорится, почему онъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ не отвѣчалъ на критики своихъ рецензентовъ. Въ письмѣ къ М. П. Погодину, напечатанномъ въ Москв. 1843 г., часть V, Пушкинъ выражалъ удивленіе, какъ Годуновъ могъ имѣть успѣхъ среди переворотовъ, или *переоборотовъ* тогдашней критики. „Вотъ вамъ Борисъ, писалъ Пушкинъ Погодину, — мы живемъ во дни переворотовъ, или переоборотовъ (какъ лучше?). Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что Годуновъ имѣлъ успѣхъ. Вотъ еще для меня диковинка“.... Пушкинъ самъ цѣнилъ свое новое созданіе выше всѣхъ другихъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ того же письма: „Мнѣ сказывали, что васъ гдѣ-то

Braven, Gewandten, Listigen, Thätigen, Flinken, Schlauen), но самъ сознается, что всѣ эти слова не выражаютъ вполнѣ нашего слова: *молодецъ*. (Russische Bibliothek.... 2 тетр., предисловія стр. IX).

У *Пушкина* напр.: «А молодцы! Ей-Богу, молодцы!»

У *Кнорринга:* «Tücht'ge leute find's! Bei Gott, Tüchtige Leute (стр. 103).

У *Пушкина:* «А выручилъ князь Шуйскій. Молодецъ!» стр. 340.

У *Кнорринга:* «Schuiskii half ihm. Der gewandte Mann» стр. 88.

Возьмемъ хотя одинъ отрывокъ изъ перевода Барона Розена (изъ «Dorpater Jahrbücher») и сравнимъ съ Кноррингомъ.

Пушкинъ: Ксенія, цѣлуетъ портретъ:

«Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать». Карт. 9-я, стр. 302.

Кноррингъ: Xenia, küsst ein Bildniss:

«Mein gelibter Bräutigam, schöner Königssohn, nicht mir, nicht deiner Braût wardst du zu Theil, sondern im fremden Lande, einem dunkeln Grabe: nie werde ich mich trösten, so lange ich lebe werde ich dich beweinen» (стр. 48 «Rûssische Bibliothek für Deutsche» 2 тетр.).

Розенъ: Xenia, das Bildniss kûssend:

Mein Bräutigam, du holder Königssohn!
Nicht mir—der Braut—bis du zu Theil geworden!
Dir ward ein andres Loos—in fremder Erd!
Ei.. dunkles Grab! ich will mich nimmer trösten,
Mein ganzes Leben will ich um Dich weinen».

Въ «Dorpater Jahrbücher» есть отрывки перевода Барона Розена. Стр. 54.—Намъ кажется, что переводъ Кнорринга лучше.

разбранили за Посадницу (драма); надѣюсь, что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните, что *меня лѣтъ 10 сряду хвалили Богъ вѣсть за что, а разругали за Годунова и Полтаву*".

Теперь кратко изложимъ наше мнѣніе о Борисѣ Годуновѣ А. С. Пушкина [1]). Борисъ Годуновъ — трагедія въ полномъ смыслѣ этого слова. Мысль *государственная* развита поэтомъ въ ней,—та мысль, что на Русскомъ престолѣ Богъ указалъ сидѣть Царю законному, Царской крови; сердце чистое должно быть въ Царѣ Россіи. Если присвоилъ кто себѣ престолъ Русскій не по праву: тогда, скажемъ словами поэта,

„Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ".

Тогда бояре—опора престола—измѣнятъ своему Царю и дома и на полѣ ратномъ, какъ сдѣлали Воротынскій, Шуйскій, Пушкинъ и Басмановъ. Богъ нашлетъ на землю Русскую голодъ, пожаръ: Царь не заградитъ Десницы Божіей; ибо Богъ слышитъ только помазанника *своего*, Имъ призваннаго на пре-

---

[1]) Мнѣніе Н. А. Полеваго, высказанное имъ въ 1833 г., мы выше изложили. Умно написалъ критику на «Бориса Годунова» Баронъ Розенъ. Онъ разсказалъ содержаніе, выписалъ главную мысль произведенія Пушкина изъ Литер. Газеты 1831 г., стр. 16, опредѣлилъ нѣкоторые характеры (Годунова, Басманова, Патріарха, дѣтей Годунова, Пимена, юродиваго, Марины, Курбскаго и Отрепьева). Пименъ ему больше нравился (Dorpater Jahrbücher 1833, т. I, отъ стр. 43—59). Разборъ Фарнгагена фонъ-Энзе для насъ важенъ только со стороны *взгляда*, какъ и замѣтилъ Катковъ. Фарнгагенъ ничѣмъ не подтвердилъ своихъ положеній, даже ни *одного* стиха не выписалъ изъ Бориса Годунова (Denwurdigkeiten, часть 5, стр. 610—611. Переводъ вѣрный (М. Н. Каткова) этой статьи въ Отеч. Зап. 1839, т. III, невѣрный—въ Сынѣ Отеч. 1839, № 1). Хвалятъ произведеніе А. С. Пушкина: Совр. 1838, т. X, стр. 46, Галатея, 1839, часть 4, стр. 42—45, Библ. для Чт. 1840, т. 39, критика, стр. 5, 44—50, Москвитян. 1851, № 14, стр. 205. Столѣтіе Рус. Словесности Н. Мизко, стр. 266.—Милюковъ ставитъ ниже другихъ стихотвореній Бориса Годунова (Очеркъ Исторіи поэзіи 1842). Гречъ видитъ, что геній Пушкина потерпѣлъ кораблекрушеніе въ Годуновѣ. (Чтеніе о Рус. языкѣ. Спб. 1840, часть 2, стр. 78).

столъ. Тогда несчастенъ будетъ Царь въ семьѣ своей; подыметъ Судьба изъ подданныхъ его грознаго супостата, пойдетъ все въ разладъ, разстроится царство, погибнутъ невинныя дѣти за виновнаго отца. Виновникъ всего злаго года умретъ; но и въ сырой землѣ не дадутъ покоя, оскорбленные въ святыхъ чувствованіяхъ подданные, его грѣшнымъ костямъ. Извѣстно, что Бориса Годунова вырыли изъ прежней его могилы.... [1]). Эта мысль единитъ всѣ двадцать двѣ картины произведенія поэта. Ничего нельзя выбросить, ничего нельзя прибавить: ибо геній не подлежитъ подобнымъ истязаніямъ. Пушкинъ долго трудился, окончилъ и—больше ничего нельзя желать отъ этого произведенія [2]). Мысль, развитая поэтомъ, есть *наша*, Русская мысль. Въ ней убѣждалась и убѣждена наконецъ Россія, убѣждена вѣками, бѣдствіями и славою. Великъ поэтъ, послужившій этой истинѣ вѣрою и правдою!...

Съ неподражаемымъ искусствомъ и истиною изображены историческія лица въ этомъ произведеніи. Борисъ — образъ истинно-Русскаго царя, щедраго, благочестиваго, но несчастнаго за свою нечистую совѣсть [3]). Дѣти его — суть дѣти нашихъ древнихъ царей. Ксенія—образъ вѣрной по гробъ своему суженому невѣсты; Өеодоръ—любознательный отрокъ.... Григорій—истый образъ отважнаго человѣка, хитреца и мелкой души. Въ лицѣ Пимена поэтъ, скажемъ словами князя В. Ө.

---

[1]) Въ Морозов. лѣтописи читаемъ: «Царя Бориса извергоша изъ храма Архистр. Михаила, и повелѣша извлещи на сонмище съ великимъ поруганіемъ».... Ист. Госуд. Росс. т. XI, прим. 351.

[2]) Хотя Карлъ Кнорригъ думаетъ и иначе. См. стр. 163 нашего разбора.

[3]) Сомовъ говоритъ: «Борисъ Годуновъ (въ романѣ Булгарина «Димитрій Самозванецъ»)—вялый плакса, не имѣющій и тѣни сего исполинскаго честолюбца. Сѣв. Цвѣты 1831, стр. 64. Не хвалитъ «Годунова» Булгарина Дельвигъ (Лит. Газета 1831, стр. 16) и Марлинскій (въ Обозрѣніи Словесности, соч. Марлинскаго, т. XI).

Одоевскаго, разгадалъ характеръ лѣтописца [1]). Мамка, юродивый, баба и старуха, народъ — все это живьемъ взято изъ Русской жизни и возсоздано глубоко, недосягаемо. Вишневецкій, Мнишекъ, Pater Черниковскій, Марина — это наша, давно знакомая намъ Польша, легкомысленная, гордая и отважная до поры и до времени.... Вдохновляемый своимъ благодатнымъ геніемъ, Пушкинъ часто однимъ словомъ, однимъ дѣйствіемъ рѣзко и навѣкъ обозначаетъ извѣстную душу. Прочтите только ту картину, гдѣ Ляхъ и Плѣнникъ Русскій считаются. Ляхъ погрозилъ саблею безоружному Плѣннику, а этотъ не убоялся; смѣлость—вотъ сабля Русская:

„Нашъ братъ Русакъ безъ сабли обойдется:
Не хочешь ли вотъ этого (показывая кулакъ), безмозглый".

Что же? Ляхъ гордо посмотрѣлъ и ушелъ.... [2]). И сколько такихъ истинно-геніальныхъ очерковъ.... Но всѣ они исчезаютъ предъ цѣлымъ, великимъ и доселѣ невиданнымъ твореніемъ.... [3]).

---

[1]) Сочин. князя В. Ѳ. Одоевскаго, часть первая, «Русскія Ночи» 1844 г. Баронъ Розенъ въ 1833 г. тоже сказалъ (Dorpater Jahrbücher стр. 54).

[2]) Годун., карт. 17-я, стр. 352. На эту мысль указалъ какъ Фарнгагенъ фон-Энзе, такъ и критикъ Пушкина въ Библ. для Чт. 1840, т. 39, стр. 44, крит.

[3]) Въ 1835 г. *М. Лобановъ* написалъ трагедію въ трехъ дѣйствіяхъ подъ названіемъ: Борисъ Годуновъ. Но тутъ Годуновъ не возсозданъ намъ съ такою вѣрностію, какъ у Пушкина. Онъ скорѣе — *любезникъ*, нежели отецъ, когда бесѣдуетъ съ дочерью. Вотъ онъ что говоритъ:

«Иди ко мнѣ, дочь милая, скорѣе!
Дай мнѣ прижать тебя къ *горячей груди*,
И въ *сладкія* повергнуться *объятья*.
О Ксенія, какъ я *люблю* тебя!»

Ксенія потупила взоръ, когда Годуновъ извѣстилъ ее о женихѣ. Годуновъ опять говоритъ:

О невинность!
Ты робко взоръ потупила стыдливый.
Ахъ! кинься же еще въ мои *объятья*»....

Борисъ Годуновъ у Лобанова. Спб. 1835, стр. 22—23.

Совершается здѣсь дѣйствіе безостановочно; дѣйствующія лица не говорятъ только, а дѣйствуютъ и дѣйствіемъ своимъ совершенно выражаютъ намъ свою душу, свои мысли и сердце. То, что у Пушкина часто дѣйствующія лица пересказываютъ о дѣйствіи другихъ лицъ, мы ставимъ въ ряду совершенствъ всей трагедіи. Тутъ поэтъ еще болѣе представляется естественнымъ. Въ жизни такъ бываетъ. Я самъ не могу видѣть всего, что дѣлается даже въ *моей* семьѣ; о многихъ дѣлахъ мнѣ разсказываютъ: это однако же не значитъ, чтобы то лице, о которомъ мнѣ разсказали, не дѣйствовало.

Истина историческая соблюдена въ твореніи Пушкина. Изъ трагедіи Пушкина можно узнать полно и ясно нѣкоторыя событія и притомъ самыя важныя въ царствованіе Бориса Годунова,—тѣ событія, которыя и предположилъ Пушкинъ изобразить въ своемъ Годуновѣ. Лѣтопись, или Карамзинъ (—раскрыть Карамзина, значитъ раскрыть нашу лѣтопись), была для поэта священнымъ завѣтомъ, и онъ ни одною чертою, ни одною мыслію не *погрѣшилъ* противъ нея.

Наконецъ языкъ вполнѣ соотвѣтствуетъ внутреннимъ движеніямъ духа каждаго дѣйствующаго лица. Онъ воплощаетъ всѣ, едва замѣтные, оттѣнки мыслей, чувствованій дѣйствую-

---

Естественно ли это? Годуновъ скорѣе *рыцарь*, нежели царь, когда *извлекаетъ кинжалъ* (?), дабы *исторгнуть душу* юродиваго и *низринуть въ тартаръ*, за то, что юродивый назвалъ Годунова убійцею (стр. 52). Вся трагедія страждетъ неестественностію. *Юродивый* слишкомъ говорливъ и умезъ вездѣ, гдѣ является, стр. 16, 46—53, 109. Узнаемъ изъ трагедіи, что при Годуновѣ «по Москвѣ рыщутъ лѣсные звѣри» (стр. 18), твердыни, башни стали *прахомъ*, боры, дремучіе лѣса — *степями*» (—40). *Народъ* представленъ *велерѣчивымъ*. Замѣтно весьма *подражаніе* трагедіи Пушкина въ распредѣленіи хода дѣйствія. У Пушкина первая картина описываетъ *бояръ*, и у *Лобанова* то же и пр. Цѣлыя выраженія взяты изъ трагедіи Пушкина (стр. 11, 38, 106). Θеодора, сына Годунова, нѣтъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ и передъ смертію (отъ яда) Годуновъ опять хочетъ *прижать къ горячей груди* дочь свою (стр. 108)....

щихъ лицъ. Языкъ въ трагедіи—вполнѣ народный, заимствовавшій отъ Славянскаго выраженія свою нѣжность, силу и величіе.

Борисъ Годуновъ—„великая драма, исторія царства, поэтъ проявился въ видахъ безконечныхъ“:

Властелинъ-художникъ
Создаетъ картину—
Великую драму,
Исторію царства,
Въ ней духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ“ [1]).

Что критики не признали, въ свое время, и даже послѣ, великимъ и единственнымъ произведеніемъ Пушкина, — что критики, начавъ съ посвященія Карамзину [2]) и до послѣдняго слова въ трагедіи [3]), изслѣдили твореніе Пушкина и нашли, что оно—недостойно Пушкина, это да не послужитъ поводомъ ни къ униженію трагедіи, ни къ униженію критиковъ. Послушаемъ на этотъ разъ Н. В. Гоголя. Онъ говоритъ: „Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденьямъ, смѣется надъ неразуміемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отвсюду устремленъ пронзительный перстъ на него же, на него, на текущее поколѣніе, но смѣется текущее поколѣніе и самонадѣянно, гордо

[1]) Кольцовъ въ стихотвореніи «Поэтъ».
[2]) Н. А. Полевой и критикъ Отеч. Зап. 1845. (В. Г. Бѣлинскій).
[3]) Плаксинъ въ Сынѣ Отеч. 1831, ч. 143, стр. 93.

начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки" [1]). Пусть наше молодое поколѣніе приметъ совѣтъ Годунова сыну:

„Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни" [2]).

---

[1]) Мертвыя Души, ч. 1, гл. X. Спб. 1842, стр. 405—6.

[2]) Борисъ Годуновъ, карт. 9-я, стр. 303.—Въ Императорской Публичной Библіотекѣ, пользуясь ея сокровищами, мы начали, продолжали и окончили этотъ трудъ....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

